

РОЗАМУНДА
ПИЛЧЕР

ПОД ЗНАКОМ
БЛИЗНЕЦОВ
ДИКИЙ ГОРНЫЙ
ТИМЬЯН • КАРУСЕЛЬ

Гениальное умение создавать героев,
к которым привязываешься по-настоящему.

Daily Express

АЗБУКА

The Big Book

Розамунда Пилчер

**Под знаком Близнецов. Дикий
горный тимьян. Карусель**

«Азбука-Аттикус»

1976, 1978, 1982

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Пилчер Р.

Под знаком Близнецов. Дикий горный тимьян. Карусель /
Р. Пилчер — «Азбука-Аттикус», 1976, 1978, 1982 — (The Big
Book)

ISBN 978-5-389-17175-6

Книги Розамунды Пилчер (1924–2019) знают и любят во всем мире. Ее романы незамысловаты и неторопливы, зато в них много подлинного тепла и сердечности. Кредо писательницы можно охарактеризовать фразой: «У хороших людей всегда все будет хорошо», и в данном случае это один из столпов устойчивого читательского успеха. В настоящем сборнике представлены три романа: «Под знаком Близнецов», «Дикий горный тимьян», «Карусель». Героини первого из них, разлученные в детстве сестры-близнецы, никогда не слышали друг о друге, и вот судьба сводит их вместе. Отчего бы не воспользоваться своим удивительным сходством?.. Виктория и Оливер, герои второй книги, встречаются после долгой разлуки и отправляются в старинное шотландское поместье, выдавая себя за мужа и жену... А в последнем романе действие происходит на корнуолльском побережье. Умная и независимая Пруденс приезжает сюда из скучного Лондона, не подозревая, что вскоре жизнь закружит ее, словно на волшебной карусели...

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-17175-6

© Пилчер Р., 1976, 1978, 1982

© Азбука-Аттикус, 1976, 1978, 1982

Содержание

Под знаком Близнецов	7
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Розамунда Пилчер

Под знаком Близнецов. Дикий горный тимьян. Карусель

Rosamunde Pilcher
Under Gemini
Wild Mountain Thyme
The Carousel

© 1978 by Rosamunde Pilcher

© 1976 by Rosamunde Pilcher

© 1982 by Rosamunde Pilcher

© Е. Л. Лозовская, перевод, 2019

© Г. В. Здорных (наследник), перевод, 2019

© Ю. Д. Бабчинская, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Под знаком Близнецов

1. Изабель

Он стоял у окна, спиной к ней. С карниза свисали выцветшие шторы, купленные лет сорок назад. Ярко-красные розы выгорели на солнце, а ткань сильно поредела, поэтому шторы давно уже не сдавали в чистку из боязни, что они просто расплзутся. Но Таппи привыкла к ним, как привыкают к старым друзьям. Ее дочь Изабель несколько лет пыталась убедить ее купить новые, и каждый раз Таппи говорила: «Они проводят меня в последний путь», не слишком задумываясь о смысле этих слов.

«Проводят в последний путь». Кажется, этот момент приблизился. Ей семьдесят семь, и до сих пор она не жаловалась на здоровье, но, в очередной раз навозившись в саду, подхватила простуду, которая обернулась пневмонией. Когда Таппи наконец выбралась из темного тесного туннеля, каким показалась ей болезнь, то обнаружила, что рядом с ее постелью дежурит сиделка и трижды в день приезжает доктор. Сестру-сиделку, вдову из Форт-Уильяма, звали миссис Маклеод. Она была высокой, костлявой и чем-то напоминала надежную выносливую лошадь. Накрахмаленный нагрудник белого передника, надетого поверх темно-синего форменного платья, неуклюже оттопыривался на ее плоской груди, а башмаки были из тех, которые называют «прощай, молодость». Но, несмотря на внешнюю суровость, сестра-сиделка обладала добрым сердцем.

Итак, уход в небытие уже не казался теперь каким-то отдаленным и невнятным событием, а стал неумолимой холодной неизбежностью.

Смерть несколько не пугала Таппи, но она подступила не вовремя. Ее мысли скользнули в прошлое (в последнее время она все чаще думала о прошлом), и она вспомнила себя молодой двадцатилетней женщиной, осознавшей, что она беременна. Тогда она была в панике: ведь это означало, что к декабрю ее живот будет круглым, как бочка, и она не сможет пойти ни на одну рождественскую вечеринку с танцами. Свекровь тогда утешила ее, бросив коротко: «Дети всегда рождаются не вовремя». Возможно, то же самое относится и к смерти. Надо просто принимать ее тогда, когда она приходит.

Утро было ясным, но сейчас солнце скрылось. Сквозь окно, у которого стоял доктор, в комнату проникал холодный свет.

– Дождь собирается? – спросила Таппи.

– Больше похоже на туман. Островов совсем не видно. Эгг скрылся еще полчаса назад.

Таппи задумчиво смотрела на него: высокий, крепкий мужчина в выдавшем виды твидовом костюме стоит у окна, словно забыв, зачем он здесь оказался. Хороший врач, такой же хороший, каким был его отец. Она помнила его еще мальчуганом в коротких штанишках, с разбитыми коленками и волосами, испачканными песком, и долго не могла привыкнуть к мысли, что именно ему должна рассказывать о своих хворях.

Она с грустью отметила седину в его волосах, на самых висках, и почувствовала себя совсем дряхлой. Это чувство было сильнее даже мысли о смерти.

– Ты седеешь, – с каким-то упреком сказала Таппи, как будто он не имел права на подобную вольность.

Он повернулся, провел рукой по волосам и печально улыбнулся:

– Знаю. Позавчера мне об этом сказал парикмахер.

– Сколько тебе лет?

– Тридцать шесть.

- Совсем мальчишка. Тебе рано сидеть.
- Наверное, это ваша болезнь меня доконала.

Пуловер, который он носил под твидовым пиджаком, начал распускаться у ворота. Сердце Таппи сжалось. О нем совсем некому позаботиться. И вообще, что ему делать здесь, в этом глухом городишке? Лечить болячки местных жителей – рыбаков и фермеров? Ему бы работать в Эдинбурге или Лондоне, в солидной клинике, и ездить на «бентли». Он мог бы преподавать в университете или заниматься научными исследованиями, писать статьи и книги.

Он был блестящим студентом, учился вдохновенно, строил планы на будущее, и все были уверены, что ему уготована многообещающая карьера. Но затем он встретил в Лондоне эту глупую девицу; Таппи с трудом вспомнила ее имя – Диана. Он привез ее сюда, в Тарбол, где она никому не понравилась, но все возражения только укрепляли в нем решимость жениться. Это было вполне в его характере: Хью всегда отличался ослиным упрямством, которое при встрече с препятствием только усиливалось. Его отцу следовало это знать. Старый доктор Кайл все сделал неправильно, думала Таппи, и, если бы он был жив, она бы высказала ему все без обиняков.

В конце концов этот неудачный брак закончился трагедией, и, когда все было кончено, Хью вернулся в Тарбол, чтобы занять место отца.

А теперь он живет один, унылый стареющий холостяк. И слишком много работает. Таппи знала, что он заботится о себе гораздо меньше, чем о своих пациентах. Знала она и то, что слишком часто он проводит вечера в местном пабе, где на ужин ему подают кусок пирога и стакан виски.

- Почему Джесси Маккинзи не починит тебе свитер? – спросила она.
- Не знаю. Я забываю попросить ее об этом.
- Тебе надо снова жениться.

Он подошел к ее кровати, явно желая сменить тему разговора. И мгновенно маленький круглый комочек шерсти в ногах Таппи превратился в старого йоркширского терьера и, приподнявшись, как кобра, над одеялом, грозно зарычал, обнажая изъеденные временем желтые клыки.

- Сасси! – прикрикнула Таппи.

– Это не была бы Сасси, если бы она не пыталась вцепиться мне в глотку каждый раз, когда я приближаюсь к вам, – невозмутимо сказал доктор. Он нагнулся и взял свой саквояж. – Мне надо идти.

- К кому ты теперь?
- К миссис Купер. А потом к Анне Стоддарт.
- А что случилось с Анной? Заболела?
- С Анной все в порядке. И даже очень. Скажу вам по секрету: она ждет ребенка.
- Анна? После стольких лет? – радостно переспросила Таппи.
- Да. Я решил, что эта новость поднимет вам настроение. Но только никому не говорите.

Она хочет пока сохранить это в тайне.

- Я не обмолвлюсь ни словечком. Как она себя чувствует?
- Нормально. Ее даже не тошнит по утрам.

– Я так за нее рада. Она должна выносить этого ребенка. Присматривай за ней как следует. Да что я говорю, конечно, ты сделаешь все, что нужно. Я действительно рада.

- Хорошо. Чем еще я могу вас порадовать?

Таппи снова устала на дырку в свитере доктора. Ее мысли естественным образом перешли с младенцев к свадьбам и неминуемо – к ее внуку Энтони.

- Я скажу тебе, чего я хочу. Я хочу, чтобы Энтони привез сюда Розу.

– А что, он не хочет этого делать? – спросил доктор после некоторого колебания, столь короткого, что Таппи убедила себя, что ей это показалось.

Она бросила на него быстрый взгляд, но он опустил глаза, завозившись с застежкой саквояжа.

– Прошло уже четыре месяца с тех пор, как они обручились, и я хочу увидеть ее. Я не видела Розу с тех пор, как она и ее мать приезжали сюда пять лет назад и жили в доме на пляже. Я почти не помню, как она выглядит.

– Я думал, она в Америке.

– Да, она была там. Уехала туда сразу после помолвки. Но Энтони уверял, что она скоро вернется. Он обещал привезти ее в Шотландию, но почему-то не привозит. А я хочу знать, когда они поженятся и где будет свадьба. Надо многое обсудить и организовать, но стоит завести с Энтони разговор на эту тему, как он начинает плести что-то насчет дел, которые держат его в Эдинбурге, и пытается меня успокоить. Терпеть не могу, когда меня успокаивают. Меня это раздражает.

– Я поговорю об этом с Изабель, – пообещал доктор.

– Пусть она нальет тебе рюмочку шерри.

– Нет, я ведь иду к миссис Купер. – Миссис Купер заведовала местной почтой и была убежденным борцом с алкоголем. – Она и так обо мне не лучшего мнения, а уж если что-нибудь унюхает, мне не поздоровится.

– Глупая женщина, – сказала Таппи.

Они с доктором улыбнулись друг другу, и он ушел, закрыв за собой дверь. Сасси уютно свернулась клубком под боком у Таппи. Оконная рама слегка дребезжала от ветра; стекло затуманилось капельками дождя. Время близилось к обеду. Таппи легла поудобнее и, подчиняясь появившейся в последнее время привычке, погрузилась в воспоминания.

Ей семьдесят семь лет. Старость застала ее врасплох. Таппи Армстронг не чувствовала себя старой. Другие старели, но не она. Она вспомнила, какой была в старости ее бабушка. Потом мысли скользнули к Люсилле Элиот, героине романа «Трава милосердия»¹, главе целого семейного клана.

Впрочем, Таппи никогда не нравилась Люсилла, она казалась ей властной и деспотичной. А этот снобизм в одежде, пристрастие к маленьким черным платьям! У Таппи никогда в жизни не было такого платья. Много красивых нарядов, но ни одного маленького черного платья. А вообще-то, большую часть времени она с удовольствием носила твидовые юбки и вязаные кофты с заплатками на локтях: прочную удобную одежду, в которой можно не бояться, что зацепишься за колючую ветку в саду или попадешь под дождь.

Для торжественных случаев существовало синее бархатное платье, надевая которое сразу чувствуешь себя богатой и красивой. Особенно если побрызгаться туалетной водой и натянуть на распухшие от артрита пальцы старинные перстни. Может быть, когда Энтони привезет Розу, устроить званый ужин? Позвать нескольких друзей... Таппи представила белоснежную скатерть, серебряные подсвечники и большой букет чайных роз.

Она всегда любила принимать гостей, и сейчас ее мысль невольно начала работать в этом направлении. Раз Энтони и Роза собираются пожениться, значит надо составить список гостей, которые будут приглашены на свадьбу со стороны Армстронгов. Лучше сделать это заранее, а список дать Изабель. Просто на всякий случай...

От этих мыслей ей вдруг стало не по себе. Таппи притянула к себе собачку и поцеловала в лохматую макушку. Сасси лизнула ее в ответ и снова погрузилась в сон. Таппи закрыла глаза.

Спускаясь вниз, доктор Хью Кайл замедлил шаги и остановился на повороте лестницы, держась рукой за перила. Его одолевало беспокойство. Не столько из-за здоровья Таппи,

¹ «Трава милосердия» – роман английской писательницы Элизабет Гюдж (1900–1984).

сколько из-за разговора между ними. Одинокая фигура доктора с тревожно нахмуренным лицом словно застыла посреди лестницы.

В просторном холле первого этажа было пусто. Стеклянные двери в противоположном конце холла вели в сад, террасами раскинувшийся на склоне холма. Море вдали погрузилось в туман. Доктор разглядывал натертый до блеска пол, изношенные ковры, латунную вазу с георгинами на комод, негромко тикающие высокие старинные часы. Были и другие, менее живописные свидетельства существования семьи Армстронг: облупившийся трехколесный велосипед Джейсона, который занесли внутрь, чтобы спрятать от дождя, собачьи корзинки и миски, пара грязных резиновых сапог, брошенных у порога. Для Хью все это было родным и знакомым, поскольку он с детства часто бывал в Фернриг-хаусе. Но сейчас, казалось, весь дом замер в ожидании, что же будет с Таппи.

Никого не было видно; впрочем, это и неудивительно. Джейсон еще в школе, миссис Уотти, вероятно, готовит на кухне обед. А Изабель – интересно, где она, где ее искать?

Едва этот вопрос возник у него в голове, как в гостиной послышались шаги и стук когтей Пламмера по паркету. В следующий момент в дверях появилась Изабель, следом за ней трусил толстый старый спаниель.

Изабель встревоженно взглянула на Хью. Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем Хью поспешно взял себя в руки и попытался придать лицу бодрое выражение.

– Изабель, я как раз раздумывал, где мне тебя найти.

– Как Таппи? – еле слышно спросила она.

– Не так уж плохо.

Хью начал спускаться вниз.

– Я подумала... Когда я увидела, что ты стоишь там... Я подумала...

– Извини, я просто отвлекся. Я не хотел пугать тебя.

Его слова не убедили Изабель, но она попыталась улыбнуться. Ей было пятьдесят четыре года, застенчивой домоседке, которая так и не вышла замуж и посвятила себя матери, дому, саду, подругам, собаке, племянникам, а теперь еще и маленькому внучатому племяннику, Джейсону, которого оставили здесь уехавшие за границу родители. Ее волосы, ярко-рыжие в юности, теперь приобрели песочный оттенок с проблесками седины, но прическу она ни разу не меняла, сколько Хью себя помнил. Не изменилось и выражение ее лица, до сих пор по-детски простодушное. Голубые глаза были ясными, как у младенца, и изменчивыми, как небо в ветреный день; в них, словно в зеркале, отражались все ее чувства. То они сияли радостью, то блестели от слез, которые Изабель так и не научилась сдерживать.

Сейчас эти глаза, глядящие на Хью, наполняла боль. Было ясно, что его напускная веселость совершенно не успокоила Изабель.

– Она... она умирает?

Ее губы с трудом прошептали страшное слово. Хью взял ее под руку, завел обратно в гостиную и закрыл дверь.

– Да, она может умереть. Она немолода и перенесла тяжелую болезнь. Но у нее стойкий организм. Она крепка, как старый здоровый корень. И шансы выкарабкаться довольно высоки.

– Как подумаю, что она станет инвалидом и не сможет заниматься тем, что любит... Это будет угнетать ее.

– Да, я понимаю.

– И что нам делать?

– Ну... – Он откашлялся и потер рукой шею. – Есть кое-что, что сможет поднять ей дух. Если бы Энтони приехал сюда и привез с собой ту девушку, с которой он обручен...

Изабель, как и Таппи, тоже помнила Хью упрямым мальчишкой, а потому накинута на него:

– Не называй ее «та девушка». Это звучит ужасно. Ее зовут Роза Шустер, и ты знаешь ее так же хорошо, как и все мы, по крайней мере знаком с ней.

Изабель всегда бросалась на защиту любого, кто имел хоть какое-то отношение к семье.

– Извини. Пусть будет Роза. Так вот, Таппи очень хочет увидеть ее снова.

– Мы все хотим ее увидеть, но она уехала к матери в Америку. Эта поездка была запланирована еще до того, как они обручились с Энтони.

– Да, я знаю, но, возможно, она уже вернулась. Таппи волнуется из-за этого. Может быть, надо слегка подтолкнуть Энтони, уговорить его привезти Розу сюда хотя бы на выходные.

– Он всегда так занят...

– Я уверен, что если ты объяснишь ему ситуацию... Скажи ему, что лучше не откладывать.

Как и опасался Хью, глаза Изабель мгновенно заблестели слезами.

– Ты действительно считаешь, что она умирает? – Она теребила рукав в поисках носового платка.

– Изабель, я этого не говорил. Но ты же знаешь, как Таппи относится к Энтони, как много для нее значит его приезд. Энтони для нее скорее сын, чем внук.

– Да. Да, я понимаю. – Изабель высморкалась и спрятала носовой платок. Чтобы отвлечься от тяжелых мыслей, она обвела комнату глазами и остановила взгляд на графинчике с шерри. – Выпей рюмочку, Хью.

Он рассмеялся, снимая напряжение.

– Нет, я сейчас иду к миссис Купер. У нее опять сердцебиение, и оно только усилится, если она почувет, что я выпил.

Изабель невольно улыбнулась. Миссис Купер всегда была объектом семейных шуток. Они вместе вышли из комнаты в холл. Изабель распахнула входную дверь, и в дом ворвался сырой и холодный утренний воздух, наполненный капельками тумана. Припаркованная у крыльца машина доктора поблескивала мокрыми боками.

– И обещай, что позвонишь мне, если возникнет хоть малейший повод для беспокойства.

– Позвоню. Хорошо, что у нас есть сестра-сиделка. С ней я меньше беспокоюсь.

Именно Хью посоветовал, чтобы они наняли сиделку: «Иначе Таппи придется положить в больницу». Это предложение вызвало у Изабель массу панических мыслей. Видимо, Таппи серьезно больна, и потом, где найти сиделку? И вдруг это не понравится миссис Уотти? Вдруг она обидится?

Но Хью настоял на своем, и все устроилось. Миссис Уотти подружилась с сестрой, а Изабель получила возможность спать по ночам. Можно было без преувеличения сказать, что с Хью они чувствовали себя как за каменной стеной. Доктор сел в машину и поехал по короткому проезду, между кустами мокрых от дождя рододендронов, мимо домика, где жила чета Уотти, и через выкрашенные белой краской ворота. Изабель смотрела вслед, пока машина не скрылась из вида. Начался прилив, и было слышно, как внизу, под садом, бьются о скалы волны.

Она поехала и вернулась в дом, чтобы позвонить Энтони.

В холле Изабель присела на край комода и принялась искать телефон конторы в Эдинбурге, где работал Энтони. Она никогда не запоминала номера, даже те, которыми пользовалась постоянно. Глядя одним глазом в книгу, она аккуратно набрала номер и стала ждать, когда кто-нибудь возьмет трубку. Ее мысли тревожно метались в разных направлениях. Георгины завтра завянут, нужно будет срезать свежих; а вдруг Энтони ушел обедать? Нельзя быть такой эгоисткой по отношению к Таппи. Каждому человеку приходит время умереть. Если Таппи не сможет ухаживать за своим любимым садом и гулять с Сасси, ей не захочется больше жить. Но какая невыносимая пустота останется в их жизни! Изабель невольно начала истово молиться. «Не дай ей умереть. Не дай нам потерять ее сейчас. О Господи, будь милостив к нам...»

– «Маккиннон, Карстерз и Робб». Чем могу помочь?

Молодой жизнерадостный голос вернул Изабель к действительности. Выудив носовой платок, она вытерла глаза и заставила себя успокоиться.

– Извините, я только хотела узнать, можно ли поговорить с мистером Армстронгом. Мистером Энтони Армстронгом.

– Как вас представить?

– Мисс Армстронг. Я его тетя.

– Минуточку.

Пара щелчков, пауза, и затем чудесным образом раздался голос Энтони:

– Тетя Изабель?

– О, Энтони...

Он мгновенно встревожился:

– Что-то случилось?

– Нет. Ничего. – Изабель постаралась взять себя в руки. – Приезжал Хью Кайл. Только что уехал.

– Таппи стало хуже? – прямо спросил Энтони.

– Он... Он говорит, что она замечательно держится. Что она крепка, как старый здоровый корень. – Изабель попыталась произнести это весело, но голос предательски дрогнул. Она не могла забыть мрачное выражение, которое успела увидеть на лице Хью. Не скрывает ли он от нее правду? – Хью разговаривал с Таппи и сказал, что она хочет, чтобы ты приехал и привез с собой Розу. Кстати, от нее есть какие-нибудь известия? Она вернулась из Америки?

На другом конце провода воцарилось молчание. Чтобы заполнить его, Изабель начала бормотать:

– Я знаю, ты все время занят, и не хочу тебя беспокоить...

– Все в порядке, – наконец заговорил Энтони. – Да, она вернулась в Лондон. Я получил от нее письмо сегодня утром.

– Для Таппи это очень важно.

Снова пауза. Затем Энтони задал вопрос:

– Она умирает?

Изабель не смогла сдержать слез. Она разрыдалась, злясь на себя, но не в силах остановиться.

– Я... я не знаю. Хью пытался успокоить меня, но я никогда еще не видела его таким озабоченным. Будет ужасно, если с Таппи что-нибудь случится, а она так и не увидит вас с Розой вместе. Ваша помолвка столь много для нее значит. Если бы ты привез Розу, это могло бы взбодрить ее. Дать ей стимул...

Изабель не могла продолжать. Слезы застилали ей глаза. Силы вдруг покинули ее, и она почувствовала себя очень одинокой. Снова высморкавшись, она беспомощно проговорила:

– Сделай что-нибудь, Энтони...

– Я не думал... – потрясенным голосом сказал он.

– Я и сама только сейчас поняла.

– Хорошо, я свяжусь с Розой. Что-нибудь придумаю. Мы приедем в следующие выходные. Обещаю.

– Спасибо, Энтони.

Ей сразу стало легче. Они приедут. Если Энтони пообещал, он все устроит. Он всегда держит слово, что бы ни случилось.

– И не слишком нервничай из-за Таппи. Раз Хью говорит, что она крепкая, значит так оно, наверное, и есть. Она всех за пояс заткнет и, может быть, даже нас переживет.

Изабель рассмеялась:

– Всякое бывает.

– Вот именно, – отозвался Энтони. – Увидимся в следующие выходные.

- Благослови тебя Бог.
- Не волнуйся. И обними за меня Таппи.

2. Марсия

- Нам пора домой, – сказал Рональд Уоринг, наверное, уже в пятый раз.
- Пора, – в пятый раз согласилась его дочь Флора, разомлевшая от солнца и долгого купания.

Но ни один из них не двинулся с места. Примостившись на покатой поверхности гранитной скалы, Флора всматривалась в прозрачно-синюю глубину каменного бассейна, созданного природой, их любимого места для купания. Предвечернее солнце, плавно скользящее вниз по небосклону, бросало на ее лицо последние теплые лучи. На щеках девушки засохла морская соль, мокрые волосы прилипли к шее. Она сидела, упершись подбородком в колени, обхватив себя руками. Море ослепительно сверкало, заставляя прищуривать глаза.

Была среда, чудесный день в конце лета. Или сентябрь уже считается осенью? Флора не помнила. Особая прелесть корнуолльского лета была в том, что оно долго не кончалось. Здесь, внизу, под защитой утеса, не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, а скалы, впитавшие солнечные лучи, были теплыми на ощупь.

Начинался прилив. Первые струйки воды просочились между двумя обросшими ракушками скалами и выплеснулись в бассейн. Скоро эти струйки превратятся в поток, а зеркальную гладь воды разобьет нескончаемая череда накатывающихся валов. Вода покроет скалы, и каменный бассейн исчезнет, скроется из виду до тех пор, пока следующий отлив не обнажит его снова.

Сколько раз они сидели здесь вместе, зачарованные сентябрьским приливом! Но в этот вечер заставить себя встать и уйти было еще труднее, потому что это был последний вечер. Они поднимутся по тропинке, идущей по склону утеса, как всегда, то и дело оглядываясь на океан. Потом пройдут через поле к дому, где их ждет Марсия, с ужином в духовке и цветами на столе. А после ужина Флора отправится собирать вещи, потому что завтра она возвращается в Лондон.

Все это было решено и спланировано заранее, но сейчас мысль об отъезде казалась почти невыносимой. Флоре всегда было тяжело расставаться с отцом. Она подняла голову и посмотрела на него. Он сидел на камне – худощавый и загорелый, в потрепанных шортах и латаной рубашке с закатанными выше локтя рукавами. Отец слегка повернул голову, следя глазами за бакланом, скользящим над самой поверхностью моря. Редящие волосы, спутавшиеся после купания, упрямый подбородок.

- Я не хочу уезжать.

Он взглянул на нее и улыбнулся:

- Тогда оставайся.

– Мне надо ехать. Ты это знаешь. Мне надо прожить свою жизнь. Я слишком долго здесь оставалась.

- Я хотел бы, чтобы ты осталась навсегда.

У Флоры встал комок в горле.

– Ты не должен так говорить. Ты должен быть суровым и несентиментальным. Ты должен вытолкнуть своего птенца из гнезда.

- Ты уезжаешь не из-за Марсии?

– Конечно, в каком-то смысле из-за нее, но дело не в этом. Она мне очень нравится, ты ведь знаешь. – Увидев, что отец не улыбнулся, Флора попыталась обратить все в шутку. – Ну хорошо, она противная злая мачеха, как тебе такая причина? И я решила сбежать, пока она не заперла меня в чулане с крысами.

– Ты всегда можешь вернуться. Обещай мне, что ты вернешься, если не найдешь работу или что-то не сложится.

– Да найду я работу, не волнуйся.

– Я жду обещания.

– Хорошо, обещаю. Вот заявлюсь обратно через неделю, сам не обрадуешься. А теперь, – она подняла купальное полотенце и пару потрепанных босоножек, – нам пора домой.

Поначалу Марсия отказывалась выйти замуж за отца Флоры.

– Ты не можешь жениться на мне, – говорила она ему. – Ты старший преподаватель классических дисциплин в солидной школе. Тебе нужна солидная дама, которая носит фетровые шляпки и умеет управляться с твоими учениками.

– Мне не нравятся солидные дамы, – возражал Рональд несколько раздраженно. – Если бы они мне нравились, я бы давным-давно женился на сестре-хозяйке.

– Просто я не представляю себя в роли миссис Рональд Уоринг. Мне это как-то не идет. «Сейчас, мальчики, миссис Уоринг вручит серебряный кубок за победу в прыжках в высоту». И тут появляюсь я, спотыкаясь и запинаясь, забываю, что должна сказать, роняю кубок или даю его не тому мальчику.

Но Рональд Уоринг всегда был человеком, который знает, чего хочет. Он настаивал, убеждал и в конце концов добился своего. Они поженились в начале лета, в маленькой церкви, построенной в незапамятные времена, где пахло сыростью, как в пещере. Марсия надела очень красивое изумрудно-зеленое платье и огромную соломенную шляпу с опущенными полями, как у Скарлетт О'Хара². Рональд Уоринг был одет безупречно, носки подходили по цвету к костюму, а узел галстука не сползал вниз, как это бывало обычно. Из них получилась отличная пара, думала Флора. Когда счастливые молодожены вышли из церкви, она сделала несколько снимков, запечатлев, как свежий морской бриз едва не срывает широкополую шляпу с невесты и поднимает торчком, наподобие гребешка у какаду, редующие волосы жениха.

Марсия родилась и выросла в Лондоне и каким-то образом умудрилась не выйти замуж до сорока двух лет. Скорее всего, потому, что у нее просто не было на это времени, решила Флора. Марсия начала карьеру с обучения в театральной школе, некоторое время работала костюмершей в провинциальном театре, а потом жизнерадостно плыла по жизни, время от времени меняя род занятий самым неожиданным образом. В последнее время она работала в курортном магазинчике, торгующем арабскими плетеными вещами.

Хотя Флора с самого начала полюбила Марсию и всячески приветствовала их союз с отцом, у нее оставались определенные сомнения насчет способности Марсии вести домашнее хозяйство. В конце концов, ни одной нормальной дочери не понравится, если отец постоянно будет питаться замороженной пищей и консервами.

Но и в этом Марсия преуспела, удивив и отца, и дочь. Оказалось, она превосходно готовит, с энтузиазмом наводит порядок в доме да еще обнаруживает невероятный талант к занятиям садоводством. Овощи на грядках поднимались ровными стройными рядами, цветы распускались от одного взгляда Марсии, а кухонный подоконник украсили глиняные горшки с геранью и бальзамино.

Отец и дочь поднялись по крутой тропинке вверх и зашагали по полю к дому. Стало прохладно, и низкое солнце отбрасывало длинные тени. Марсия вышла навстречу. На ней были зеленые брюки и хлопчатобумажная блуза, искусно вышитая какой-то мастерицей. В лучах уходящего солнца пышные волосы Марсии казались расплавленным золотом.

² Скарлетт О'Хара – героиня романа Маргарет Митчелл «Унесенные ветром».

Заметив ее, Рональд Уоринг поднял голову и ускорил шаг. Флора, едва поспевая за ним, думала, что между этими немолодыми уже людьми существует не просто взаимная симпатия, а настоящая страсть. И когда они встретились посреди поля, то обнялись без всякого смущения, словно после долгой разлуки. Может быть, именно это они и чувствовали. Ведь они так долго ждали друг друга.

Именно Марсия отвезла Флору следующим утром на станцию к лондонскому поезду. Каждый раз, садясь за руль, мачеха испытывала прилив необычайной гордости. Шутка ли, освоить вождение в ее возрасте.

Когда над ней подтрунивали по этому поводу, она всегда находила множество объяснений. Говорила, что у нее не тот склад ума, чтобы разбираться в механике, и машина ей не нужна, потому что всегда находится кто-то, кто готов подвезти ее. Но, выйдя замуж за Рональда Уоринга, Марсия оказалась запертой в маленьком деревенском домишке на краю земли. И стало ясно, что время пришло.

Теперь или никогда, решила Марсия и начала брать уроки. Затем наступил черед экзаменов. Их она сдавала три раза. Первый раз провалилась, потому что наехала передним колесом на ногу констеблю. Во второй раз, въезжая задним ходом на площадку для парковки, она нечаянно опрокинула детскую коляску, по счастью в тот момент пустую. Ни Флора, ни ее отец не могли представить, что у Марсии хватит духу начать все заново, но они недооценили ее. Она пошла сдавать экзамен в третий раз и наконец получила права. Поэтому, когда Рональд с сожалением сообщил, что не сможет отвезти Флору к поезду, потому что должен присутствовать на каком-то заседании в школе, Марсия с небрежной гордостью произнесла: «Нет проблем. Я отвезу ее».

Флора обрадовалась. Она ненавидела прощания на вокзале, от гудков локомотива у нее всегда щемило сердце. Если отец поедет провожать ее, она может расплакаться, и расставание станет еще более тягостным для всех.

День снова выдался теплым и безоблачным; небо ярко синело, а заросли папоротника вдоль дороги отливали золотом. В воздухе была какая-то особенная, кристальная прозрачность, и все вокруг вырисовывалось необыкновенно четко и ясно. Марсия, чьи мысли довольно легко угадывались, начала напевать густым контральто: «Что за чудное утро, что за чудный день...», затем умолкла и начала шарить рукой под сиденьем в поисках сумки. Это означало, что ей нужна сигарета. Автомобиль вильнул и выехал на встречную полосу.

– Давай я достану, – поспешно сказала Флора.

Сунув сигарету в зубы Марсии, она поднесла зажигалку, чтобы той не пришлось снимать руки с руля.

Выкурив сигарету, Марсия запела: «Я чувствую, я знаю, все будет хорошо...» Потом она снова замолчала и нахмурилась.

– Дорогая, скажи честно, ты уезжаешь в этот ужасный Лондон не из-за меня?

В последнюю неделю этот вопрос задавался каждый вечер. Флора сделала глубокий вдох.

– Нет. Я же говорила вам, что нет. Просто я снова отыскала нить своей жизни и собираюсь продолжить с того места, на котором остановилась год назад.

– Не могу избавиться от чувства, что выжила тебя из дома.

– Это не так. Попробуй взглянуть на ситуацию с моей точки зрения. Зная, что отец нашел хорошую женщину, которая будет заботиться о нем, я могу с чистой совестью оставить его здесь и уехать.

– Мне было бы спокойнее, если бы я знала, что тебя ждет. У меня перед глазами стоит ужасная картина: ты сидишь в тесной комнатухе и ешь холодную фасоль из консервной банки.

– Я же говорила, что найду жилье. А пока что остановлюсь у своей подруги, Джейн Портер. Я обо всем с ней договорилась. Девушка, с которой они вместе снимают квартиру, уезжает отдыхать со своим парнем. Поэтому я смогу занять ее место. А к тому времени как она вернется, найду собственную квартиру и замечательную работу, так что все будет в порядке. – Увидев, что Марсия по-прежнему хмурится, Флора добавила: – Мне ведь двадцать два, а не двенадцать. Я превосходная стенографистка и машинистка. Так что беспокоиться не о чем.

– Ладно, но если что-то не заладится, обещай, что позвонишь мне. Я приеду и по-матерински постараюсь помочь тебе.

– Я выросла без материнской заботы и вполне могу без нее обходиться, – сказала Флора. – Извини, – добавила она, – я не хотела тебя обидеть.

– Я и не обижаюсь, дорогая, это всего лишь констатация факта. Но знаешь, чем больше я об этом думаю, тем более странным это выглядит.

– Я не совсем понимаю, о чем ты говоришь.

– О твоей матери. Бросить твоего отца и тебя, совсем малышку. То есть я могу представить, что женщина может уйти от мужа. Правда, я не понимаю, как можно оставить Рональда. Но бросить ребенка! Дичь какая-то. Если уж женщина завела ребенка, разве может она с ним расстаться?

– Я рада, что она не забрала меня с собой. Я не хотела бы ничего другого. Не знаю, как это папе удавалось, но у меня было замечательное детство.

– Ты знаешь, кто мы с тобой такие? Основатели клуба обожателей Рональда Уоринга. Интересно, почему она уехала? Я имею в виду твою мать. Там был другой мужчина?

– Нет, не думаю. Просто они не сошлись характерами. Так мне папа всегда говорил. Ей не нравилось, что он простой учитель без амбиций, а он не интересовался вечеринками с коктейлями. Ее раздражала его рассеянность, мешковатая одежда и то, что он все время пропадает в школе. И потом, совершенно очевидно, что он никогда не смог бы зарабатывать достаточно денег, чтобы обеспечивать такую жизнь, которая ей нравилась. Как-то раз я нашла в ящике стола мамину фотографию. Изящная, элегантная, шикарно одетая. Не из папиного круга.

– И как их угораздило пожениться?

– Кажется, они познакомились, когда катались на горных лыжах в Швейцарии. Папа отличный лыжник – ты, наверное, этого не знаешь. Думаю, их ослепили снег и солнце, опьянил горный альпийский воздух. А может, она влюбилась, увидев, как он спускается с горы. В общем, это случилось, родилась я, а потом все кончилось.

Они уже выехали на шоссе, ведущее к маленькой железнодорожной станции.

– Надеюсь, Рональд не станет приглашать меня кататься на лыжах, – сказала Марсия.

– Почему бы нет?

– Я не умею.

– Для папы это не имеет никакого значения. Он обожает тебя такой, какая ты есть. Ты ведь это знаешь?

– Да, – призналась Марсия. – Я самая счастливая из женщин. Тебя ждет удача. Ты ведь родилась под созвездием Близнецов, и сегодня утром я посмотрела твой гороскоп. Все планеты движутся в нужном направлении, и ты сумеешь извлечь выгоду из благоприятной ситуации. – Марсия хорошо разбиралась в гороскопах. – Это означает, что в течение недели ты найдешь отличную работу, отличную квартиру и, может быть, познакомишься с высоким темноволосым мужчиной, который ездит на «мазерати». Такой вот набор.

– В течение недели? У меня не много времени.

– Да, это все должно произойти за неделю, поскольку в следующую пятницу звезды переменятся.

– Посмотрим, что получится.

Прощание долгим не было. Экспресс остановился на станции всего на минуту, и едва Флора со своим багажом успела сесть в вагон, как дежурный по станции захлопнул двери и приготовился дать свисток. Флора высунулась из открытого окна и поцеловала Марсию. На глазах у той были слезы, от которых начала расплываться тушь.

– Позвони, сообщи нам, как у тебя дела.

– Хорошо.

– И пиши!

Больше времени ни на что не осталось. Поезд тронулся и начал набирать скорость; платформа уплыла прочь. Флора махала рукой, фигурка Марсии становилась все меньше и наконец совсем исчезла из вида. Флора закрыла окно и тяжело опустилась на сиденье в уголке пустого купе.

Она сидела и смотрела в окно. Она с детства любила ездить в поездах, наблюдать, как пейзаж в окне уносится прочь. Возвращаясь домой, Флора неизменно высовывалась из окна еще в Форбурне, чтобы пораньше увидеть знакомые места.

Сейчас был отлив, и на жемчужно-коричневой полосе песка поблескивали лужицы воды, в которых отражалось синее небо. Вдалеке виднелась деревушка с белыми домиками, спрятавшимися за деревьями, затем пошли дюны, и на мгновение за отдаленной белой полосой прибой мелькнул океан.

Дорога повернула прочь от моря, в поле зрения вплыл поросший травой мыс, а океан скрылся за россыпью прибрежных домиков. Поезд прогрехотал через виадук на въезде в соседний городок. За окном мелькали маленькие зеленые лощины, белые домики и дворы, где свежий утренний бриз трепал белье на веревках. На железнодорожном переезде красный трактор и трейлер, груженный кипами сена, терпеливо ждали, когда откроют слагбаум.

Они жили в Корнуолле с тех пор, как Флоре исполнилось пять лет. До этого ее отец преподавал латынь и французский в очень дорогой частной приготовительной школе в Суссексе. Но эта работа была скучна, и вскоре он начал уставать от необходимости вести разговоры с разряженными в меха мамами его избалованных питомцев.

Поскольку мальчишкой он проводил пасхальные и летние каникулы в Корнуолле, им всегда владело страстное желание жить там, у моря. И вот когда в Форбурнской средней школе появилась вакансия старшего преподавателя классических дисциплин, он сразу подал заявление, чем сильно огорчил директора приготовительной школы, который считал, что способный молодой преподаватель достоин лучшей участи, чем вдалбливать латынь в головы детей фермеров, лавочников и горных инженеров.

Но Рональд Уоринг был непреклонен. Поначалу он и Флора снимали квартиру в Форбурне, и ее первые впечатления о Корнуолле связаны с этим маленьким промышленным городком, расположенным в окружении пологих холмов, утыканных старыми шахтными вышками, которые торчали на горизонте, как ряды сломанных зубов.

Освоившись на новом месте работы, Рональд купил подержанную машину, и по выходным отец и дочь рыскали по окрестностям в поисках подходящего жилья.

Наконец, следуя указаниям агента по недвижимости из Пензанса, они двинулись по дороге, ведущей от Сент-Айвса к Лендс-Энду, и, немного поплутав и сделав два ошибочных поворота, съехали на проселок, круто спускающийся в сторону моря. Сделав последний поворот и переехав через ручей, пересекавший дорогу, отец и дочь оказались перед своим будущим домом.

Был холодный зимний день. Маленький коттедж выглядел заброшенным, в нем не было ни водопровода, ни канализации, а когда в конце концов им удалось открыть разбухшую деревянную дверь, оказалось, что внутри полно мышей. Но Флора не боялась мышей, а Рональд Уоринг сразу влюбился в местный пейзаж. Он оформил покупку в тот же день, и с тех пор это место стало их домом.

Поначалу их существование было ужасающе примитивным. Это была борьба с холодом, грязью и голодом. Однако Рональд Уоринг был не только хорошим преподавателем, но и общительным и очень обаятельным человеком. Войдя в паб, где никого не знал, он выходил оттуда, познакомившись и подружившись по крайней мере с полудюжиной людей.

Так он нашел каменщика, который отремонтировал стену, окружавшую сад, и сложил заново покосившуюся трубу. Познакомился с мистером Пинчером, плотником, и с Томом Робертсом, чей племянник подрабатывал по выходным сантехником. Познакомился он и с Артуром Пайпером, и через него – с миссис Пайпер, которая, горделиво восседая на велосипеде, стала каждый день приезжать к ним, чтобы помыть посуду, прибрать в доме и присмотреть за Флорой.

Когда Флоре исполнилось десять, она была отправлена, к ее большому огорчению, в школу-интернат в Кенте, где проучилась до шестнадцати лет. После этого она окончила курсы машинисток-стенографисток, а затем еще и кулинарные курсы.

Проработав некоторое время поварихой в Швейцарии (зимой) и в Греции (летом) и вернувшись в Лондон, Флора нашла работу секретаря. Она снимала квартиру вдвоем с подругой, стояла в очередях на автобус, бегала за покупками в обеденный перерыв, пила кофе со сверстниками, осваивавшими премудрости бухгалтерской науки или правила поведения с клиентами в бутиках, – у всех ее друзей глаза горели голодным лихорадочным блеском. Когда выдавалась свободная минутка, она садилась на поезд и ехала в Корнуолл, чтобы помочь отцу сделать весеннюю генеральную уборку или зажарить индейку на Рождество.

Но в конце прошлого года, после тяжелого гриппа и неудачного любовного романа, она разочаровалась в прелестях большого города и, приехав в Корнуолл на Рождество, легко поддалась на уговоры отца остаться дома. Она чудесно отдохнула за это время. Зима очень быстро уступила место ранней и особенно прекрасной весне, а весна превратилась в лето, которым можно было насладиться сполна, не думая о сроках отъезда и не глядя на календарь.

Правда, время от времени Флора бралась за что-нибудь, чтобы скоротать время и получить немного денег, но это была временная, спокойная и довольно приятная работа: срывать нарциссы для местного цветочника, разносить кофе в баре, продавать богатым туристам восточные халаты.

Именно в магазинчике, торгующем восточными халатами, она впервые встретила Марсию и пригласила домой на чашку кофе. Флора с радостным удивлением наблюдала, как между Марсией и ее отцом вспыхнула взаимная симпатия. И вскоре стало ясно, что эта симпатия не мимолетна.

Марсия расцвела, как роза, а отец Флоры настолько озаботился своим внешним видом, что по собственному почину пошел и купил себе новую пару брюк. По мере того как отношения становились глубже и крепче, Флора начала постепенно отстраняться, придумывая предлоги, чтобы не сопровождать их в паб или, наоборот, уйти вечером куда-нибудь одной, чтобы предоставить дом в их распоряжение.

Когда они поженились, она почти сразу начала заводить разговоры о возвращении в Лондон, но Марсия уговорила ее остаться дома – по крайней мере, до конца лета. Флора так и сделала, но все уже изменилось. Дом перестал быть ее домом, и она решила, что в сентябре вернется в Лондон и оставит голубков вдвоем в их гнездышке.

И вот теперь все кончено. Все уже в прошлом. А что с будущим? «Тебя ждет удача, – сказала Марсия. – Ты родилась под созвездием Близнецов, и все планеты движутся в нужном направлении».

Но Флора сомневалась в этом. Утром она получила письмо и, едва прочитав, поспешила спрятать, чтобы избежать расспросов Марсии. Сейчас она нащупала его в кармане куртки и развернула снова. Письмо было от Джейн Портер.

Мэнсфилд-Мьюз, 8

Дорогая Флора!

Случилась ужасная вещь, и я надеюсь только на то, что ты получишь это письмо до отъезда в Лондон. Бетси, девушка, которая живет со мной, разругалась со своим парнем и вернулась из Испании домой на третий день. Сейчас она здесь, в квартире, беспрерывно рыдает и явно ждет телефонного звонка, а телефон молчит. Поэтому место, которое я обещала тебе, занято. Конечно, ты всегда можешь расположиться в спальном мешке на полу в моей комнате, но вся атмосфера в квартире настолько удручающая, а Бетси стала такой до невозможности нервной, что я даже злейшему врагу не предложила бы жить вместе с ней. Надеюсь, ты найдешь, где остановиться на первое время. Ужасно сожалею, что подвела тебя, но надеюсь, ты все поймешь. Позвони, когда устроишься, встретимся и поболтаем. Очень хочу тебя увидеть. Прости, я не виновата, что так получилось.

Обнимаю,

Джейн.

Флора вздохнула, сложила письмо и снова убрала его в карман. Она не сказала ничего Марсии, потому что та, в новой для себя роли жены и мачехи, стала склонна к суетливому беспокойству. Если бы Марсия узнала, что Флора едет в никуда, она постаралась бы удержать девушку. Но Флора уже настроилась на возвращение в Лондон и не хотела откладывать отъезд.

И теперь ей надо было решить, что делать. Конечно, у нее были подруги, но за прошедший год многое могло измениться, и Флора не знала, чем они сейчас занимаются и где живут. Девушка, вместе с которой она раньше снимала квартиру, вышла замуж и уехала в Нортумберленд. В общем, не осталось никого, кому она могла бы позвонить и попросить о временном пристанище.

Получался заколдованный круг. Она не хотела снимать квартиру, пока не найдет работу, но бегать по агентствам в поисках работы, не имея места, где можно оставить вещи и переночевать, было невыносимо.

В конце концов она вспомнила про «Шелбурн», маленькую старомодную гостиницу, в которой они с отцом как-то раз останавливались. Кажется, это было по пути в Австрию, где они однажды проводили каникулы, катаясь на лыжах. А может быть, перед поездкой в Прованс, в гости к одному из друзей Рональда Уоринга. «Шелбурн» был старой гостиницей и, очевидно, не дорогой, иначе отец там бы не остановился. Флора решила снять номер в «Шелбурне» на ночь, а завтра с утра начать поиски работы.

Конечно, это нельзя было назвать удачным решением проблемы, скорее – компромиссом. Но жизнь, как говорила Марсия, отрывая поля от одной шляпы и пришивая их к другой, соткана из компромиссов.

«Шелбурн» напоминал старую баржу, выброшенную на берег во время наводнения. Расположенный на узкой улочке на задворках Найтсбриджа, когда-то он считался шикарным, но вокруг выросли новые отели, офисы и жилые дома, на фоне которых эта гостиница стала казаться анахронизмом. Однако «Шелбурн» крепко цеплялся за свое место, как стареющая актриса, отказывающаяся уходить со сцены.

Снаружи был современный Лондон: сплошной поток автомобилей, гул самолетов в небе, газетный автомат на углу, стайки сильно накрашенных юных девушек, ковыляющих в своих модных сабо. Но стоило пройти сквозь медленно вращающиеся двери «Шелбурна», и время делало скачок в прошлое. Ничего не изменилось – все те же пальмы в кадках, все то же выражение лица у портье. И даже запах остался тем же, каким-то больничным – смесь дезинфицирующего средства, паркетной мастики и специфических испарений оранжереи.

За стойкой сидела та же самая печальная женщина в мешковатом черном платье. Неужели это то же самое платье? Женщина подняла голову и посмотрела на Флору:

– Добрый вечер, мадам.

– Есть ли у вас номер на одного только на сегодняшнюю ночь?

– Сейчас посмотрю.

Мерно тикали часы. Обстановка подавляла, и Флора втайне надеялась, что свободного номера не окажется.

– Да, я могу предложить вам номер, но он находится в задней части гостиницы, и я боюсь, что...

– Хорошо, я возьму его.

– Зарегистрируйтесь, и я попрошу портье проводить вас наверх.

Но при мысли о длинном затхлом коридоре Флоре стало не по себе.

– Не сейчас, – сказала она. – Я собираюсь сначала... поужинать, – соврала она. – Вернусь примерно в половине десятого. Не беспокойтесь о моем багаже. Я заберу его потом.

– Как вам угодно, мадам. Но разве вы не хотите взглянуть на номер?

– Нет. Это не имеет значения. Я уверена, что он хороший...

Флора почувствовала, что задыхается. Все вокруг выглядело таким ужасным, таким старым и обветшалым. Она взяла сумочку и попятилась к двери, бормоча извинения. Наткнувшись на пальму в кадке и едва не опрокинув ее, она все же благополучно выскользнула на свежий воздух.

Сделав пару живительных вдохов, Флора почувствовала себя лучше. Вечер был чудесный, прохладный, но ясный. Над крышами домов сияло синевой небо, по которому бесцельно плыли несколько розоватых облаков, напоминавших воздушные шарик. Флора сунула руки в карманы и зашагала по улице. Через час она оказалась в Челси, недалеко от Кингс-роуд. Улочка, вдоль которой стояли красивые дома вперемежку с небольшими магазинчиками, казалась знакомой. Незнакомым был только маленький итальянский ресторан на месте бывшей мастерской, в пыльной витрине которой, как помнила Флора, всегда были выставлены собачьи ошейники, ремни для упаковки багажа и какие-то невероятные сумки из пластика.

Ресторан назывался «Сеппи». Три лавровых дерева на вымощенном камнем тротуаре, навес из ткани в веселую красно-белую полоску, выкрашенные ярко-белой краской двери.

Когда Флора почти поравнялась с ресторанчиком, дверь открылась, и из нее вышел молодой мужчина, неся в руках столик. Он поставил столик на тротуар и накрыл его скатертью в красно-белую клетку. Потом вынес два железных стула и бутылку кьянти в соломенной оплетке.

Легкий ветерок приподнял край скатерти. Мужчина поднял голову и увидел Флору. Его лицо осветилось ослепительной средиземноморской улыбкой.

– Чао, синьорина.

Какие замечательные люди эти итальянцы, подумала Флора. Улыбка и приветствие были такими искренними, как будто предназначались старому другу, которому всегда рады. Неудивительно, что они так успешно занимаются ресторанным делом.

– Здравствуйте, – улыбнулась она в ответ. – Как поживаете?

– Замечательно. Разве можно чувствовать себя иначе в такой чудесный день? Я как будто снова вернулся в Рим. А вы выглядите как итальянка, которая провела лето на море. Красивый загар. – Он восхищенно причмокнул и взмахнул кончиками пальцев, изображая воздушный поцелуй. – Изумительный.

– Спасибо. – Флора была обезоружена.

Из ресторанчика доносились вкусные запахи, ассоциировавшиеся с чесноком, красными помидорами и оливковым маслом. Девушка поняла, что жутко проголодалась, – это было неудивительно, поскольку она не обедала в поезде. Кроме того, от «Шелбурна» до «Сеппи»

она прошагала несколько миль, и теперь у нее ныли ноги и хотелось пить. Она взглянула на часы. Было начало восьмого.

– У вас уже открыто?

– Для вас мы открыты всегда.

– Я хотела бы заказать омлет или что-нибудь в этом роде.

– Все, что пожелаете, синьорина... – Официант отступил в сторону, широким жестом приглашая ее войти.

Внутри был небольшой бар и длинный узкий обеденный зал, тянувшийся вглубь здания. Вдоль стен стояли банкетки, обитые шероховатой оранжевой тканью, и деревянные столики, украшенные букетами свежих цветов и яркими клетчатыми салфетками. На стенах висели зеркала, по полу были разбросаны соломенные циновки. Кухня находилась в дальнем конце, судя по звяканью посуды, запахам и быстрой итальянской речи, которые доносились оттуда. В зале было свежо и прохладно, и после утомительного дня Флору охватило приятное чувство возвращения домой. Она заказала пиво и отправилась в дамскую комнату, где помыла руки и лицо и расчесала волосы. Когда Флора вернулась, молодой итальянец уже ждал ее. На отодвинутом от стены столике стоял высокий запотевший бокал светлого пива и, к удовольствию Флоры, тарелочки с маслинами и орешками.

– Вы уверены, что хотите только омлет, синьорина? – спросил он, после того как Флора села и он придвинул столик поближе. – У нас сегодня отличная телятина. Франческа приготовит ее для вас так, что пальчики оближешь.

– Нет, только омлет. Можно добавить в него немного ветчины. И еще, пожалуй, зеленый салат.

– Я сделаю специальную заправку.

До этого момента в ресторане было пусто, но сейчас дверь открылась, и вошли несколько человек. Они расположились у стойки бара. Официант извинился и пошел обслуживать вновь прибывших. Флора осталась одна. Она сделала глоток холодного пива и огляделась. Интересно, неужели каждая случайно забредшая в этот чудесный ресторанчик женщина встречает такой же теплый прием? Все жалуются, что Лондон стал мрачным, люди неприветливыми и бесцеремонными. Как приятно убедиться, что это не так.

Она поставила стакан, посмотрела вперед и поймала свое отражение в длинном зеркале на противоположной стене. Выцветшая голубизна ее джинсовой куртки и оранжевая ткань обивки напоминали цвета на картинах Ван Гога. Что касается ее самой... Она увидела худощавую девушку со строгими чертами лица, карими глазами и крупным ртом. Загорелая после корнуолльского лета кожа была гладкой и чистой. Темно-каштановые волосы, отливавшие оттенками красного дерева, длиной почти до плеч, требовали хорошей стрижки, которая придавала бы прическе форму. Флора критически оценила одежду: выцветшие джинсы и куртка, свитер-водолазка, золотая цепочка на шее.

«Я слишком долго не была в Лондоне, – подумала она. – С такой внешностью мне не найти работу. Надо подстричься. Надо купить...»

Входная дверь снова открылась. Высокий девичий голос крикнул:

– Привет, Пьетро!

Девушка прошла мимо бара в обеденный зал с уверенностью кошки, разгуливающей по хорошо знакомому дому. Не глядя на Флору, она остановилась у соседнего столика, отодвинула его, плюхнулась на банкетку, закрыла глаза и вытянула ноги.

Все эти движения были так небрежны, почти дерзки, что Флора решила, что эта девушка приходится хозяевам ресторана родственницей. Какая-нибудь кузина из Милана, приехавшая в Лондон. «Привет, Пьетро». Нет, она не итальянка, а американка, значит, родственница из Нью-Йорка...

Заинтригованная, Флора слегка повернула голову, посмотрела на отражение девушки в зеркале напротив и тут же отвела взгляд. Затем снова повернулась, и так резко, что волосы колыхнулись у щеки. Что за чертовщина, подумала Флора.

В зеркале была она сама.

И в то же время не она, потому что отражений было два.

Девушка за соседним столиком, не замечая изумленного взгляда Флоры, стянула с головы яркий шелковый шарф и встряхнула волосами. Потом порылась в сумке из крокодиловой кожи, вынула сигарету и закурила, взяв спичку из коробка, лежащего на столике рядом с пепельницей. Воздух сразу наполнился запахом крепкого французского табака. Девушка зацепила ногой ножку столика и пододвинула его к себе. Облокотившись о стол, она снова крикнула:

– Пьетро!

Флора не могла оторвать глаз от зеркала. Волосы у девушки были длиннее, чем у нее, но такого же каштанового цвета с оттенком красного дерева. Она была тщательно и искусно покрашена, но помада только подчеркивала слишком крупный рот. Глаза были карими, ресницы густо покрывала тушь. Девушка протянула руку, чтобы пододвинуть пепельницу, и Флора увидела кольцо со сверкающим камнем и яркие ногти, но руки были такой же формы, как у самой Флоры, – худощавые, с длинными пальцами.

Даже одеты они были похоже – обе в джинсах и водолазках. Но свитер незнакомки был из кашемира, а сбоку на банкетке поблескивал темным мехом небрежно сброшенный с плеч норковый жакет.

Официант, разобравшись с посетителями в баре, откликнулся на ее призывы и почти бегом бросился к столику.

– Синьорина, простите, я думал, что...

Он медленно остановился, его движения, слова, голос – все плавно замедлилось. Это чем-то напоминало старый граммофон, у которого кончился завод.

– Ну хорошо, о чем ты думал? – спросила девушка. – Ты должен был догадаться, что я хочу пить.

– Но я думал... Я думал, что я уже...

Он побледнел. Темные глаза осторожно повернулись к Флоре. Молодой человек был настолько явно потрясен, что Флора не удивилась бы, если бы он сейчас перекрестился, чтобы избавиться от наваждения.

– Ради бога, Пьетро... – раздраженно начала девушка, но фразу не закончила. Подняв глаза, она увидела Флору, наблюдающую за ней в зеркало.

Молчание, казалось, длилось вечно. Наконец его нарушил Пьетро.

– Поразительно, – еле слышно пробормотал он. – Просто поразительно.

Девушки повернулись и посмотрели друг другу в глаза. Но это было все равно что смотреть в зеркало.

Вторая девушка пришла в себя первой.

– Да, это поразительно, – признала она, и ее голос звучал уже не так уверенно, как раньше.

А Флора вообще не нашла что сказать.

Пьетро нарушил молчание снова:

– Понимаете, синьорина Шустер, когда другая синьорина вошла, я решил, что это вы. – Он повернулся к Флоре. – Извините. Наверное, вы подумали, что я очень фамильярен, но я просто принял вас за синьорину Шустер, она часто заходит, но я не видел ее некоторое время, и...

– Я вовсе не сочла вас фамильярным, я подумала, что вы очень любезны.

Девушка с длинными волосами продолжала смотреть на Флору; ее темные глаза скользили по лицу Флоры, как будто она была экспертом, оценивающим портрет.

– Ты выглядишь совсем как я, – сказала девушка. В ее голосе звучало легкое недовольство, как будто в этом было что-то оскорбительное.

Флора почувствовала желание защитить себя.

– А ты выглядишь как я, – мягко сказала она. – Мы очень похожи. Мне даже кажется, что у нас голоса одинаковые.

Пьетро, который все еще стоял как вкопанный, поворачивая голову от одного лица к другому, как зритель на теннисном матче, тут же подтвердил это.

– Да, это так. У вас одинаковые голоса, одинаковые глаза. Даже одежда похожа. Я бы ни за что не поверил, если бы не увидел это своими глазами. Мама миа, наверное, вы близнецы. Вы... – Он щелкнул пальцами, подбирая нужное слово. – Вы одинаковые.

– Идентичные, – поправила его Флора.

– Вот именно! Идентичные! Это фантастика!

– Близнецы? – осторожно переспросила другая девушка.

Их взаимное изумление наконец дошло до Пьетро.

– Вы хотите сказать, что никогда до этого не видели друг друга?

– Никогда.

– Но вы наверняка сестры.

Официант схватился рукой за сердце. Флора испугалась, как бы он не упал в обморок. Но Пьетро торжественно объявил:

– По такому случаю я открою бутылку шампанского. Это подарок... за счет заведения. И я тоже выпью бокал, потому что никогда еще не видел такого чуда. Только подождите... – Он без необходимости поправил столики перед ними, словно для того, чтобы убедиться, что это не мираж. – Не двигайтесь. Я сейчас.

И рванул к бару так быстро, что белая накрахмаленная куртка распахнулась на ходу.

Девушки вряд ли заметили, что он ушел. Сестры. Флора с трудом заставила себя произнести это слово вслух:

– Сестры?

– Близнецы. Как тебя зовут?

– Флора Уоринг.

Девушка растерянно моргнула и произнесла замороженным голосом:

– Это и моя фамилия. Только я – Роза.

3. Роза

– Роза Уоринг?

– Ну, строго говоря, не совсем так. Вообще-то, я Роза Шустер. Уоринг – фамилия моего отца, а моего отчима зовут Гарри Шустер. А поскольку он стал моим отчимом очень давно, я привыкла носить фамилию Шустер.

Она остановилась, словно ей не хватило воздуха, чтобы продолжить. Девушки смотрели друг на друга, все еще потрясенные, но с растущим чувством узнавания, осознания.

– Ты знаешь своего настоящего отца? – наконец спросила Флора.

– Я никогда его не видела. Они с мамой расстались, когда я была совсем маленькой. Кажется, он школьный учитель.

Флора подумала об отце. Рассеянный, немного странный, но всегда абсолютно честный и искренний. «Он не мог, – подумала она. – Он не мог сделать такое и не сказать мне».

Молчание затянулось. Флора с усилием искала слова.

– Твоя мать, ее звали... – Имя, почти не упоминаемое отцом, выплыло из глубин подсознания. – Памела?

– Да.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать два.

– Когда у тебя день рождения?

– Семнадцатого июня.

Так не бывает!

– И мой тоже.

– Я родилась под созвездием Близнецов, – проговорила Роза и улыбнулась. – Подходящий знак, правда?

Было странно снова услышать слова, сказанные утром Марсией.

«Моя сестра. Сестра-близнец».

– Но что случилось?

– Все просто. Они решили расстаться, и каждый взял себе по ребенку.

– Ты знала об этом?

– Понятия не имела. А ты?

– Тоже нет. Это-то и странно.

– Почему? Совершенно нормальное поведение. Все по-честному.

– Они должны были сказать.

– И какая от этого была бы польза? Что бы изменилось? – Было ясно, Роза скорее изумлена, чем потрясена ситуацией. – По-моему, это очень забавно, – заявила она. – А самое веселое начнется тогда, когда родители узнают о нашей встрече. И какое фантастическое совпадение, что мы встретились. Совершенно случайно. Ты когда-нибудь бывала в этом ресторанчике раньше?

– Никогда.

– То есть просто шла мимо и зашла?

– Я только сегодня приехала в Лондон. Целый год жила в Корнуолле.

– Тогда все это еще более невероятно. В таком огромном городе... – Роза развела руками, не закончив фразы. – Хотя мне приходилось случайно встречать знакомых. Стоит только заглянуть в «Харродс», и обязательно на кого-нибудь наткнешься. Но все равно это самая невероятная ситуация в моей жизни. – Она откинула волосы со лба жестом, который Флора с некоторым испугом распознала как свой собственный. – А что ты делала в Корнуолле? – спросила Роза, как будто это могло иметь какое-то значение.

– Мы с отцом живем там. Он преподает.

– Хочешь сказать, что он так и работает школьным учителем?

– Да, он преподает в школе. – Первый шок прошел. Флора решила, что пора посмотреть на ситуацию так же спокойно, как Роза. – А что было с тобой? – спросила она с вежливым интересом.

– Мама снова вышла замуж, когда мне было два года. Его зовут Гарри Шустер, он американец, но большую часть времени проводит в Европе как представитель своей фирмы.

– Значит, ты выросла в Европе?

– Можно сказать так. Мы жили то в Париже, то в Риме, то во Франкфурте. Сама понимаешь...

– Он хороший? Я говорю о мистере Шустере.

– Да. Добрый.

И очень богатый, подумала Флора, разглядывая норковый жакет, кашемировый свитер и сумку из крокодиловой кожи. Бросив нищего школьного учителя, Памела нашла гораздо более выгодную партию. Но, выйдя замуж второй раз, она могла родить еще детей...

– У тебя есть братья или сестры? – спросила Флора.

– Нет. Я одна. А у тебя?

– Я тоже одна. Папа женился недавно. Ее зовут Марсия, и она замечательная, но уже далеко не девочка.

– Как выглядит твой отец?

– Высокий. Очень добрый. Эрудированный. Носит очки в роговой оправе. Немного рассеянный. Он необыкновенно... – Флора пыталась найти яркое слово, которое бы описало ее отца, но ничего не приходило в голову, – обаятельный, – закончила она фразу и добавила: – И еще он очень честный. Вот почему все это показалось мне таким странным.

– Ты хочешь сказать, что он никогда не пытался запудрить тебе мозги?

Слова сестры слегка шокировали Флору.

– Я не могу представить, чтобы он скрывал правду или лгал.

– Как интересно, – задумчиво сказала Роза. Она затушила окурков в пепельнице. – Моя мать мастерица скрывать правду и даже лгать. Но она тоже обаятельная. Когда хочет.

Флора невольно улыбнулась, потому что описание матери Розы в точности совпадало с тем образом, который сложился у нее.

– Она красивая?

– Очень стройная и молодо выглядит. Не красавица, хотя все считают ее такой. Она умеет держаться нужным образом.

– Она... она сейчас в Лондоне?

«Если она здесь и нам придется встретиться, что я ей скажу?» – думала Флора.

– Нет, она в Нью-Йорке. Вообще-то, мы все были там, путешествовали, и я прилетела сюда на днях. Мама хотела, чтобы я осталась, но мне пришлось вернуться в Лондон, потому что... – Роза не договорила. Взгляд скользнул вниз, она начала рыться в сумке в поисках сигарет и зажигалки. – По разным причинам, – небрежно закончила она фразу.

Флора ждала, что последуют какие-то объяснения, но в этот момент вернулся Пьетро, неся шампанское и три бокала. Он церемонно откупорил бутылку и наполнил бокалы, не пролив ни капли. Потом вытер бутылку накрахмаленной салфеткой и поднял свой бокал.

– За воссоединение. За сестер, нашедших друг друга. Я думаю, это промысел Божий.

– Спасибо, – сказала Флора.

– Желаю счастья, – откликнулась Роза.

Пьетро снова исчез с повлажневшими глазами, оставив шампанское сестрам.

– Пожалуй, мы опьянеем, – сказала Роза, – но ничего страшного. На чем мы остановились?

– Ты говорила, что вернулась в Лондон из Штатов.

– Ах да. А теперь собираюсь в Грецию. Может быть, завтра или послезавтра. Я еще не решила.

Это звучало так увлекательно: жить – как нравится, путешествовать.

– Где ты остановилась? – спросила Флора, ожидая услышать название дорогого отеля вроде «Коннот» или «Риц». Но оказалось, что работа Гарри Шустера подразумевает наличие квартиры в Лондоне, а также в Париже, Франкфурте и Риме. Лондонская квартира находилась на Кадоган-корт.

– Это буквально за углом, – небрежно сказала Роза. – Когда мне хочется есть, я прихожу сюда пешком. А ты?

– Ты имеешь в виду, где я живу? Пока нигде. Я ведь говорила тебе, что только сегодня приехала из Корнуолла. Собиралась остановиться у подружки, но ничего не получилось, так что придется искать квартиру. Работу тоже надо искать.

– А сегодня где ты собираешься ночевать?

Флора рассказала о «Шелбурне», о чемоданах, оставленных в вестибюле, пальмах в кадрах и удушающей атмосфере.

– Я забыла, насколько там тоскливо. Но ничего, это всего на одну ночь.

В глазах Розы появилась холодная задумчивость. «Неужели я тоже могу так смотреть?» – подумала Флора. В сознании всплыло слово «расчетливо», но было поспешно прихлопнуто.

– Тебе незачем туда возвращаться, – сказала Роза. – Мы сейчас поужинаем, потом возьмем такси, заберем твои вещи и вернемся в квартиру Гарри. Ты сможешь там остаться, места хватит. И потом, если я улечу завтра в Грецию, мы не увидимся, а нам о многом надо поговорить. У нас будет целая ночь. И вообще, ты можешь остаться в квартире и после моего отъезда. Пока не найдешь другое жилье.

– Но... – Флора поймала себя на том, что ищет возражения против этого заманчивого плана. – Если кто-нибудь будет против?

– А кто будет против? С портье я договорюсь. Гарри никогда ничего не запрещает мне. Что касается мамы... – Роза неожиданно рассмеялась. – Что бы она сказала, если бы увидела нас сейчас? Встретились, подружились. А твой отец, как ты думаешь, что бы сказал он?

Флора смутилась:

– Представить не могу.

– Ты расскажешь ему, что мы нашли друг друга?

– Не знаю. Возможно. Когда-нибудь.

– Жестоко, правда? – неожиданно задумчиво проговорила Роза. – Разделить близняшек. Это же половинки целого. Разделять их все равно что резать целое пополам.

– В таком случае они правильно сделали, что разделили нас еще в младенческом возрасте.

Роза прищурила глаза:

– Интересно, почему мама выбрала меня, а отец – тебя?

– Наверное, монету бросили, – небрежно сказала Флора.

Думать на эту тему было невыносимо.

– А если бы монета упала на другую сторону, изменилось бы что-нибудь?

– Несомненно изменилось бы.

Флора вспомнила свой дом в Корнуолле, пылающий камин зимним вечером, смолистый запах горящего дерева. Она вспомнила, как приходит ранняя весна, как пляшут солнечные зайчики на глади моря летом. Вспомнила графин с красным вином на деревянном столе и успокаивающие звуки бетховенской «Пасторали» со старой пластинки. А теперь этот дом согрет еще и любовью Марсии.

– Ты бы хотела, чтобы все было по-другому?

Флора улыбнулась:

– Нет.

Роза дотянулась до пепельницы и погасила сигарету.

– И я тоже, – сказала она. – Ничего не хотела бы менять.

Наступила пятница. После дождливого и пасмурного утра солнце наконец-то пробилось сквозь тучи, небо расчистилось, и Эдинбург засиял в ярком осеннем свете. На севере, за глубокой синевой залива Ферт-оф-Форт, виднелись холмы Файфа, безмятежно спокойные на фоне бледно-голубого неба. На противоположной стороне Принсес-стрит клумбы пылали георгинами, за железной дорогой простирались вверх утесы, а над замком, казавшимся театральной декорацией, развевался флаг.

Энтони Армстронг вышел из офиса на Шарлот-сквер и замер, пораженный окружающей красотой. Чтобы уйти пораньше, пришлось перенести все дела на первую половину дня. Он не обедал и уж тем более не смотрел в окно, считая, что весь день будет таким же хмурым, как и утро.

Вообще-то, ему следовало поспешить, поскорее забрать свою машину и ехать в аэропорт, чтобы успеть на лондонский самолет и разыскать Розу. Но он стоял, завороженный неожиданным сиянием солнечного света, отражающегося в мокрых тротуарах, блеском медных листьев

на деревьях в сквере и особенным запахом. Это был осенний запах – торфа, вереска и горных лугов. Его принес свежий ветер с холмов, не таких уж далеких. Стоя на тротуаре, с накинутым на плечи плащом и дорожной сумкой в руке, Энтони глубоко втягивал воздух, который напоминал ему о Фернриге и о Таппи. Это успокаивало. Помогало расслабиться и перестать волноваться.

Однако нельзя было терять время, поэтому он сел в машину, доехал до Тернхауса³, поставил автомобиль на стоянку и зарегистрировал билет у стойки. До вылета оставалось еще полчаса, так что Энтони поднялся в буфет съесть бутерброд и выпить стакан пива.

Благодаря частым деловым поездкам в Лондон бармен давно стал его старым знакомым.

– Давно не видел вас, сэр.

– Да, я не летал около месяца.

– Вам сэндвич с ветчиной или с яичницей?

– Дайте оба.

– Летите в Лондон?

– Да.

На лице бармена появилось понимающее выражение.

– Отдохнуть на выходные?

– Возможно, я вернусь уже завтра. Смотря по обстоятельствам.

Бармен подвинул через стойку кружку пива.

– Говорят, в Лондоне чудесная погода.

– И здесь неплохая.

– Да, сегодня прояснело. Приятного полета.

Он вытер стойку и повернулся к следующему посетителю. Энтони взял пиво и тарелку с бутербродами, сел за столик у окна и закурил.

За окном, за парашютом террасы, виднелись холмы, обрывки облаков, развевающийся на ветру аэродромный флажок. Энтони был голоден. Пиво и бутерброды ждали. Но, сидя здесь и глядя на тени облаков, проплывающих по испещренному лужицами летному полю, он забыл о голоде и позволил себе снова погрузиться в мысли о Розе.

Впрочем, это не потребовало никаких усилий с его стороны. О чем бы он ни думал, что бы ни делал, он ни на секунду не забывал о ней.

Энтони сунул руку в карман пиджака и вынул письмо, как будто это действие могло разрешить дилемму. Он перечитывал это письмо много раз и знал его наизусть. Оно было без конверта по той простой причине, что пришло не само по себе, а в посылке, обернутое вокруг маленького футляра, в котором лежало кольцо с сапфиром и бриллиантами. Кольцо, которое Энтони вручил Розе четыре месяца назад, в ресторане отеля «Коннот».

Ужин подходил к концу, официант принес кофе, и тут как раз появился удобный момент. Энтони, словно фокусник, извлек из кармана небольшой футляр, открыл его, и свет заиграл на гранях драгоценных камней.

– Какая прелестная вещь, – проговорила Роза.

– Это тебе, – сказал Энтони.

Она посмотрела ему в глаза – недоверчиво, польщенно. Но в ее взгляде было что-то еще, чего Энтони так и не смог понять.

– Это обручальное кольцо. Я купил его сегодня утром. – Почему-то ему казалось важным, чтобы кольцо было в его руках в тот момент, когда он будет делать Розе предложение. Он как будто чувствовал, что необходим дополнительный, материальный аргумент. – Я думаю, нам надо пожениться, и надеюсь, что ты согласна.

– Энтони...

³ Тернхаус – аэропорт Эдинбурга.

- Не говори с такой укоризной.
- Это вовсе не укоризна. Это удивление.
- Ты не можешь сказать, что это неожиданно, поскольку мы знаем друг друга пять лет.
- Но не знаем друг друга по-настоящему.
- Мне кажется, знаем.

И действительно, в тот момент он думал именно так. Но их отношения были странными, и самым странным было то, что Роза появлялась в его жизни с какой-то непонятной закономерностью, причем тогда, когда он меньше всего ожидал, а потом снова исчезала.

Когда он встретил ее в первый раз, она не произвела на него никакого впечатления. Ему тогда было двадцать пять, и он был поглощен романом с молодой актрисой, приехавшей в Эдинбург на гастроли. А Розе было только семнадцать. Ее мать Памела Шустер сняла на летние каникулы дом на пляже в Фернриге. Энтони, приехав домой на выходные, отправился с Таппи на пикник у моря, был представлен матери и дочери Шустер и приглашен в гости. Мать оказалась очень привлекательной особой, а Роза – заносчивой, хмурой злючкой. Энтони старался не обращать внимания на ее надутое лицо и односложные реплики. Когда он приехал на следующие выходные, Шустеры уже уехали, и Энтони забыл о них.

Но затем, год назад, оказавшись в Лондоне по делам, он наткнулся на Розу в баре отеля «Савой». Она была в компании серьезного молодого американца в очках без оправы. Роза стала совсем другой. Энтони с трудом мог поверить, что это та же самая девушка. Стройная, с яркой чувственной внешностью, она привлекала всеобщее внимание.

Энтони подошел и представился. Роза, которой, вероятно, наскучил ее чересчур обстоятельный компаньон, явно обрадовалась ему. Она объяснила, что ее родители сейчас отдыхают на юге Франции. Она тоже летит туда завтра. Энтони воспользовался случаем и пригласил Розу на ужин. Она охотно согласилась и без сожаления оставила американца в одиночестве.

– И когда ты возвращаешься из Франции? – попытался выяснить Энтони за ужином, поскольку мысль о расставании была невыносима.

– Не знаю. Еще не думала.

– Ты работаешь где-нибудь?

– Ну что ты, дорогой. Я не способна работать – везде опаздываю и не умею печатать на машинке, поэтому буду только раздражать всех. Кроме того, в этом нет необходимости. И я буду только отнимать чей-то хлеб.

Совестливость шотландца заставила Энтони сказать:

– Ты – трутень. Позор для общества. – Но он произнес это с улыбкой, и она не обиделась.

– Знаю. – Выудив из сумочки пудреницу с маленьким зеркальцем, Роза проверила, все ли в порядке с ее макияжем. – Это отвратительно, правда?

– Дай мне знать, когда вернешься из Франции.

– Конечно. – Она щелчком захлопнула пудреницу. – Конечно, дорогой.

Но она так и не сообщила ему о своем приезде. Энтони не знал, где она живет, и разыскать ее казалось невозможной задачей. Он попытался найти Шустеров в телефонном справочнике, но безуспешно. Тогда он осторожно поинтересовался у Таппи; она помнила Шустеров, которые снимали дом на пляже, но не знала их адреса.

– А зачем тебе это? – В голосе Таппи было любопытство, отчетливо слышимое даже по телефону.

– Я случайно встретил Розу в Лондоне. Хочу написать или позвонить ей.

– Розу? Ту симпатичную девочку? Как интересно.

Он нашел Розу вновь в начале лета. Лондонские сады благоухали сиренью, а парки покрылись свежей зеленой вуалью только что распустившихся листочков.

Энтони прилетел в Лондон на встречу с клиентом фирмы. Обедая у «Скотта» на Стрэнде, он столкнулся со старым школьным приятелем, который пригласил его на вечеринку. Приятель жил в Челси, и первой, кого встретил Энтони, войдя в квартиру на верхнем этаже, была Роза.

Роза. Он знал, что должен быть сердит на нее, но его сердце отреагировало иначе, забывшись сильнее, лишь только он увидел ее. Она была одета в синий льняной брючный костюм и сапожки на высоком каблуке, темные волосы свободно рассыпались по плечам. Рядом с ней был какой-то мужчина, на которого Энтони даже не взглянул. Она здесь. Он нашел ее. Так распорядилась судьба. Высшие силы не дали им расстаться насовсем. Как истинный шотландец, Энтони верил в судьбу.

Он взял бокал с подноса, который проносили мимо, и подошел к Розе.

На этот раз все было великолепно. Энтони задерживался в Лондоне на три дня, а Роза не собиралась уезжать во Францию. Она вообще никуда не собиралась. Ее родители были в Нью-Йорке, куда Роза тоже думала поехать, но как-нибудь потом. Не сейчас. Она жила в квартире отца на Кадоган-корте. Энтони отказался от номера в своем клубе и переехал к Розе.

Все шло замечательно. Даже погода улыбалась им. Днем светило солнце, гроздь сирени покачивались на фоне голубого неба, на подоконниках повсюду цвели цветы, такси подъезжало в нужный момент, а в ресторанах ждали лучшие столики. Ночью на небосвод выплывала круглая серебристая луна и заливала город романтическим светом. Энтони тратил деньги, не считая, и нехарактерный для него всплеск мотовства достиг своего пика в то утро, когда он вошел в ювелирный магазин на Риджент-стрит и купил кольцо с сапфиром и бриллиантами.

Они обручились. Энтони не верил своему счастью. Для верности они отправили телеграмму в Нью-Йорк и позвонили в Фернриг. Таппи была удивлена и обрадована. Она давно хотела, чтобы Энтони обзавелся семьей и остепенился.

– Ты должен привезти ее сюда, к нам. Она ведь была у нас так давно. Я почти не помню, как она выглядит.

Глядя на Розу, Энтони сказал:

– Она прекрасна. Она прекрасней всех на свете.

– Я очень жду вашего приезда.

Энтони повернулся к Розе:

– Она говорит, что очень ждет нас.

– Боюсь, ей придется подождать, дорогой. Я должна лететь в Америку. Я обещала маме и Гарри. У него уже все спланировано, а он всегда очень расстраивается, если приходится менять планы. Объясни это Таппи.

Энтони объяснил.

– Мы приедем позже, – пообещал он. – Когда Роза вернется. Я привезу ее в Фернриг, и ты снова встретишься с ней.

Так что Роза улетела в Нью-Йорк, а Энтони, обалдевший от любви и счастья, вернулся в Эдинбург. «Я буду писать тебе», – пообещала она, но писем не было. Энтони отправлял ей длинные нежные послания, она не отвечала. Он начал волноваться. Слал телеграммы, но и они оставались без внимания. В конце концов он позвонил ей домой в Уэстчестер (звонок был ужасно дорогим). Розы не оказалось дома. Трубку взяла служанка, говорившая с таким сильным акцентом, что почти ничего нельзя было разобрать. Единственное, что смог понять Энтони, – Розы нет в городе, ее адрес неизвестен, и когда она вернется, никто не знает.

Он был близок к отчаянию, когда пришла первая открытка. Это было изображение Большого каньона с небрежно нацарапанным на обороте нежным посланием, из которого ничего нельзя было понять. Через неделю пришла еще одна открытка. Из нее следовало, что Роза остается в Америке на все лето. За это время Энтони получил от нее пять совершенно ничего не значащих открыток.

Настойчивые вопросы из Фернрига не улучшали его настроения. Энтони умудрялся парировать их с помощью объяснения, которое придумал для себя: просто Роза не любит писать письма.

Но сомнения нарастали, сгущаясь, как тучи на горизонте. Энтони начал терять уверенность в себе, в своем основательном шотландском здравом смысле. Что, если он сделал глупость? Быть может, эти несколько волшебных дней, проведенных в Лондоне с Розой, были лишь иллюзией любви и счастья?

А затем случилось то, что вытеснило из его головы мысли о Розе. Из Фернрига позвонила Изабель и сообщила, что Таппи больна. Она подхватила простуду, которая перешла в пневмонию. Пришлось пригласить сиделку. Изабель изо всех сил старалась успокоить его:

– Не волнуйся. Я уверена, все будет хорошо. Просто я не могла не сказать тебе об этом.

– Я приеду, – импульсивно вырвалось у него.

– Нет, не надо. Это вызовет у нее подозрения, она подумает, что действительно дело плохо. Может быть, позже, когда Роза вернется из Америки. Или... – Изабель замолчала в нерешительности. – Или она уже вернулась?

– Нет, – признался Энтони. – Нет, еще не вернулась. Но скоро должна вернуться.

– Да, конечно, – сказала Изабель.

Она хотела утешить его, как всегда утешала в детстве. И от этого Энтони стало еще хуже.

Он чувствовал себя так, как будто у него постоянно ноет аппендикс и одновременно нестерпимо болит зуб. Он не знал, что делать, и в конце концов, вопреки своей энергичной и решительной натуре, не стал делать ничего.

Это ничегонеделанье продлилось неделю, и тут началась черная полоса. С утренней почтой принесли посылку от Розы, небрежно завернутую и заклеенную, с лондонским штемпелем. В посылке было обручальное кольцо вместе с единственным письмом, которое она написала ему за все время. Энтони не успел опомниться, как снова позвонила Изабель. На этот раз ей не удалось совладать с голосом – в нем слышались слезы и настоящая боль. Хью Кайл озабочен состоянием Таппи. Как подозревала Изабель, ее дела гораздо хуже, чем они предполагали. Возможно, она умирает.

Все, чего хотела Таппи, – это увидеть Энтони и Розу. Она жаждала этого, волновалась, хотела принять участие в составлении свадебных планов. И будет ужасно, если что-то случится, а Таппи так и не увидит молодых.

Намек был очевиден. У Энтони не хватило смелости сказать Изабель правду, и, произнося вслух невысказанное обещание, он не представлял, как выполнит его. И однако, надо держать слово.

Со спокойствием приговоренного к казни он начал приготовления. Не вдаваясь в подробности, отпросился у начальства в пятницу после обеда. Ни на что не надеясь, позвонил в Лондон в квартиру Шустеров; никто не ответил, поэтому он отправил телеграмму. Потом забронировал место на лондонский рейс. И вот теперь, ожидая в аэропорту, когда объявят посадку, он сунул руку в карман пиджака и достал то самое письмо. Оно было написано на роскошной бумаге голубого цвета, с тисненым адресом: «Кадоган-корт, 82. Лондон».

Почерк Розы никак не соответствовал солидному бланку. Размашистые строчки, напоминавшие детские каракули, извивались по странице, сползая вниз, почти без знаков препинания.

Милый Энтони!

Мне ужасно жаль, но я возвращаю тебе кольцо обратно потому что думаю что не смогу выйти за тебя замуж и все это жуткая ошибка. Нет не жуткая, потому что ты очень милый и те дни что мы провели вместе были чудными, но сейчас все выглядит по-другому и я поняла что не готова начинать семейную жизнь особенно в Шотландии. Я ничего не имею

против Шотландии там очень мило, но это не для меня то есть я не смогу жить там все время. Я прилетела в Лондон на прошлой неделе, буду здесь еще пару дней, а потом не знаю. Мама передает привет, но она тоже считает что мне еще рано замуж и что вряд ли я буду жить в Шотландии. Она тоже считает что это не для меня. Так что прости, но лучше сейчас чем потом. Развод такая хлопотная штука, отнимает много времени и стоит кучу денег.

*Все еще с любовью,
Роза.*

Энтони сложил письмо и убрал обратно в карман, где в кожаном футляре лежало кольцо с сапфиром и бриллиантами. После этого он приступил к бутербродам и пиву, поскольку до посадки на самолет оставалось совсем немного времени.

Он прилетел в аэропорт Хитроу в половине третьего, доехал на автобусе до терминала и взял такси. Лондон сиял в лучах осеннего солнца, и было заметно теплее, чем в Эдинбурге. Деревья только-только начали желтеть, но трава в парках пожухла после знойного лета. Слоун-стрит была полна жизнерадостных ребятишек, которых элегантно одетые молодые мамы вели за ручку из школы домой. «Если ее нет дома, – подумал Энтони, – сяду под дверь и буду ждать».

Такси повернуло за угол и остановилось у знакомого дома из красного кирпича. Это был новый дом, очень шикарный, с деревцами, выставленными в кадках у широких каменных ступенек, и стеклянными дверями.

Энтони расплатился с таксистом, поднялся по ступенькам и прошел через стеклянную дверь. Пол от стены до стены покрывал темно-коричневый ковер, повсюду стояли пальмы в кадках, и чувствовался респектабельный запах кожи и дорогих сигар.

Портье за стойкой не было. Наверное, пошел за вечерней газетой, решил Энтони, нажимая кнопку лифта. Лифт медленно спустился, двери бесшумно открылись. Энтони нажал кнопку пятого этажа и вспомнил, как стоял в этом лифте с Розой, держа ее в объятиях и целуя каждый раз, когда они проезжали очередной этаж. Сердце мучительно сжалось.

Лифт остановился, и двери открылись. Энтони вышел с дорожной сумкой в руках, прошел по длинному коридору к восьмьдесят второй квартире и, не давая себе времени на размышление, нажал на кнопку. Изнутри донесся приглушенный звонок. Поставив сумку на пол, Энтони прислонился к дверному косяку. Вряд ли она дома. На него вдруг навалилась смертельная усталость.

Неожиданно за дверью послышался какой-то шум. Хлопанье открывающихся и закрывающихся дверей. Шаги по короткому коридору между кухней и прихожей. И в следующее мгновение дверь перед ним распахнулась. На пороге стояла Роза.

Он смотрел на нее как идиот, а в голове мелькали отрывочные мысли. Она здесь, он нашел ее. У нее не слишком сердитый вид. И она подстригла волосы.

– Да? – вопросительно произнесла она.

Было забавно услышать от нее это, но и сама ситуация была забавной.

– Здравствуй, Роза, – сказал Энтони.

– Я не Роза, – ответила Роза.

4. Энтони

Невероятные события вечера четверга наложили отпечаток странной нереальности и на пятницу. Флора намеревалась сделать так много, а в результате не достигла ничего.

Она добросовестно обошла несколько агентств в поисках работы и жилья, но думала совершенно о другом.

– Вам нужна постоянная или временная работа? – спрашивали ее.

А она лишь тупо смотрела в ответ, поглощенная мыслями, далекими от стенографии и машинописи. Как будто в дом, где жизнь текла мирно и размеренно, внезапно вторглась толпа чужаков.

– Есть квартира на первом этаже в Фулеме. Конечно, она маленькая, но, может быть, вас это устроит?

– Да. Надо поехать и посмотреть. Звучит заманчиво. Да, я об этом подумаю.

Она вышла на улицу и бесцельно зашагала вперед. Вчерашний безумный вечер затянулся далеко за полночь. Они поужинали у «Сеппи», допили шампанское, получили еще одну бутылку в подарок и долго сидели за кофе. В конце концов им намекнули, что надо бы освободить столик для тех, кто стоит в очереди у входа, и сестры неохотно покинули ресторан. Роза расплатилась кредитной карточкой. Сумма показалась Флоре астрономической, но Роза только махнула рукой и сказала, что не стоит беспокоиться, потому что Гарри Шустер все оплатит. Он всегда оплачивает ее счета.

Затем они нашли такси и поехали в гостиницу «Шелбурн». Пока Роза фыркала по поводу декора, персонала и постояльцев, Флора, смущаясь и с трудом сдерживая неуместный смех, объясняла ситуацию печальной женщине за стойкой регистрации. Наконец портье вынес чемоданы и погрузил их в такси, после чего сестры направились на Кадоган-корт.

Квартира располагалась на пятом этаже. Флора и не мечтала о такой роскоши: ковры, подсветка, суперсовременная сантехника. Большие стеклянные окна раздвигались в стороны, давая выход на небольшой балкон, уставленный цветами в горшках. Стоило нажать кнопку, как опускались тонкие прозрачные жалюзи. В спальнях на полу лежали пушистые белые ковры в два дюйма толщиной (такая морoka искать, если уронишь, кольцо или заколку для волос, пожаловалась Роза), а в ванных комнатах пахло дорогим мылом.

Роза небрежным жестом выделила Флоре спальню (голубые шторы из тайского шелка и зеркала на стенах), села на кровать и велела распаковать вещи. Флора достала ночную рубашку, и тут ей в голову пришла неожиданная идея.

– Хочешь посмотреть, как выглядит твой отец?

– У тебя есть фотографии? – с удивлением спросила Роза.

Флора вытащила большой кожаный альбом и протянула Розе.

Они сели вместе на большой кровати, склонив рядом темные головы. В зеркалах по всей комнате отражались две одинаковые фигуры.

В альбоме были фотографии дома и сада и те, которые сделала Флора у церкви в день свадьбы отца и Марсии. Было большое фото отца, где он сидит на прибрежной скале, на фоне морских брызг и летающих чаек, с бронзовым от загара лицом и растрепанными на ветру волосами.

Реакция Розы доставила ей удовольствие.

– Он замечательно выглядит! Прямо как кинозвезда. Теперь я понимаю, почему мама вышла за него. И в то же время не понимаю. Я хочу сказать, что могу представить ее только женой такого человека, как Гарри.

– То есть богатого.

– Да. – Роза снова взглядела в фотографию. – Интересно, как получилось, что они поженились? Что могло их объединить?

– Наверное, страсть. Они познакомились на лыжном курорте. Ты знала об этом?

– Понятия не имела.

– Говорят, на лыжных курортах обстановка такая же, как в морском круизе. Пьянящий воздух, загорелые тела и совершенно нечего делать, кроме как до изнеможения кататься с гор и влюбляться.

– Это стоит запомнить, – пообещала Роза. Она внезапно потеряла интерес к фотографиям, бросила альбом на шелковое покрывало и посмотрела на сестру долгим пристальным взглядом. Невозмутимо поинтересовалась: – Хочешь сполоснуться?

После того как обе побывали в душе, Роза включила музыку, а Флора сварила кофе. В халатах (Флора в старом, еще школьном, а Роза – в потрясающе красивом, из струящегося цветастого шелка) они сидели на обитом бархатом диване и говорили.

Говорили и говорили. Нужно было охватить столько лет! Роза рассказала Флоре о доме в Париже, о пансионе для девочек в Шато-д'Э и о зимних каникулах в Кицбюэле. А Флора посвятила Розу в историю своей жизни, которая звучала далеко не так интересно, сделав основной акцент на покупке домика в Корнуолле, появлении Марсии и том времени, когда она работала в Швейцарии и Греции. Это напомнило ей кое о чем.

– Роза, ты говорила, что собираешься в Грецию?

– Может, и соберусь. Но мне так надоело болтаться между небом и землей – шутка ли, всю Америку за лето умудрилась посмотреть.

– Ты хочешь сказать, что все лето провела за границей?

– Большую часть. Гарри планировал это путешествие много лет, и мы чем только не занимались – фотографировали пороги на Салмон-ривер и пробирались через Большой каньон верхом на мулах, обвешанные фотокамерами. Те еще туристы. – Она нахмурилась. – Когда отец женился снова?

Проследить ход ее мыслей было сложно.

– В мае этого года.

– Тебе нравится Марсия?

– Да, я ведь тебе говорила. Она грандиозная женщина. – Флора усмехнулась, вспомнив округлые бедра Марсии и с трудом застегивающиеся на груди пуговицы блузки. – Во многих смыслах.

– Он ведь очень привлекательный мужчина, правда? Почему он так долго оставался неженатым?

– Понятия не имею.

Роза склонила голову набок и посмотрела на Флору долгим взглядом из-под длинных темных ресниц:

– А ты? Ты влюблена, обручена, собираешься замуж?

– Сейчас – нет.

– А ты когда-нибудь мечтала о том, чтобы выйти замуж?

Флора пожала плечами:

– Ты же знаешь, как это бывает. Поначалу каждый раз думаешь, что мужчина, с которым ты встречаешься, – именно тот, кто поведет тебя к алтарю. А потом это перестает быть важным. – Она с любопытством посмотрела на Розу. – А как ты?

– Так же. – Роза встала и отправилась на поиски сигареты. Когда она прикуривала, длинные волосы упали вперед и закрыли лицо. – Да и кто теперь хочет заниматься домашним хозяйством и утирать носы хнычущим детям?

– А что в этом плохого?

– Возможно, тебе бы понравилось. Возможно, ты бы согласилась жить в провинции, в глуши.

У Флоры проснулся дух противоречия.

– Мне нравится провинция. И я поехала бы куда угодно с мужчиной, с которым хотела бы жить вместе.

– Выйдя за него замуж?

– Разумеется.

Роза взяла сигарету и повернулась к Флоре спиной. Она подошла к окну, раздвинула шторы и уставилась на освещенную фонарями площадь. После некоторого молчания она сказала:

– Что касается Греции – ты очень обидишься, если я улечу завтра и оставлю тебя здесь одну?

Флора опешила:

– Завтра?

– Я имею в виду пятницу. То есть, строго говоря, сегодня.

– Как – сегодня?!

Роза повернулась к сестре:

– Значит, обидишься.

– Не говори глупостей. Просто я не ожидала... что ты серьезно собираешься в Грецию. Думала, это так, разговоры.

– У меня уже забронирован билет на самолет, но я сомневалась, надо ли мне лететь туда. А сейчас поняла, что надо. Ты не будешь думать, что это подло с моей стороны – взять и уехать?

– Конечно нет.

На лице Розы заиграла улыбка.

– Знаешь, мы не так уж похожи, как я думала. Ты гораздо более искренняя, более открытая. И я знаю, о чем ты сейчас думаешь.

– И о чем же?

– Что я, сволочь, бросаю тебя. И тебе интересно знать, почему я вдруг решила лететь в Грецию.

– Собираешься объяснить мне?

– Наверное, ты уже догадалась. Из-за мужчины. Ты ведь догадывалась?

– Возможно.

– Я встретила его на вечеринке в Нью-Йорке, как раз перед тем, как вернуться в Лондон. Он живет в Афинах, но вчера утром я получила от него телеграмму, он сейчас на острове Спецес, снял виллу у знакомых. И хочет, чтобы я тоже приехала.

– Тогда тебе следует ехать.

– Ты действительно так считаешь?

– Конечно. Я не вижу причин, по которым ты должна оставаться в Лондоне. И, кроме того, я все равно буду занята поисками работы и жилья.

– А пока ты останешься в этой квартире, хорошо?

– Но...

– Я договорюсь с портье. Пожалуйста. – Голос Розы звучал почти умоляюще. – Скажи, что ты останешься. Хотя бы на пару дней. В любом случае на выходные. Для меня очень важно, чтобы ты осталась.

Флора лихорадочно пыталась найти какую-нибудь отговорку, но тщетно. Слишком уж заманчивым было предложение.

– Хорошо. До понедельника. Но только если ты уверена, что все будет в порядке.

Лицо Розы озарила широкая улыбка, в которой Флора узнала свою улыбку.

– Конечно, все будет в порядке. – Роза подошла к Флоре и порывисто обняла ее, но за этим проявлением сестринской любви сразу же последовало обескураживающее предложение:

– А теперь идем, поможешь мне уложить вещи.

– Но сейчас три часа ночи!

– Ну и что? Если хочешь, свари еще кофе.

– Но...

Флора хотела сказать, что устала до крайности, но почему-то не сказала. Видно, такова Роза. Попав в водоворот ее жизни, остается только подстраиваться к этому кружению, не всегда понимая, куда движешься.

В одиннадцать утра Роза отчалила. Флора вышла на улицу проводить ее.

– До встречи, – сказала Роза, обнимая Флору. – Оставь ключи портье, когда окончательно съедешь.

– Пришли мне открытку.

– Обязательно.

– Счастливого пути, Роза.

Роза села в такси, захлопнула дверцу.

– Береги себя! – крикнула она, помахав на прощание.

Флора стояла на тротуаре и махала вслед, пока такси не повернуло за угол на Слоун-стрит.

Вот так. Все закончилось. Флора медленно вернулась в дом, поднялась на лифте и вошла в пустую квартиру. Она чувствовала себя здесь чужой. Без Розы было как-то тихо и одиноко.

В гостиной Флора начала взбивать подушки, раздвигать шторы, вытряхивать окурки из пепельниц. Но вскоре ее внимание привлекли книжные полки Гарри Шустера. Забыв о наведении порядка, она стала рассматривать книги и обнаружила, что он читает Хемингуэя, Роберта Фроста, Нормана Мейлера и Сименона (на французском). В отделении для пластинок рядом с проигрывателем стояли альбомы Арона Коппленда, а над камином висел портрет Фредерика Ремингтона, свидетельствуя о гордости хозяина квартиры за свою страну и ее достижения.

Флора решила, что Шустер бы ей понравился. Но пробудить в себе добрые чувства по отношению к матери, которая бросила ее в младенческом возрасте и уехала в поисках более обеспеченной жизни, забрав с собой ее сестру-близнеца, было трудно.

Из ночных разговоров с Розой и просмотра фотографий у Флоры сложился настолько реальный образ Памелы Шустер, как будто она действительно встретилась с ней: красивая, любящая земные блага, пахнущая духами «Джой» от Пату, одетая от Диора, а иногда – в джинсы «Левайс», стройная, как девчонка; Памела, отдыхающая в Сен-Тропе, катающаяся на лыжах в Санкт-Морице, за обедом в «Ла-Гренвиле» в Нью-Йорке; темные глаза жизнерадостно сияют, волосы коротко подстрижены, белозубая улыбка на лице. Ей были присущи потрясающее обаяние и уверенность в себе – но любовь, нежность? В этом Флора сомневалась.

Часы на каминной полке серебряным звоном отметили полдень. Утро кончилось. Флора сделала бутерброд, выпила стакан молока, взяла сумочку и вышла из квартиры.

Без особого энтузиазма она отправилась искать работу. Через несколько часов она вернулась домой, без каких-либо результатов, уставшая и крайне недовольная своей нерешительностью и заторможенностью. Прошла на кухню и включила чайник. Вечером надо принять ванну, посмотреть телевизор и лечь пораньше спать. Роза настояла, чтобы она осталась на выходные. За два дня можно как следует отдохнуть и выспаться, а в понедельник со свежими силами приступить к поискам работы и жилья. Чайник закипел, и в этот самый момент раздался звонок в дверь.

Он стал последней каплей.

– Проклятье! – не сдержалась Флора, выключила чайник и пошла к входной двери.

Проходя мимо зеркала в коридоре, она оглянулась. Усталая, растрепанная, с небрежно закатанными рукавами рубашки, как будто только что мыла полы. Но ей было все равно. Она открыла дверь.

У порога стоял мужчина – высокий, худощавый, довольно молодой. На нем был элегантный коричневый костюм в «елочку» и галстук медно-красного оттенка, напоминающего цвет шерсти ирландского сеттера. Лицо с тонкими чертами, бледная веснушчатая кожа, вероятно легко обгорающая на солнце. Глаза светлые и ясные, зеленовато-серого цвета. Он смотрел на

нее, словно ожидая, что она сделает первый шаг. В конце концов Флора вопросительно произнесла:

– Да?

– Здравствуй, Роза.

– Я не Роза, – сказала Флора.

Наступила короткая пауза.

– Что? – переспросил молодой человек.

– Я не Роза, – повторила Флора, слегка повысив голос. А вдруг он глухой, или тупой, или и то и другое? – Я Флора.

– А кто такая Флора?

– Я, – ответила Флора, понимая, что ее ответ ничего не проясняет. Пожалевав незнакомца, она добавила: – Я остановилась здесь на выходные.

– Ты шутишь.

– Не шучу.

– Но ты так похожа на Розу... – Он смущенно замолк.

– Да, я знаю.

Он сглотнул слюну. С хрипотцой, вдруг появившейся в голосе, он спросил:

– Близнецы?

– Да.

– Сестры?

– Да.

– Но у Розы нет сестры.

– Не было. А теперь есть. Со вчерашнего вечера.

Снова наступила пауза, потом он сказал:

– Может быть, вы объясните?

– Да, конечно. Дело в том, что...

– Можно мне сначала войти? – перебил он.

Флора застыла в нерешительности, в голове замелькали самые разные мысли. Квартира Гарри Шустера, полная ценных вещей, оставлена под ее ответственность; чужой человек... Мало ли что ему в голову придет. А вдруг он преступник?

– Я вас не знаю, – осторожно сказала она.

– Меня зовут Энтони Армстронг. Я друг Розы. Я только что прилетел из Эдинбурга.

Флора продолжала стоять в нерешительности. Гость начал проявлять нетерпение.

– Послушайте, спросите Розу. Если ее нет дома, позвоните ей. Я подожду.

– Я не могу позвонить ей.

– Почему?

– Она улетела в Грецию.

– В Грецию?

Неподдельный ужас в его голосе и мгновенно побледневшее лицо окончательно убедили Флору. Это явно не мошенник. Девушка отступила в сторону:

– Входите.

Чувствовалось, что гость бывал здесь не раз. Он привычным движением бросил сумку и плащ на стул в прихожей. Успокоенная его уверенным поведением, Флора предложила ему чашку чая. Он сразу согласился. Они прошли на кухню, и Флора снова включила чайник. Доставая чашки и блюда, она все время чувствовала на себе немигающий взгляд молодого человека, который следил буквально за каждым ее движением.

– Вам индийский или китайский? – спросила она.

– Индийский. И покрепче. – Он подвинул поближе высокий кухонный табурет и сел. – А теперь рассказывайте.

- Что вы хотите знать?
- Вы и в самом деле сестра Розы?
- Да, в самом деле.
- Но как это случилось?

Флора объяснила, как можно более кратко: развод Рональда и Памелы Уоринг, раздел между родителями младенцев-близнецов; сестры, выросшие в полном неведении о существовании друг друга, случайная встреча вчера вечером в ресторане.

- То есть это произошло только вчера?
- Я же вам сказала.
- Не могу в это поверить.
- Мы обе не могли поверить, но это действительно так. Молоко, сахар?
- И то и другое. А что случилось дальше?
- Мы поужинали, потом Роза пригласила меня сюда, и мы проговорили всю ночь.
- А утром она улетела в Грецию?
- Да.
- А вы остались?

– Понимаете, я только вчера приехала из Корнуолла. Я целый год жила там с отцом и мачехой. И сейчас в Лондоне у меня нет ни жилья, ни работы. Я рассчитывала подыскать что-нибудь за сегодняшний день, но ничего не получилось. В любом случае Роза попросила меня остаться здесь на выходные. Она сказала, что никто не станет возражать. – Флора повернулась, чтобы передать Энтони его чашку, и опять поймала на себе его пристальный взгляд. – Роза обо всем договорилась с портье, – на всякий случай добавила Флора.

- Скажите, она специально просила вас остаться на выходные?
- Да. А почему вы спрашиваете?

Он взял в руки чашку с блюдцем и начал размешивать сахар, не сводя глаз с лица Флоры.

- Она говорила о том, что я должен приехать?
- А разве она знала об этом?
- Может, она упоминала о телеграмме, которую я прислал ей?
- Нет. – Флора смущенно покачала головой. – Ни о чем таком она не говорила.

Энтони Армстронг сделал большой глоток обжигающего чая, потом поставил чашку с блюдцем на стол, встал с табуретки и вышел из кухни. Через минуту он вернулся с телеграммой в руке.

- Где вы ее нашли?
- Куда обычно люди складывают телеграммы, письма и приглашения? За большую стеклянную сахарницу, стоящую на каминной полке. А в этой квартире роль сахарницы выполняет отполированный кусок мрамора. – Он протянул телеграмму Флоре. – Прочтите.

Флора неохотно взяла телеграмму в руки. Энтони снова взгромоздился на высокий табурет и как ни в чем не бывало отхлебнул чая.

- Ну, читайте же.

ПОСЫЛКУ И ПИСЬМО ПОЛУЧИЛ. НЕОБХОДИМО УВИДЕТЬСЯ. ТАППИ
ТЯЖЕЛО БОЛЬНА. ВЫЛЕТАЮ ЛОНДОН ПЯТНИЦУ ПОСЛЕ ОБЕДА. ЭНТОНИ.

Флора стояла оглушенная. «Как Роза могла?.. Как она могла заткнуть эту телеграмму за сахарницу? Почему не ответила Энтони? Почему, в конце концов, ничего не сказала мне?»

- Кто такая Таппи?
- Моя бабушка. Что это Розе неожиданно понадобилось в Греции?
- Она...

Флора увидела, как настороженно прищурился Энтони, и ей вдруг не захотелось говорить ему правду. Она сделала нарочито беспечное лицо и попыталась придумать какое-нибудь правдоподобное объяснение. Но все, что приходило в голову, казалось неубедительным и еще больше запутывало ситуацию.

– Ну?

Флора сдалась:

– Она поехала, чтобы встретиться с каким-то мужчиной, с которым познакомилась в Нью-Йорке. Он снял виллу на острове Спецес и пригласил туда Розу. – Сообщение было встречено каменным молчанием. – У нее был забронирован билет на самолет. Она улетела сегодня утром.

– Ясно, – сказал Энтони после паузы.

Флора протянула ему телеграмму:

– Я не понимаю, какое отношение Роза имеет к вашей бабушке.

– Мы с Розой обручились и собирались пожениться. На этой неделе она вернула мне обручальное кольцо и разорвала помолвку. Но Таппи этого не знает.

– И вы не хотите, чтобы она узнала?

– Не хочу. Мне тридцать лет, и Таппи считает, что мне пора жениться. Она хочет увидеть нас обоих, строит планы, думает о будущем.

– И чего вы хотели от Розы?

– Чтобы она поехала со мной. Продлить историю с обручением. Обрадовать Таппи.

– Вернее, обмануть.

– Только на выходные. Таппи очень больна, – добавил он с серьезным лицом. – Возможно, она при смерти.

Эти страшные слова повисли в тишине. Флора не знала, что сказать. Она смущенно села и положила руки на гладкую блестящую поверхность стола.

– Где ваш дом? – спросила она, чтобы как-то уйти от тяжелой темы.

– На западе Шотландии. На берегу залива Арисейг.

– Я не знаю, где это. Я никогда не была в Шотландии.

– Это в Аргайле.

– Там живут ваши родители?

– У меня нет родителей. Корабль, на котором плавал отец, пропал без вести во время войны, а мать умерла вскоре после моего рождения. Меня вырастила Таппи. Это ее дом. Это место называется Фернриг, – добавил он.

– Роза знакома с Таппи?

– Да, но не очень хорошо. Пять лет назад Роза и ее мать снимали на лето дом в Фернриге, там мы познакомились. Затем они уехали, и я не вспоминал о них, пока год назад не встретил Розу в Лондоне.

Фернриг. Арисейг. Аргайл. Шотландия. Роза не упоминала о Шотландии. Она рассказывала о Кицбюэле, Сен-Тропе и Большом каньоне, но не о Шотландии. Как все это странно. Ясно только одно: столкнувшись с проблемой, Роза решила просто сбежать.

– Вы сказали, что приехали из Эдинбурга.

– Я там работаю.

– Собираетесь вернуться обратно?

– Не знаю.

– А что вы будете делать?

Энтони пожал плечами и поставил на стол пустую чашку.

– Бог знает. Наверное, придется ехать в Фернриг одному. Но я надеюсь... – Он посмотрел на Флору и продолжил будничным тоном, как будто в его словах не было ничего необычного: – Я надеюсь, что вы согласитесь поехать со мной.

– Я?

– Да, вы.

– Зачем?

– Сделаете вид, что вы – Роза.

Больше всего Флору оскорбил спокойный тон, которым он сделал это возмутительное предложение. Сидит тут, хладнокровный и невозмутимый, с невинным выражением на лице. Флора и без того была потрясена до глубины души его первоначальной идеей – склонить Розу к тому, чтобы она притворилась, что никакого разрыва помолвки не было. Но это...

Она растерялась, не зная, что сказать в ответ.

– Нет уж, большое спасибо, – проямлила она в конце концов.

– Почему нет?

– Почему нет? Потому что это будет ужасная, отвратительная ложь. И потому что придется обманывать человека, которого вы, как я догадываюсь, очень любите.

– Я собираюсь обмануть Таппи именно потому, что очень ее люблю.

– А я не собираюсь никого обманывать, так что вам придется придумать что-нибудь другое. Например, взять свою сумку и плащ и уйти отсюда, оставив меня в покое.

– Вам понравится Таппи.

– Мне не может понравиться человек, которого я обманываю. Обман всегда вызывает чувство вины.

– Вы ей тоже понравитесь.

– Я не поеду.

– А если я очень попрошу?

– Нет.

– Только на выходные. Я пообещал. Я никогда в жизни не нарушал обещаний, данных Таппи.

Флора почувствовала, что ее возмущение стихает, и это пугало. Гнев был лучшей защитой против этого молодого человека. Нельзя поддаваться его обаянию. Нельзя позволять себе сочувствовать ему.

– Я не стану этого делать, – сказала она. – Извините. Я не могу.

– Можете. Вы ведь сказали мне, что у вас нет работы и вам негде жить, кроме как здесь. А ваш отец в Корнуолле, поэтому вряд ли он начнет сразу разыскивать вас. – Он задумался. – Если, конечно, нет кого-то другого, кто будет беспокоиться.

– Вы хотите знать, существует ли мужчина, который настолько без ума от меня, что звонит каждые пять минут? Такого нет.

Энтони не ответил на эту резкую вспышку, но в его глазах блеснул смех.

– Не понимаю, что здесь забавного, – сказала Флора.

– Это не забавно, это курьезно. Я всегда считал, что Роза – самое прекрасное существо из всех двуногих, а вы оказались ее копией. Так куда же смотрят мужчины? Или они слепы?

В первый раз Флора увидела улыбку Энтони. До сих пор он казался ей обыкновенным, скорее некрасивым, хотя и привлекательным. Но его улыбка была удивительной. Она начала понимать, почему Роза увлеклась им. Но почему бросила?

– Вы выглядите не слишком расстроенным для человека, которого только что оставила любимая женщина.

Его улыбка погасла.

– Да, – признался он. – В душе я хитрый и практичный шотландец, а потому увидел в этом знак судьбы. В конце концов, не ошибается тот, кто ничего не делает. И потом, у нас был замечательный роман.

– Мне жаль, что она сбежала. Она ведь знала, что нужна вам.

Энтони скрестил руки на груди.

– Вы тоже мне нужны, – заявил он.

– Я не смогу сделать это.

– Вы только что сказали, что никогда не были в Шотландии. И вот я предлагаю вам на блюдечке бесплатное путешествие, а вы отказываетесь. Вы никогда больше не получите такого предложения.

– Надеюсь, нет.

– Вам понравится Фернриг. И Таппи тоже. Вообще-то, трудно представить это место без Таппи.

– Она живет одна?

– Боже, конечно нет. С ней моя тетя Изабель, садовник Уотти и миссис Уотти, которая готовит еду. Кроме того, у меня есть старший брат по имени Торквил. Его жену зовут Тереза. У них есть сын Джейсон, мой племянник. Вот и все семейство Армстронг.

– А ваш брат тоже живет в Фернриге?

– Нет, они с Терезой сейчас в Персидском заливе. Брат работает в нефтяной компании. Но Джейсон остался с Таппи. Фернриг – сказочное место для мальчишки. Дом стоит на берегу, вокруг море и песок, и есть небольшой причал, где мы с Торквилем держали лодку. А с другой стороны – горные ручьи, полные форели, и озера, покрытые водяными лилиями. Сейчас, в сентябре, цветет вереск, и рябина усыпана ярко-красными ягодами, как бусинами. Вы обязательно должны поехать.

Это было возмутительное обольщение. Флора уперлась подбородком в сплетенные пальцы и задумчиво посмотрела на Энтони Армстронга.

– Когда-то я читала о человеке, которого звали Брет Фаррар. Он выдавал себя за другого, то есть был самозванцем. Ему пришлось потратить месяцы, чтобы выучить все о себе, то есть о том человеке... При одной мысли об этом меня бросает в дрожь.

– Но... – Энтони слез с табуретки и сел к столу напротив Флоры. Теперь они смотрели друг на друга, как два заговорщика. – Понимаете, вам не нужно этого делать. Потому что никто не знает Розу. Никто не видел ее целых пять лет. Никто понятия не имеет, чем она занималась эти годы, за исключением того факта, что она обручилась со мной. Это все, что их интересует.

– Но я ничего не знаю о вас.

– Ну, это просто. Мужчина, холостой, тридцати лет от роду. Учился в Феттес-колледже, потом в Лондоне. Вернулся в Эдинбург и с тех пор работаю там. Что еще вы хотите знать?

– Как вы могли подумать, что я соглашусь на такую ужасную авантюру?

– Это не авантюра. Это доброе дело. Назовем это добрым делом.

– Называйте как хотите. Я все равно не соглашусь.

– А если я попрошу вас снова? Если я очень вас попрошу? Помните, что я прошу не ради себя, а ради Таппи. И ради Изабель. Ради того, чтобы сдержать данное слово. Пожалуйста!

Он явно бил на жалость, и Флора в смятении понимала, что ее непреклонность небезгранична.

– А если бы я согласилась, когда надо было бы ехать?

На лице Энтони проступила осторожная радость.

– Сегодня. Строго говоря, сейчас. Есть рейс в семь с минутами, мы успеем, если поспешим. Прилетим в Эдинбург, сядем в машину, которую я оставил на стоянке в аэропорту, и поедем в Фернриг. К утру доберемся.

– А когда я вернусь обратно?

– Я должен быть на работе в понедельник утром. Вы можете улететь из Эдинбурга в Лондон в тот же день.

Флора инстинктивно понимала, что может доверять ему. Энтони сдержит слово.

– Но я не смогу быть Розой, – сказала она. – Я могу быть только собой.

– Большого и не требуется.

Если говорить начистоту, то Роза сама виновата, что втравила ее в эту историю. Но как же теперь из нее выпутаться?

– Роза поступила нехорошо. Она не должна была бросать вас в такой ситуации.

– Я виноват не меньше, чем она. В сущности, Роза ничем мне не обязана. Впрочем, и вы – тоже.

Флора поняла, что окончательное решение будет за ней. Упорство, с которым Энтони Армстронг стремился выполнить свое обещание, впечатляло. «Быть может, – спросила себя Флора, – позволительно нарушить свои принципы ради благого дела?»

Ложь – опасная вещь. Благоразумие и элементарная порядочность, которые с детства прививал ей отец, бунтовали против безумного плана. Но с другой стороны, нечего было скрывать столько лет от собственной дочери, что у нее есть сестра.

Появились и совсем неожиданные мысли, от которых Флоре было стыдно, но поделать с собой она ничего не могла. Она завидовала Розе. У той всего всегда было так много! Соблазн велик, и с каждой минутой все труднее противостоять искушению.

Энтони ждал. Флора подняла глаза и, к своему ужасу, поняла, что ей даже не надо ничего говорить. Он почувствовал, что она сдалась. Улыбка осветила его лицо, и последние рубежи ее обороны были смяты.

– Ты поедешь! – Это был возглас триумфа.

– Наверное, я сумасшедшая.

– Ты поедешь. И ты не сумасшедшая, ты замечательная. Ты просто супер!

Он вспомнил о чем-то и сунул руку в карман пиджака. Вынув небольшую коробочку, он достал кольцо с сапфиром и бриллиантами, потом взял Флору за руку и надел ей кольцо. Она зачарованно смотрела на сказочное сияние драгоценных камней. Энтони сжал ее ладонь в своих руках.

– Спасибо, – сказал он.

5. Анна

Джейсон Армстронг, семи лет от роду, сидел на большой двуспальной кровати рядом с прабабушкой и слушал «Сказку о двух глупых мышатах». Конечно, он уже вырос из этой сказки. Он знал ее наизусть, и Таппи ее знала, но долгая болезнь бабушки пробудила в Джейсоне тоску по радостям младенческих лет, и, когда Таппи отправила его за книжкой для чтения перед сном, он выбрал именно эту сказку. Старушка покорно надела очки и начала читать.

– «Жили-были два мышонка...»

Джейсону нравилось, как прабабушка читает. Она читала ему вслух каждый вечер, после ужина и купания. Обычно это происходило в гостиной, у камина. Но в последнее время она вообще не могла читать, поскольку была очень больна. «Не надо беспокоить бабушку», – говорила Джейсону миссис Уотти. «Я почитаю тебе», – обещала тетя Изабель и выполняла свое обещание. Только это было совсем не то. У тети Изабель был совсем другой голос, и от нее не пахло лавандой, как от Таппи.

Было нечто особенное в том, чтобы сидеть на кровати у Таппи. Ее кровать не была похожа ни на какую другую: латунные шишечки, огромные подушки в белых наволочках с вышитой монограммой и простыни с ажурной каймой, очень старые, местами заштопанные.

Даже мебель в комнате Таппи – резная, из красного дерева – казалась волшебной и загадочной. На туалетном столике стояли серебряные шкатулки, в которых лежали странные предметы вроде крючка для протаскивания пуговиц через петли или сетки для волос. Таппи объяснила ему, что в старину дамы пользовались такими вещами, а сейчас в них нет необходимости.

– «Там была ветчина, рыба, пудинг, груши и апельсины...» – продолжала читать Таппи.

Шторы были задернуты, но на улице поднимался ветер, и от окна сквозь неплотно пригнанные рамы тянуло сквозняком. Полотнища штор слегка вздувались, как будто за ними кто-то прятался. Джейсон придвинулся поближе к Таппи. Он был рад, что она рядом. В эти дни он почти не отходил от нее, боясь, что за время его отсутствия произойдет что-то страшное, не имеющее названия, и он больше ее не увидит.

Чтобы ухаживать за Таппи, в Фернриг приехала настоящая медицинская сестра. Ее звали миссис Маклеод, она приехала из Форт-Уильяма на поезде, и Уотти ездил на машине встречать ее. Они подружились с миссис Уотти и частенько пили чай на кухне, разговаривая громким шепотом. Сестра Маклеод была высокой, прямой и страдала от варикоза. На этой почве они с миссис Уотти и подружились.

– «Как-то утром Люсинда и Джейн отправились на прогулку...»

Внизу, в холле, зазвонил телефон. Таппи перестала читать, подняла глаза от книги и сняла очки.

– Читай дальше, – попросил маленький Джейсон.

– Там телефон звонит.

– Тетя Изабель возьмет трубку. Читай.

Таппи продолжила чтение, но Джейсон понял, что ее мысли далеки от книги. Звон умолк, и Таппи снова остановилась. Джейсон сдался.

– А кто это звонит? – спросил он.

– Я не знаю. Но думаю, сейчас Изабель поднимется к нам и скажет.

Они сидели вместе на большой кровати, старая женщина и маленький мальчик, и ждали. Снизу смутно доносился голос Изабель, но они не могли разобрать, что она говорит. Наконец раздался короткий звоночек, означающий, что она положила трубку, а затем они услышали, как она поднимается по лестнице и идет по коридору.

Дверь открылась, и появилась Изабель. Она улыбалась, излучая сдержанную радость. Мягкие седеющие волосы слегка растрепались и окружали сияющее лицо рыжеватым ореолом. Она даже помолодела.

– Хотите услышать хорошую новость? – спросила Изабель.

Она вошла и закрыла за собой дверь. Сасси приподнялась над складками одеяла и на всякий случай зарычала, но Изабель не обратила на собаку никакого внимания. Она прислонилась к задней спинке кровати и сказала:

– Это Энтони, он звонил из Лондона. Он приезжает домой на выходные вместе с Розой.

– Он приезжает.

Таппи любила Энтони больше, чем кого-либо на свете, но сейчас ее голос звучал так, как будто она готова расплакаться. Джейсон посмотрел на нее с тревогой, но, не увидев слез, успокоился.

– Да, они приезжают. Всего на пару дней. Им обоим надо вернуться обратно в понедельник. Они вылетят вечерним рейсом в Эдинбург, а затем приедут сюда на машине. Завтра рано утром будут здесь.

– Правда, это замечательно? – На морщинистых щеках Таппи засиял румянец. – Они действительно приезжают. – Она повернулась к Джейсону. – Что ты об этом думаешь?

Джейсон знал, что Энтони собирается жениться на Розе. Он сказал:

– Я никогда не видел Розу.

– Нет, конечно нет. Тебя не было здесь, когда Роза и ее мать жили летом в доме на пляже.

Про дом на пляже Джейсон тоже знал. Когда-то это была рыбацкая хижина, примостившаяся на берегу. Таппи превратила ее в уютный коттедж и сдавала на лето отдыхающим. Но сейчас лето кончилось, и дом на пляже был закрыт и заколочен. Иногда Джейсон думал о том, как хорошо было бы жить там. Открываешь дверь – и сразу песок и море.

– Какая она?

– Роза? Ну, очень симпатичная. Больше я ничего не могу о ней вспомнить. Где она будет спать? – спросила Таппи у Изабель.

– Думаю, в маленькой комнатке, там теплее, чем в большой спальне, и постель уже готова. Я только цветы поставлю.

– А комната Энтони?

– Мы с миссис Уотти приготовим ее сегодня.

Таппи отложила книжку про мышат в сторону.

– Нам надо пригласить гостей...

– Но, мама... – попыталась возразить Изабель, однако Таппи не обратила на ее слова внимания, а она не осмелилась продолжить, боясь испортить матери настроение.

– ...Маленький скромный ужин. Когда его лучше устроить? В воскресенье вечером? Нет, это неудобно, потому что Энтони надо возвращаться в Эдинбург. Значит, завтра вечером. Изабель, скажи миссис Уотти, хорошо? Может, Уотти добудет несколько куропаток? Или мистер Рики даст нам креветок.

– Я прослежу за этим при одном условии, – сказала Изабель. – Ты не будешь пытаться организовать все сама.

– Нет, конечно нет, что за глупости! Но ты должна позвонить мистеру и миссис Кроутер, и еще мы пригласим Анну и Брайана Стоддарт; они встречались с Розой, когда она приезжала в прошлый раз. Анна будет рада немного развлечься. Как ты думаешь, Изабель, гости не обидятся? Тебе придется объяснить, почему мы не смогли пригласить их заранее, а то они сочтут нас невежливыми...

– Они все поймут, не волнуйся.

Мистер Кроутер был священником в Тарболе, а миссис Кроутер учила Джейсона в воскресной школе. Джейсон сомневался, что это будет веселый вечер.

– Я тоже должен там быть? – спросил он.

Таппи рассмеялась:

– Если не хочешь, то нет.

Джейсон вздохнул:

– Дочитай сказку.

Таппи снова начала читать, а Изабель пошла вниз, чтобы обзвонить приглашенных и обсудить приготовления с миссис Уотти. Едва Таппи успела прочесть последнюю страницу, как появилась сестра Маклеод, с большими красными руками, в шуршащем накрахмаленном переднике, и прогнала Джейсона.

– Не приставай к бабушке, – строго сказала она. – Не хватало, чтобы доктор Кайл пришел завтра утром и увидел ее бледной и невыспавшейся.

Джейсон, которому случилось нечаянно услышать, как выражается доктор Кайл, когда ему что-то не нравится, предпочел промолчать.

Он знал, что сестра Маклеод добрая и ухаживает за бабушкой. Но почему она так спешила? Даже не дала по-человечески пожелать Таппи спокойной ночи. Чувствуя себя незаслуженно обиженным, он поплелся по коридору в ванную, чтобы почистить зубы. По дороге он вспомнил, что завтра суббота, а значит, не надо идти в школу. И Энтони приезжает. Может быть, он даже поможет сделать лук и стрелы. Настроение Джейсона сразу улучшилось, и он спокойно отправился спать.

Когда в Ардмор-хаусе раздался телефонный звонок, Анна Стоддарт была в саду. Час между днем и наступлением темноты всегда был полон для нее особого волшебства, тем более в это время года, когда солнце садится раньше и сумерки сгущаются, вызывая ностальгию по синеве и золоту летних вечеров.

Проще всего вернуться в дом к послеобеденному чаю, задернуть шторы и сесть у огня, отключившись от внешних запахов и звуков. Но снаружи все равно доносятся шорох ветра, крики чаек и шепот волн во время прилива, и Анна, придумав какой-нибудь предлог, надевает куртку, резиновые сапоги, берет садовые ножницы, свистом подзывает собак и снова выходит в сад.

Из Ардмора открывается завораживающий вид на береговую линию и острова. Именно поэтому отец Анны, Арчи Кастерз, решил выстроить здесь каменный особняк. И действительно, это изумительное место, если не считать того, что до ближайшей деревни, где находится магазин, почта, яхт-клуб и многое другое, целая миля, а до Тарбола – аж шесть.

Одна из причин, по которым Анна особенно любит вечера, – это огни. Они зажигаются перед самым наступлением темноты и начинают сиять: движущиеся звездочки рыболовных судов, яркие фонари вдоль прибрежной дороги и теплые желтоватые окна дальних ферм на склонах гор. Над Тарболом, где на улицах много света, ночное небо окрашено в красновато-золотистые оттенки; цепочка огоньков тянется к Фернригу, выступающему в море длинным пальцем, на конце которого, за деревьями, спрятался Фернриг-хаус.

Но в этот вечер смотреть было не на что. Сумерки потонули во влажной дымке, с моря доносился туманный горн, и Ардмор казался отрезанным от всего мира.

Анна поежилась. Вид Фернрига на том берегу узкого залива всегда успокаивал ее. Фернриг был неразрывно связан с Таппи Армстронг, а Таппи служила для Анны живым подтверждением того, что человек может жить счастливо, в согласии с собой и с пользой для других, окруженный родными и друзьями, никогда не теряя уверенности в себе. Анне всегда казалось, что жизнь Таппи – во многом трагическая – словно прямая линия и Таппи следует ей, никуда не отклоняясь, не спотыкаясь и не останавливаясь.

Анна хорошо помнила Таппи еще с тех пор, когда была застенчивой маленькой девочкой, единственным ребенком пожилого отца, который больше интересовался процветанием своего бизнеса и яхтами, чем дочерью. Мать Анны умерла вскоре после родов, и девочка с младенческих лет была предоставлена сменявшимся друг друга нянькам. Она была очень застенчива, а ее отец – очень богат, и поэтому ей было трудно общаться с другими детьми ее возраста.

У Таппи всегда находилось время для Анны – и поговорить, и выслушать. «Я собираюсь сажать лук, – могла сказать она, – пойдем, поможешь мне, заодно и поболтаем».

От этих воспоминаний Анне захотелось плакать. Было невыносимо думать о том, что сейчас Таппи больна, и еще труднее было представить, что она может умереть. Таппи Армстронг и Хью Кайл – лучшие друзья Анны. Чувство Анны к Брайану, своему мужу, очень сильное, даже какое-то болезненное, но он так и не стал ее другом. Иногда она задумывалась, бывает ли дружба между супругами в других семьях, но у нее не было настолько близких подруг среди знакомых замужних женщин, чтобы задать этот вопрос.

Анна принялась срезать последние розы, маячившие светлыми тенями в полумраке. Она собиралась сделать это утром, но забыла и сейчас набрала целую охапку цветов, пока еще не тронутых ночными заморозками. Стебли были холодными на ощупь; Анна не надела перчаток и нечаянно уколола большой палец о шип.

«Малыш родится, когда появятся свежие бутоны и цветы», – подумала Анна.

Эта мысль была для нее не счастливым предвкушением, а, скорее, магическим заклинанием, чем-то вроде прикосновения к талисману. Она старалась не думать о том, что этот ребенок может умереть или вообще не родиться. Прошло очень много времени, прежде чем она снова забеременела. За прошедшие пять лет она почти потеряла надежду. Но теперь внутри ее развивалась жизнь нового человечка, и она готовилась к его появлению на свет: связала детскую кофточку, достала с чердака плетеную колыбельку и каждый день после обеда отдыхала, положив ноги повыше, как велел ей Хью.

На следующей неделе она собиралась поехать в Глазго, купить кучу дорогой одежды для беременных и подстричь волосы. Женщина в период беременности становится особенно красивой, – во всяком случае, так утверждали женские журналы.

Брайан всегда хотел ребенка. Каждый мужчина хочет иметь сына. Анна сама виновата в том, что в прошлый раз потеряла ребенка. Она слишком беспокоилась, слишком легко расстраивалась. Теперь все будет по-другому. Она повзрослела, стала менее требовательной, более зрелой. Она выносит этого ребенка.

Уже совсем стемнело и заметно похолодало. Анна снова поежилась.

В доме зазвонил телефон. Она решила, что Брайан, наверное, сам возьмет трубку, но все же повернулась и пошла к дому – по мокрой траве, скользким каменным ступенькам, хрустящему гравия, через калитку сада.

Телефон продолжал звонить, Брайан не спешил отвечать. Анна положила розы и, не снимая резиновых сапог, прошла через холл в угол под лестницей, где ее отец когда-то давно, при строительстве дома, установил телефонный аппарат. Теперь в Ардморе были и другие телефоны – в гостиной, в кухне и рядом с кроватью Анны и Брайана, но этот так и остался в своем укромном уголке.

Она сняла трубку:

– Ардмор-хаус.

– Анна, это Изабель Армстронг.

Страх охватил Анну.

– С Таппи все в порядке?

– Да, она выглядит гораздо лучше и ест с аппетитом. Хью нашел сиделку, миссис Маклеод из Форт-Уильяма, и она очень нам помогает.

– Я рада за Таппи. Наконец-то она пошла на поправку.

– Анна, вы сможете прийти к нам на ужин завтра вечером? Извини, что я приглашаю так поздно, но Энтони приезжает домой на выходные вместе с Розой, и Таппи решила устроить вечер.

– С удовольствием приедем. А это не утомит Таппи?

– Она не будет сидеть за столом, но она все спланировала. Ты же ее знаешь. И особенно хотела, чтобы были вы с Брайаном.

– Спасибо. В какое время?

– Примерно в половине восьмого. И не наряжайся особо, это всего лишь семейный ужин. Может быть, Кроутеры приедут...

– Хорошо.

Они еще немного поболтали и затем распрощались. Изабель ничего не сказала про ребенка, поскольку она ничего и не знала. Никто не знал, кроме Брайана и Хью. Анна не хотела, чтобы кто-нибудь знал. Выбравшись из уголка под лестницей, она принялась стягивать сапоги и куртку. Она помнила то лето, когда Роза Шустер и ее мать снимали дом на пляже, потому что именно в то лето потеряла ребенка. Памела Шустер и ее дочь были частью того кошмара, хотя это не их вина. Во всем виновата она сама.

Анну отпугивала утонченность Памелы Шустер, а непринужденная раскованность ее дочери, порой граничащая с вульгарностью, казалась отталкивающей. В их присутствии застенчивая Анна буквально теряла дар речи. Впрочем, они почти не замечали ее и едва ли перекинулись с ней несколькими фразами.

Зато Брайана они полюбили. Он был в ударе: развлекал, очаровывал, блистал остроумием. Анна, гордясь своим красивым молодым мужем, скромно держалась в стороне. Интересно, изменилась ли Роза? Быть может, помолвка с таким симпатичным парнем, как Энтони, пошла ей на пользу?

Анна прислушалась. В доме было тихо. Она подошла к дверям гостиной, распахнула их и увидела, что комната ярко освещена, горит камин, а Брайан сидит в кресле, вытянув ноги, и читает газету.

При появлении Анны он опустил газету и поднял глаза. Телефон стоял рядом, на том же столике, что и стакан с недопитым виски.

– Разве ты не слышал телефонного звонка? – спросила Анна.

– Слышал. Но я решил, что звонят тебе.

Ничего не ответив, она подошла к камину и протянула руки к огню, чтобы согреться.

– Звонила Изабель Армстронг.

– Как Таппи?

– Лучше. Они наняли ей сиделку. Изабель приглашает нас завтра на ужин. Я сказала, что мы будем.

Брайан снова уткнулся в газету, и Анна поспешила продолжить разговор:

– Энтони приезжает домой на выходные.

– И это повод?

– Он приедет вместе с Розой.

Воцарилось долгое молчание. Брайан опустил газету, свернул ее и положил на колени. Потом переспросил:

– Розой?

– Розой Шустер. Она обручена с Энтони.

– Я слышал, она в Америке.

– По-видимому, уже нет.

– Хочешь сказать, что она приезжает в Фернриг на выходные?

– Так мне сказала Изабель.

Брайан выпрямился, газета упала на ковер. Протянув руку, он взял со столика стакан и допил остатки виски. Затем неторопливо поднялся и подошел к бару, чтобы налить себе еще порцию. Раздалось шипение сифона с газировкой.

– Я срезала цветы, – сказала Анна. – Идет дождь.

– Этого следовало ожидать.

– Боюсь, что будут заморозки.

Со стаканом в руке Брайан подошел к камину и остановился, глядя на языки пламени.

Анна выпрямилась. Над камином висело зеркало, и на них смотрели их отражения, лишь слегка искаженные: мужчина – стройный, смуглый, с темными, резко очерченными бровями, как будто по ним провели тушью, и женщина – невысокая, едва достающая ему до плеча, коренастая и некрасивая: глаза посажены слишком близко, нос крупноват, волосы невзрачного мышиного оттенка.

Она уже так свылась со своим вымышленным романтическим образом, несказанно похорошевшей в преддверии материнства женщины, что, увидев реальное отражение, оцепенела. Кто эта женщина, которая смотрит на нее из мутного стекла? Кто эта незнакомка, стоящая рядом с ее красивым мужем?

Ответ был очевиден, как и всегда. Анна. Некрасивая Анна. Такой была Анна Карстерз, такой осталась Анна Стоддарт. И ничто и никогда не сможет превратить Золушку в принцессу.

Учитывая то, как спешил и нервничал Энтони в Лондоне, Флора ожидала, что, прилетев в Эдинбург, они тут же сядут в машину и на всех парах помчатся в Фернриг.

Но как только они оказались в Шотландии, Энтони совершенно успокоился. Он расслабился, словно человек, который, придя с работы, скинул официальный костюм и надел удобную домашнюю куртку и тапочки.

– Давай поужинаем, – предложил он, погрузив чемодан Флоры в багажник своей машины.

Она посмотрела на него с удивлением:

– Поужинаем? Но ведь нас кормили в самолете.

– Разве это еда? Так, перекус. И потом, я терпеть не могу холодную спаржу.

– Но я думала, что мы спешим поскорее добраться до места.

– Если мы выедем сейчас, то приедем туда в четыре утра. Дверь будет заперта, и нам придется либо сидеть и ждать три часа, либо будить всех посреди ночи. Так что сейчас мы едем в Эдинбург, – сказал он, заводя машину.

– Но уже поздно. Где мы сможем поужинать? Все наверняка закрыто.

– Я знаю где.

Энтони привез Флору в небольшой клуб с очень хорошей кухней, членом которого он был. Около полуночи они снова вышли на улицу. Накапывал холодный мелкий дождь, и тротуары влажно поблескивали.

– Сколько нам ехать? – спросила Флора, когда они сели в машину и пристегнули ремни, приготовившись к длительному путешествию.

– Учитывая дождь, примерно шесть-семь часов. Постарайся уснуть.

– Обычно мне не удается заснуть в машине.

– И все же попробуй.

Но Флора не спала. Она была слишком возбуждена, слишком взволнована и ужасно трусила. Она понимала, что уже сожгла мосты и отступать поздно, убеждала себя, что речь не идет о жизни и смерти, но ничего не помогало. Если бы ночь была ясной, она могла бы попытаться отвлечься, рассматривая окрестности или отслеживая путь по карте. Но дождь шел не переставая, и в свете фар почти ничего не было видно, кроме черной, влажно поблескивавшей дороги, с бесконечной чередой поворотов, которые выплывали навстречу и почти мгновенно исчезали позади под монотонный шорох шин по мокрому асфальту.

Городки и деревни попадались на пути все реже, местность становилась все более пустынной. Некоторое время они ехали вдоль узкого длинного озера, слабо мерцавшего во мраке. Когда оно осталось позади, дорога пошла в гору, извиваясь по склонам.

Через полуоткрытое окно доносился запах торфа и вереска. Свет фар неожиданно выхватил из темноты заблудившуюся овцу, которая неторопливо пересекала шоссе, и Энтони, выругавшись сквозь зубы, резко нажал на тормоз.

Флора чувствовала, что ее окружают горы – не привычные пологие холмы и сложенные из камней древние курганы Корнуолла, а настоящие горы, которые с одной стороны дороги возносились почти вертикально вверх, а с другой обрывались в глубокие пропасти и узкие лощины. Вдоль обочин мелькали мокрые заросли папоротника. Гул мотора то и дело перекрывался шумом грохочущей по камням воды, срывающейся водопадом с невидимых обрывов.

Рассвет в это серое пасмурное утро наступал так медленно, что Флора и не заметила, как это произошло. Просто мрак поредел, стал более проницаемым для взгляда, и проступили белые стены одинокой хижины, прилепившейся на склоне холма, смутные очертания стада овец.

Ночью дорога была почти пустой, но сейчас навстречу начали попадаться огромные трейлеры, которые проносились мимо, пугая ревом дизельных двигателей и обдавая брызгами мутной воды.

– Откуда они вдруг взялись? – спросила Флора.

– Они едут оттуда, куда направляемся мы.

– Из Феррига?

– Нет, из Тарбола. Когда-то это была маленькая рыбацкая деревушка, а теперь крупный порт, где разгружаются суда с сельдью.

– И куда эти трейлеры едут?

– В Эдинбург, Абердин, Фрейзерборо – туда, где можно продать сельдь. Омаров везут в Престуик и затем самолетом доставляют в Нью-Йорк. Креветки отправляют в Лондон, а соленую сельдь – в Скандинавию.

– Неужели в Скандинавии нет своей селедки?

– В Северном море выловили почти всю рыбу. Вот почему Тарбол стал процветать. Все рыбаки теперь имеют новые машины и цветные телевизоры. Их дети в школе задирают нос перед Джейсоном, поскольку у нас в Фернриге нет цветного телевизора. Бедный ребенок страдает от этого.

– Фернриг далеко от Тарбола?

– Примерно шесть миль.

– И как же Джейсон добирается до школы?

– Его возит туда Уотти, садовник. Джейсон предпочел бы ездить на велосипеде, но Таппи ему не позволяет, боится, как бы он не попал в аварию. И она права, ему ведь только семь лет.

– Он давно живет с Таппи?

– Около года. Я не знаю, сколько он еще пробудет здесь. Это зависит от того, как будет с работой у Торквила.

– А Джейсон не скучает по родителям?

– Конечно скучает. Но Персидский залив – неподходящее место для детей его возраста. И Таппи всегда хотела, чтобы он жил с ней. Она любит, чтобы в доме были дети. Может быть, поэтому она не стареет. У нее просто нет на это времени.

– А Изабель?

– Изабель – святая. Она всегда думает только о других.

– Она никогда не была замужем?

– Нет. Когда началась война, Изабель была слишком молодой, а потом хотела только одного – вернуться в Фернриг. К сожалению, в Западной Шотландии не так много холостяков. Был у нее один поклонник, из фермеров. Он собирался купить дом на острове Эгг и повез туда Изабель посмотреть будущие владения. По дороге ее укачало, а когда они добрались до места, пошел дождь и лил весь день. Фермерский дом оказался очень примитивным, с туалетом в дальнем конце сада. На обратном пути Изабель опять ужасно страдала от морской качки, так что после этой ознакомительной поездки их роман закончился сам по себе. Мы были рады. Этот парень нам совсем не нравился. У него было красное лицо, и он все время говорил о том, что человек должен вернуться к простой жизни. Ужасный зануда.

– А Таппи он нравился?

– Таппи нравятся все.

– И я ей понравлюсь?

Энтони слегка повернул голову и послал Флоре улыбку, сочувственную и заговорщическую одновременно. Собственно, это была вовсе даже не улыбка.

– Ей понравится Роза, – сказал он.

И Флора надолго умолкла.

Когда рассвело, дождь превратился в мягкий клубящийся туман, в котором чувствовался запах моря. Дорога бежала вниз по склонам гор, мимо розоватых гранитных скал и пологих склонов, поросших лиственницами и елями. Окрестные деревушки только начали пробуждаться после сна. Западный ветер покрывал рябью темную поверхность узких озер. С каждым поворотом дороги открывался новый, еще более впечатляющий вид. Неожиданно показалось море: волны бились о покрытые мхом скалы у устья узкого залива.

Несколько миль дорога шла вдоль берега. Флора увидела полуразрушенный замок, у стен которого пощипывали траву овцы, рощицу серебристых берез, листья которых напоминали

по цвету новенькие медные монеты, ферму с загонem для овец, лающую собаку. Издали все казалось миниатюрным и очень красивым.

– Как романтично, – сказала Флора. – Конечно, это сентиментальное слово, но ничего другого не приходит в голову. Романтичная страна. Неужели тебе не хочется здесь жить? Я имею в виду постоянно?

– Мне нужно зарабатывать на жизнь.

– А разве здесь нельзя найти работу?

– Для дипломированного бухгалтера – нет. Здесь надо быть рыбаком. Или врачом, как Хью Кайл, который лечит Таппи. Он прожил здесь почти всю жизнь.

– Наверное, он счастливый человек.

– Не уверен, – ответил Энтони.

Они въехали в Тарбол в половине седьмого, спустившись с крутого склона горы в маленькую гавань, пока пустую. Грузовики уже разъехались, а рыбацкие суда еще не вернулись с ночного лова.

Поскольку все еще было слишком рано, Энтони свернул с шоссе и остановил машину у деревянной лачуги, стоящей напротив причалов с подъемными кранами и коптильнями.

Они вышли из машины, ежась от холода. В нос ударил запах моря, просмоленных канатов и рыбы. На лачуге была надпись: «Сэнди Сутер. Чай, кофе, закуска», а запотевшие окна горели теплым желтоватым светом. Внутри было тепло, пахло свежим хлебом и жареным беконом. За прилавком сидела толстая женщина в цветастом халате. Увидев Энтони, она радостно заулыбалась:

– Энтони Армстронг! Глазам не верю! Откуда ты взялся в такую рань?

– Привет, Ина. Я приехал домой на выходные. Есть у тебя что-нибудь на завтрак?

– Конечно. Садись, будь как дома. – Она посмотрела на Флору, и в ее глазах вспыхнул жгучий интерес. – А эта молодая леди приехала с тобой? Мы слышали, ты собрался жениться.

– Да, – подтвердил Энтони. Он взял Флору за руку и подтащил вперед. – Это Роза.

Вот и первая встреча. Первая ложь. Первый барьер.

– Здравствуйте. – Флора приветливо улыбнулась.

Барьер остался позади.

6. Джейсон

Таппи проснулась в пять часов и с шести уже поджидала Энтони и Розу.

Если бы она была здорова, то встала бы, оделась, спустилась вниз и занялась привычными домашними делами, которые всегда доставляли ей удовольствие. Открыла бы дверь и выпустила на улицу собак, потом прошла бы на кухню и вскипятила чайник к их приезду. Затем снова поднялась бы наверх и включила электрокамины в двух приготовленных спальнях, проверила, все ли готово, застланы ли кровати свежими накрахмаленными простынями, есть ли вешалки для одежды в гардеробах и проложены ли ящики туалетных столиков чистой белой бумагой. После этого снова вниз, позвать собак обратно, дать им еды и приласкать, отдернуть шторы, впуская утренний свет, поворошить угли в камине и подбросить торфа. В доме должно быть тепло и уютно.

Но Таппи была стара и к тому же сейчас больна, а потому ей пришлось остаться в постели, предоставив другим выполнять эти приятные обязанности. Ее грызли неудовлетворенность и скука. «Сейчас встану, оденусь и спущусь вниз, – подумала Таппи, – и пусть Изабель, сестра Маклеод и Хью Кайл катятся ко все чертям со своими нравами». Однако, трезво взвесив свои силы, она решила не рисковать. Что подумает Энтони, если увидит бабушку, разбившую лоб о ступеньки? Хорошо, если она отделается только шишкой.

Таппи вздохнула, смиряясь с неизбежным. Она съела печенье из коробки, стоящей на тумбочке, и выпила чаю, который сиделка налиwała на ночь в термос. Надо набраться терпения. Но как это утомительно – болеть...

В семь часов дом зашевелился. Таппи услышала, как Изабель вышла из своей комнаты и спустилась вниз, залаяли собаки, заскрипели железные задвижки входной двери, щелкнул в замке большой ключ.

К голосу Изабель присоединился голос миссис Уотти, и вскоре по дому поплыл запах готовящегося завтрака. Джейсон прошлепал по коридору в ванную и затем раздался его звонкий голос:

– Тетя Изабель!

– Да?

– Роза и Энтони приехали?

– Нет еще. Но скоро должны.

Таппи смотрела на дверь. Ручка повернулась, и дверь медленно приоткрылась.

– Я не сплю, – сказала она, увидев светловолосую головку Джейсона.

– Они еще не приехали, – сообщил он.

– Ты как раз успеешь одеться.

– Ты хорошо спала?

– Отлично, – солгала Таппи. – А ты?

– Я тоже. Мне так кажется. Ты не знаешь, где моя скаутская футболка?

– Скорее всего, в сушилке.

– Ага, понятно. Пойду посмотрю.

Он ушел, оставив дверь открытой. Этим тут же воспользовалась Сасси, которая после утренней прогулки в саду напрямик направилась вверх. Прощлепав по полу, она запрыгнула сначала на стул, потом на кровать и невозмутимо улеглась на одеяло.

– Сасси! – укоризненно сказала Таппи.

Но собака бросила на хозяйку непонимающий взгляд и свернулась калачиком, явно собираясь снова заснуть.

Следующей в комнате появилась сестра Маклеод. Она отдернула шторы и включила обогреватель. Шкатулки и коробочки на туалетном столике задребезжали от ее тяжелых шагов.

– Надо успеть привести вас в порядок до приезда вашего внука и этой молодой леди, – сказала сестра. Она взбила подушки, поправила одеяло и спросила, что Таппи хотела бы на завтрак. – Миссис Уотти жарит бекон. Она говорит, что Энтони всегда ест бекон, когда приезжает утром домой. Может, и вам принести кусочек?

Наконец, когда Таппи сказала себе, что уже не может больше ждать, снаружи донесся звук приближающегося автомобиля. Она мысленно видела, как машина въезжает в ворота и останавливается во дворе. Утреннюю тишину нарушил двойной гудок, скрип тормозов и шорох разлетающегося из-под колес гравия. (По мнению Таппи, Энтони ездил слишком быстро.) Внизу началась небольшая суматоха. Залаял Пламмер, раздался быстрый топот шагов, дверь с грохотом открылась, и дом наполнился радостными голосами:

– Наконец-то! Как доехали? Как мы рады вас видеть!

– Привет, Энтони, – сказал Джейсон. – Ты сделаешь мне лук и стрелы?

Таппи услышала голос Энтони:

– Как Таппи?

– Она уже проснулась. – У Джейсона от возбуждения срывался голос. – Ждет тебя.

Таппи села в кровати, неотрывно глядя на дверь и ожидая, что войдет Энтони. Она услышала, как он бежит по лестнице, как всегда, перепрыгивая через ступеньки.

– Таппи!

– Я здесь!

Широкие шаги по коридору, и вот он ворвался в комнату и остановился, сияя широкой улыбкой, как Чеширский кот. Он наклонился поцеловать ее, слегка царапая щеки колючей щетиной. Они обнялись. Таппи никак не могла поверить, что это он, что он действительно здесь.

– Ты замечательно выглядишь, – сказал Энтони. – Да ты просто притворщица!

– Со мной все в порядке. А ты приехал позже, чем обычно. Дорога была тяжелой?

– Нет, нормальной. Мы даже успели позавтракать у Сэнди в Тарболе. Наелись сосисок и выпили крепкого чая.

– Роза с тобой?

– Да, она внизу. Позвать?

– Конечно. Приведи ее сюда.

Энтони вышел из комнаты, и Таппи услышала, как он кричит с лестничной площадки:

– Роза! – Потом еще раз, громче: – Роза! Поднимайся вверх. Таппи хочет посмотреть на тебя.

Наконец Энтони вернулся в комнату, ведя за руку Розу. Таппи показалось, что они оба смущены и чувствуют себя несколько неловко. Она решила, что это очень мило и что влюбленность благотворно сказалась на Энтони, частично содрав с него шелуху внешнего глянца, которую он приобрел за годы жизни в Эдинбурге.

Таппи посмотрела на Розу и вспомнила ее. Пожалуй, пять лет, прошедшие между семнадцатью и двадцатью двумя годами, превратили хорошенькую, но капризную девочку в очень симпатичную девушку. Загорелая, чистая, сияющая здоровьем кожа, густые каштановые волосы, темно-карие глаза. Таппи забыла, какие они темные. Девушка была одета так, как одевается сейчас молодежь: линялые джинсы, свитер-водолазка и темно-синий плащ на клетчатой подкладке.

– Боюсь, у меня несколько помятый вид, – смущенно сказала Роза.

– О моя дорогая! А какой еще у тебя должен быть вид после такого утомительного ночного путешествия? В любом случае ты выглядишь очаровательно. Подойди и поцелуй меня.

Темные волосы упали и коснулись щеки Таппи. Щека девушки была гладкой и прохладной на ощупь, как только что сорванное с дерева яблоко.

– Я думала, ты никогда не приедешь навестить меня!

Роза присела на край кровати.

– Извините.

– Ты была в Америке?

– Да.

– Как поживает твоя мама?

– Хорошо.

– А отец?

– Тоже хорошо. Мы путешествовали. – Она заметила в уголке кровати дремлющую Сасси. – О, это ваша собака?

– Роза, ты ведь помнишь Сасси! Она ходила с нами на пикник на берегу.

– Она... она постарела.

– Сейчас ей десять лет. По человеческим меркам это семьдесят. И даже в этом случае она моложе меня. У меня больше зубов, чем у нее, но зато Сасси не настолько глупа, чтобы так болеть, как я. Энтони, ты сказал, вы позавтракали?

– Да, – подтвердил он. – В Тарболе.

– Какой ужас! Миссис Уотти специально для тебя жарит бекон. Тебе придется съесть хотя бы немного и выпить кофе.

Таппи, любуясь, смотрела на Розу. Как это чудесно, что Энтони женится на ней, и как приятно, что она приехала в Фернриг.

– Покажи мне свое кольцо, – сказала она.

Девушка послушно протянула загорелую руку с тонкими длинными пальцами. Блеснули сапфир и бриллианты.

– Какое красивое! Я всегда знала, что у Энтони хороший вкус.

Роза улыбнулась. У нее была широкая улыбка. Два чуть выступающих вперед зуба придавали ей по-детски беззащитный вид.

– Сколько вы здесь пробудете? – спросила Таппи.

– До завтрашнего вечера, – сказал Энтони. – Нам обоим надо возвращаться.

– Два дня. Как мало. – Она легонько похлопала Розу по руке. – Но ничего, этого достаточно, чтобы отдохнуть. Кстати, сегодня у нас званый ужин по случаю вашего приезда, будет несколько гостей. – Поймав выражение лица Энтони, она решительно пресекла любые возражения: – Не беспокойся, приготовлениями занимается Изабель, а за мной ухаживает сиделка. Ее зовут миссис Маклеод, она из Форт-Уильяма. По правде говоря, она очень похожа на лошадь, – понизив голос до шепота, добавила Таппи, и Роза невольно рассмеялась.

– Эта затея с ужином совсем ни к чему, – не удержался Энтони.

– Не волнуйся, разумеется, я не стану спускаться вниз. Буду сидеть здесь с подносом и слушать, как вы там веселитесь. – Она повернулась к Розе. – Я пригласила Анну и Брайана – ты ведь их помнишь? Конечно помнишь. Тебе будет интересно встретиться с ними снова.

– Жаль, что вас не будет за столом, – сказала Роза.

– Какая ты милая, – растрогалась Таппи. – Но мне надо отлежаться, чтобы окончательно поправиться к вашей свадьбе. Это самое главное. – Она снова улыбнулась, переводя взгляд с одного лица на другое, с бледного на смуглое. Заметив усталость в темных глазах, Таппи спросила: – Роза, тебе удалось вздремнуть в машине?

Девушка покачала головой:

– Нет, не удалось.

– Наверное, ты очень утомилась.

– Да, немного клонит в сон.

– Почему бы тебе не лечь в постель? Поспи до обеда. Может быть, и Энтони...

– Я не хочу спать, – торопливо возразил он. – Прилягу позже.

– А ты, Роза, ложись и отдохни. Миссис Уотти даст тебе грелку с горячей водой. А потом можешь принять ванну, если хочешь.

– С удовольствием, – призналась Роза.

– Вот и отлично. А теперь идите и съешьте по кусочку бекона, чтобы ублажить миссис Уотти, и скажите сестре Маклеод, что я готова завтракать. Еще раз спасибо вам обоим, что приехали, – сказала она им вслед.

Пробуждение было странным, кровать незнакомой, хотя и замечательно мягкой и удобной, карниз потолка тоже неузнаваемым, как и темно-розовый цвет задернутых штор. Еще не сориентировавшись в обстановке, Флора вытащила руку из-под одеяла и посмотрела на часы. Одиннадцать. Она проспала три часа. Она вспомнила, где она, – в Фернриге, в Шотландии. Она – Флора, но сейчас она – Роза, невеста Энтони Армстронга.

Она познакомилась со всеми – с Изабель, с маленьким Джейсоном, с миссис Уотти, пышной, как свежее испеченная булочка, и с ее мужем, садовником Уотти. Казалось, все рады ее видеть, и вовсе не потому, что она невеста Энтони. Разговоры были полны воспоминаний.

– А как поживает миссис Шустер? – спросила миссис Уотти. – Я помню, в то лето она каждый день приходила сюда за свежими яйцами и Уотти давал ей пучок салата, потому что она говорила, что ни дня не может прожить без свежего салата.

А Изабель вспомнила о каком-то пикнике, когда было так жарко, что Таппи решила искупаться и одолжила у Памелы Шустер один из ее роскошных купальников.

– Она запретила нам смотреть на нее. Сказала, что в купальнике у нее неприличный вид, но на самом деле он ей очень шел, потому что Таппи всегда была стройной.

Энтони стал поддразнивать Изабель:

– Если Таппи запретила смотреть на нее, как ты узнала, что она хорошо выглядит? Ты что, подглядывала?

– Я следила, как бы ей не свело ногу судорогой.

Один Джейсон, к своему огромному разочарованию, не мог ничего вспомнить.

– Жаль, что меня здесь не было, когда ты приезжала в прошлый раз, – сказал он Флоре, глядя на нее с нескрываемым обожанием. – Кажется, я был где-то в другом месте.

– Ты был в Бейруте, – напомнила ему Изабель. – И даже если бы ты был здесь, ты мало что смог бы вспомнить, потому что пять лет назад тебе было всего два года.

– Я помню, когда мне было два года. Я много чего помню.

– Например? – скептически спросил Энтони.

– Ну, например... рождественскую елку!

Флора обратила внимание, что все улыбнулись, но никто не засмеялся над мальчиком. И хотя Джейсон понял, что ему не поверили, его достоинство не пострадало.

– Розу я обязательно бы запомнил, – добавил он.

Флора поняла, что теплый прием не был напрямую связан с тем, что Роза должна стать женой Энтони. Просто она попала в радушный теплый дом, где всегда рады гостям.

Было уже пять минут двенадцатого. Она встала, подошла к окну и отдернула шторы. Из окна открывался вид на сад и на море.

Дождь прекратился, и туман рассеялся. Вдали проступали смутные очертания каких-то островов. Сад террасами спускался к берегу. Приливная волна отступила, обнажив небольшую пристань и крутой галечный пляж. Немного в стороне виднелась сетка теннисного корта. Кусты красовались в наряде из красных и золотистых листьев, а ветви рябины сгибались под тяжестью ягод.

Отойдя от окна, Флора отправилась на поиски ванной комнаты. Ванна оказалась старинной, видимо еще викторианских времен: узкая, встроенная в корпус из полированного красного дерева, с такими высокими бортиками, что влезть в нее можно было с большим трудом. Вода была как кипяток, очень мягкая и коричневатая от примеси торфа. Тут, в ванной, все вполне соответствовало концу девятнадцатого века: мыло слегка пахло каким-то лекарством, полотенца были огромными, белыми и очень пушистыми, а на полке стояла банка с наклейкой: «Вода лавровишни».

Вымывшись и одевшись, Флора застелила постель, повесила в шкаф свою одежду и осторожно вышла из комнаты. Она дошла по коридору до того места, где начиналась широкая лестница, спускающаяся несколькими пролетами вниз, в большой холл. Флора остановилась и прислушалась. Вокруг было тихо. Дверь в комнату Таппи была приоткрыта, но она не рискнула заглянуть туда, боясь потревожить старушку. Спустившись вниз, Флора увидела огромный камин, в котором тлели угли. Приятно пахло торфяным дымком.

Не зная, куда идти дальше, Флора отправилась на кухню, где миссис Уотти ошипывала птицу.

– А, Роза. Ну как, хорошо вздремнула?

– Да, спасибо.

– Хочешь кофе?

– Нет, спасибо, пока не хочу. Я хотела узнать – а где все?

– Разбежались по своим делам. Сестра ждет прихода доктора, мисс Изабель поехала в Тарбол за покупками к сегодняшнему ужину, а Энтони и Джейсон отправились в Лохгарри спросить, не согласится ли Уилли Робертсон заделать выбоины у нас на дороге. Каждый раз,

когда Энтони приезжает домой, мисс Изабель начинает приставать к нему, чтобы он сделал что-нибудь с этими выбоинами. Но каждый раз ему не хватает времени этим заняться. А сейчас он наконец-то согласился, и они с Джейсоном уехали где-то час назад. Вернутся к обеду. – Миссис Уотти взяла пугающего размера нож и начала потрошить курицу. Зрелище было не для слабонервных. – Так что, похоже, ты предоставлена сама себе.

Флора отвела глаза от жуткой картины и спросила:

– Может, чем-нибудь помочь? Я могла бы накрыть на стол или почистить картошку.

Миссис Уотти рассмеялась:

– Спасибо, почти все уже сделано. А ты не хочешь пойти погулять? Дождь перестал, а свежий воздух тебе не повредит. Можешь даже спуститься вниз, к дому на пляже. Посмотреть, не изменился ли он за эти годы.

– Да, пожалуй, – сказала Флора. Хорошая идея. Она увидит этот дом на пляже и сможет его «вспомнить». – Но я почти забыла, как туда идти.

– Да ты не заблудишься. Просто обогни дом и спустись по дорожке к пляжу. Только оденься потеплее, а то простудишься.

Флора послушалась совета, забрала из своей комнаты плащ, снова спустилась вниз и вышла из дома. Воздух был прохладным, мягким и влажным, с запахом прелых листьев, торфяного дымка и чуть солоноватым привкусом моря. Она немного постояла, осматриваясь и пытаясь сообразить, куда ей идти. Потом повернула налево, прошла через усыпанную гравием площадку перед домом и увидела тропинку, спускающуюся между двумя лужайками к зарослям рододендрона.

Тропинка вела дальше, к калитке в каменной стене. За стеной рос вереск, затем шли скалы и, наконец, полоса белоснежного песка.

Флора поняла, что вышла к южному берегу узкого морского залива. Сейчас, во время отлива, две полосы песка разделял лишь узкий канал. На противоположном берегу виднелись пологие зеленые склоны холмов с пятнами овечьих загонов и стогами свежескошенного сена.

Из трубы маленького домика тянулся сизый дымок; присмотревшись, можно было разглядеть собаку у двери и столь обычные здесь фигурки овец, разбросанные по пастбищу.

Флора спустилась к воде в поисках дома на пляже. Она увидела его почти сразу, в изгибе бухты, рядом со старыми сучковатыми дубами. Белые стены, голубая крыша и зеленая дверь. Подойдя ближе, она заметила деревянную лестницу, которая вела от пляжа через камни прямо к домику, и поднялась по ней. На крытой террасе лежала перевернутая лодка и стояла деревянная кадка с умирающими остатками летних гераней.

Флора прислонилась спиной к двери и обвела взглядом открывающийся пейзаж, чувствуя себя актрисой, которой предстоит сыграть новую роль. Она попыталась представить себя на месте Розы. Розы в семнадцать лет. Что она делала здесь тем летом? Как проводила время? Загорала на террасе? Каталась на лодке во время прилива? Купалась, собирала ракушки, бродя вдоль кромки воды по горячему искристому песку?

Или же Розе было скучно до зевоты и она постоянно дулась, стремясь поскорее уехать в Нью-Йорк или Кицбюэль? Жаль, что не было времени лучше узнать сестру.

Флора отошла от дома и посмотрела на него со стороны, надеясь получить какую-то подсказку. Но заколоченный фасад молчал. Она отвернулась и спустилась к морю, где плескалась о песок прозрачная вода и прямо под ногами лежали ракушки, словно ожидая, что кто-нибудь протянет руку, чтобы подобрать их.

Она подняла одну, затем другую и так увлеклась этим занятием, что потеряла ощущение времени. Неожиданно Флора почувствовала, что за ней наблюдают. Подняв глаза от раковин, она увидела машину, остановившуюся вдалеке, у обочины узкой дороги. Раньше ее не было, это она помнила точно. А рядом с машиной, сунув руки в карманы, неподвижно стоял мужчина.

От дороги до того места, где находилась Флора, было метров сто, но, увидев, что Флора его заметила, мужчина вынул руки из карманов, спустился на берег и зашагал в ее сторону.

Флора застыла в растерянности. Кроме нее и приближающегося человека, на берегу не было ни одной живой души, если не считать крикливых чаек.

Быть может, он заблудился и хочет спросить дорогу? Или подбирает место для семейного отдыха следующим летом и дом на пляже привлек его внимание? А вдруг он маньяк? Надо было взять с собой собаку.

Что за чушь лезет ей в голову! Даже издали было видно, что это вполне приличный мужчина. Высокий, широкоплечий и длинноногий, он шел легко и быстро.

Незнакомец приближался. Было глупо просто стоять и смотреть на него, с руками, полными ракушек. Флора попыталась слабо улыбнуться, но не получила ответа. Он просто молча надвигался на нее, как танк. Незнакомцу было на вид что-то между тридцатью и сорока годами, его волосы, костюм, рубашка и даже галстук имели неопределенный цвет и ничем не привлекали внимания. Только глаза нарушали общую картину: они были ярко-голубыми, но их холодный взгляд застал Флору врасплох.

Наконец мужчина остановился менее чем в метре от того места, где стояла Флора. Порыв ветра бросил прядь волос ей в лицо; она откинула ее назад.

– Здравствуй, Роза.

– Здравствуйте, – сказала Флора.

– Предаешься счастливым воспоминаниям?

– Да. Пожалуй.

– Ну и как тебе здесь?

В его речи звучали мягкие модуляции, характерные для Западной Шотландии. Значит, он местный житель. И знает Розу. Но кто он такой?

– Хорошо, – сказала Флора, чувствуя, что голосу недостает уверенности.

Незнакомец сунул руки в карманы брюк.

– Я не думал, что ты осмелишься вернуться.

– Не слишком-то радушный прием.

– Не прикидывайся дурочкой, Роза. Ничего другого ты и не могла от меня ожидать.

– И почему же мне не следовало приезжать?

В уголках его губ мелькнула усмешка, но выражение лица оставалось по-прежнему холодным.

– Ни к чему задавать этот вопрос. Мы оба знаем ответ.

Флора начала испытывать смутное беспокойство.

– И вы пришли только для того, чтобы сказать мне это?

– Нет. Я пришел, чтобы сказать тебе другое. Напомнить, что ты больше не наивная девочка. Ты обручилась с Энтони. Ты взрослая женщина. И я надеюсь, что для своего же блага ты будешь вести себя достойным образом.

– Вы мне угрожаете? – спросила Флора как можно более небрежным тоном, чтобы не выдать охватившую ее тревогу.

– Нет. Предостерегаю. По-дружески. Желаю удачного дня. Можешь продолжать собирать свои ракушки.

Он повернулся и пошел прочь. Вот он достиг камней, легко взобрался по ним, сел в машину и уехал по дороге, которая вела в Тарбол.

Флора все еще держала в руках ракушки. В голове роились вопросы. И на них был только один возможный ответ. У Розы был какой-то неудачный роман с этим мужчиной. Иначе с чего бы он стал сейчас так с ней разговаривать?

Она бросила ракушки на песок и пошла обратно, спеша найти утешение в дружеском тепле Фернрига. Ей хотелось отыскать Энтони и рассказать ему об этом странном разговоре, но

она передумала это делать. В конце концов, ее это не должно задевать. Она – Флора, а не Роза и приехала сюда только на два дня. Завтра вечером она уедет и никогда больше не увидит этих людей. И больше не встретится с этим мужчиной. Он знаком с Розой, но это не означает, что он – друг Армстронгов. И даже если он их знакомый, маловероятно, чтобы Таппи пригласила такого типа в дом.

Придя к такому заключению, Флора решила выбросить инцидент из головы. Но все же у нее в душе остался неприятный осадок: похоже, Роза вела себя не так, как следовало.

Как же Флора обрадовалась, увидев Энтони и Джейсона, идущих ей навстречу! Оба были одеты в старые джинсы и толстые свитера. Джейсон кинулся к ней, споткнулся о развязавшийся шнурок, упал, тут же поднялся и снова побежал. Флора подхватила мальчика и закружила в воздухе.

– Мы искали тебя, – сказал Джейсон, когда Флора поставила его на землю. – Скоро обед. Будет пастуший пирог.

– Извини. Я не думала, что уже так поздно. – Она подняла голову и посмотрела на Энтони.

– Доброе утро, – сказал он. Потом неожиданно наклонился и поцеловал ее. – Как ты себя чувствуешь?

– Очень хорошо.

– Миссис Уотти сказала нам, что ты пошла на берег. Ты нашла дом на пляже?

– Да.

– Все в порядке?

Он спрашивал не о доме, а о том, как она справляется с ситуацией, в которую он ее втянул. Его забота тронула Флору, и поскольку она не хотела напрасно волновать его, то улыбнулась и заверила, что все отлично.

– Ты подходила к дому на пляже? – спросил Джейсон.

– Да. – Флора взяла его за руку, и они зашагали по дорожке. – Но там все заколочено, и я не смогла заглянуть внутрь.

– Я знаю. Уотти заколачивает его на зиму, чтобы мальчишки из Тарбола не разбили стекла. Однажды кто-то влез внутрь через разбитое окно и стащил одеяло, – рассказал Джейсон. В его глазах это явно было тяжким преступлением.

– А ты чем занимался сегодня утром? – спросила Флора.

– Мы ездили в Лохгарри к Уилли Робертсону насчет выбоин на дороге. Уилли обещал на следующей неделе приехать на специальной машине и заделать ямы асфальтом.

– Возможно, это произойдет в следующем году, – сказал Энтони. – Здесь ведь Западная Шотландия и люди не привыкли следить за временем.

– Миссис Робертсон дала мне ириску, а потом мы поехали на пристань в Тарболе, там стоял корабль из Дании, и они грузили селедку в бочках, и я видел, как чайка одним махом проглотила целую рыбину.

– Да уж, эти чайки очень прожорливые.

– А еще Энтони обещал после обеда сделать мне лук и стрелы.

– Может, мы спросим Розу, чем она хочет заняться после обеда? – предложил Энтони.

Джейсон с тревогой поднял на нее глаза:

– Ты ведь согласишься делать лук и стрелы?

– Да, конечно. Но я надеюсь, это не займет много времени. А потом мы могли бы пойти на прогулку и взять с собой собак. Они ведь любят гулять?

– Да, Пламмер любит. А Сасси ленивая, она все время сидит на кровати у Таппи, – ответил Джейсон.

– Ей там очень уютно.

– Таппи ее любит. Но мне не нравится сидеть рядом с Сасси – у нее из пасти противно воняет.

Поскольку в столовой уже накрыли к званому ужину, обед устроили в кухне. Большой стол застелили скатертью в сине-белую клетку, а для украшения поставили букет желтых хризантем. На обед подали обещанный пастуший пирог и печеные яблоки. Еда была простой, горячей и очень вкусной. Затем миссис Уотти сварила кофе. За обедом обсуждали планы на остаток дня.

– Я иду в сад, – решительно заявила Изабель. – Погода наладилась, и я не хочу ее упускать.

– Мы собираемся на прогулку, – сказал Энтони.

– Тогда возьмите с собой Пламмера.

– Но, Энтони, ты же обещал... – начал Джейсон.

– Еще одно слово про лук и стрелы, и первая стрела из этого лука, если я его сделаю, полетит в тебя, прямо в лоб, – перебил его Энтони. Он выпустил воображаемую стрелу в племянника. – Памм!

– Нельзя целиться в людей, – нравоучительно заявил Джейсон. – Никогда не направляй оружие на другого человека.

– Справедливая критика, – признал Энтони, – но бесполезная. – Он повернулся к Флоре. – Может, на минутку поднимемся к Таппи?

Но тут вмешалась миссис Маклеод:

– Миссис Армстронг плохо провела ночь, она почти не спала. Я как раз собиралась предложить ей вздремнуть после обеда. Не надо ее беспокоить.

– Как скажете, сестра, – кротко согласился Энтони. – Ваше слово – закон.

Миссис Маклеод отодвинула свой стул и встала, возвышаясь над всеми, как строгая нянька.

– А когда мы сможем увидеть Таппи? – спросил Энтони.

– Например, перед ужином. Когда вы оденетесь и будете готовы к приходу гостей. Ей будет очень приятно посмотреть, какие вы нарядные.

– Хорошо. Тогда скажите ей, что мы придем примерно в семь часов при полном параде.

– Хорошо, – сказала миссис Маклеод. – А теперь прошу меня извинить. Мне пора к моей пациентке. Спасибо за обед, миссис Уотти. Все было очень вкусно.

– Я рада, что вам понравилось, – просияла миссис Уотти.

Когда сиделка ушла, Энтони облокотился о стол и сказал:

– Как я понял, здесь собираются устроить какой-то грандиозный прием. Кто приглашен?

– Анна и Брайан. И еще мистер и миссис Кроутер...

– Еще не легче, – пробормотал Энтони.

Изабель бросила на него холодный взгляд и невозмутимо продолжила:

– И еще Хью Кайл, конечно, если у него не будет срочных вызовов.

– Это уже веселее. Хоть будет с кем поговорить.

– Не пытайся выглядеть слишком умным, – предупредила его Изабель.

– Ему не застать врасплох мистера Кроутера, – заметила миссис Уотти. – Мистер Кроутер очень остроумен.

– А кто такой мистер Кроутер? – спросила Флора.

– Местный священник, – произнес Энтони с нарочитым шотландским акцентом.

– А миссис Кроутер преподает в воскресной школе, – вставил Джейсон. – И у нее очень большие зубы.

– Джейсон! – одернула его Изабель.

– Это чтобы съест тебя, – пошутил Энтони. – Ты тоже приглашен на этот ужин, Джейсон?

– Нет. Я отказался. Лучше поужинаю на кухне с миссис Уотти. А тетя Изабель даст мне бутылку кока-колы.

– Если разговор за ужином будет слишком скучным, я, пожалуй, присоединюсь к тебе.

– Энтони! – опять воскликнула Изабель.

Флора видела, что Изабель отлично понимает: Энтони ее поддразнивает. Наверное, он всю жизнь поддразнивает ее, и, быть может, именно поэтому она так скучает без него и ждет его приезда.

Изготовление лука и стрел заняло немного времени. Надо было отыскать хороший перочинный нож и кусок бечевки нужного размера, а потом срезать подходящую ветку. По-видимому, Энтони не в первый раз занимался изготовлением такого предмета, как лук. Он довольно ловко работал ножом, чертыхаясь время от времени, и наконец лук и стрелы были готовы. На стволе дерева нарисовали мелом цель, и Джейсон, старательно прищурившись, начал пускать стрелы. Только одна из них слегка задела цель.

– Их надо оперить, – сказал Энтони.

– А как?

– Я покажу тебе завтра. На сегодня хватит.

– Покажи сейчас!

– Нет. Сейчас мы пойдем гулять. И возьмем с собой Пламмера. Хочешь пойти с нами?

– Да.

– Тогда убери лук и стрелы.

Джейсон взял свое новое приобретение и понес, чтобы положить в уголок за дверью, где хранились остатки набора для игры в крокет и несколько старых шезлонгов. Энтони подошел к Флоре и Пламмеру, которые сидели на траве и терпеливо дожидались окончания тренировки в стрельбе из лука.

– Извини, – сказал он. – Это заняло довольно много времени.

– Все в порядке. Я не ожидала, что день будет таким теплым, почти как летом.

– Здесь погода часто меняется. Сегодня почти летний день, а завтра может быть ливень. –

Увидев бегущего к ним Джейсона, Энтони протянул Флоре руку, помогая подняться на ноги. – Идем.

Они прошли по дорожке, вышли за ворота и стали подниматься по склону горы, которая возвышалась позади дома. Пересекли скошенное поле и пастбище со стадом коров. Потом вскарабкались на невысокую каменную стену и спрыгнули вниз в заросли вереска. Пламмер, рыская вокруг с опущенным носом и задранным хвостом, вспугнул стайку куропаток, которые с тревожными криками вспорхнули прямо у них из-под ног.

Подъем становился все круче. Впереди показалась брошенная покосившаяся хижина. Рядом с зияющим чернотой дверным проемом росла рябина, усыпанная алыми гроздьями ягод, а чуть поодаль, словно на страже, стояла одинокая сосна, искривившаяся в борьбе с постоянными ветрами.

Перед хижинкой протекал ручей с коричневатой от примеси торфа водой. Он спускался с холма вереницей миниатюрных водопадов и небольших заводей, где под нависающими кустиками вереска собиралась темная пена. Повсюду рос изумрудно-зеленый тростник. Почва была болотистой. Они перешли через ручей по шатающимся камням и подошли к полуразрушенным стенам хижины.

Отсюда, с гребня горы, открывался неожиданно захватывающий вид во все стороны. К югу, за лесистыми холмами, лежал залив Арисейг, к северу – узкое озеро, голубые воды которого были скованы массивными склонами гор. А к западу...

Они сидели, прислонившись к каменной ограде, и не могли отвести глаз: ярко-синее море сверкало солнечными зайчиками. Небо было безоблачным, а воздух чистым и прозрачным. Острова выглядели как миражи.

– Как было бы здорово жить здесь и каждый день любоваться такой красотой.

– Да, но только большую часть времени всего этого не видно. Либо идет дождь, и ты не можешь ничего разглядеть дальше кончика носа, либо дует жуткий ветер.

– Экий ты пессимист!

– «Пустынный дом, пустынный луг и лужа во дворе», – процитировал Энтони. – Роберт Льюис Стивенсон. Таппи читала его мне и Торквилу, когда мы были маленькими. – Он вытянул руку, указывая на острова. – Маленький остров называется Мак. А вон тот – Эгг. Гористый остров – Рам, а справа от тебя пролив Слейт.

Вершины дальних горных пиков сверкали серебром на фоне неба.

– Похоже на снег, – сказала Флора.

– Это и есть снег. Наверное, зима будет суровой.

– А вон то горное озеро, как оно называется?

– Лох-Фада. И тот морской залив, что возле дома на пляже, тоже называется Лох-Фада. Пресноводное озеро соединяется с морем как раз там, где по мосту проходит дорога. Там построены дамба и рыбоподъемник для лосося...

Он замолчал. Рассказывая, он совсем забыл о Джейсоне, который стоял рядом и удивленно слушал.

– Зачем ты рассказываешь все это Розе, как будто она никогда не была здесь? Как будто она ничего здесь не знает?

– Ну, видишь ли... – замялся Энтони.

– Это было так давно, – быстро нашлась Флора. – Мне тогда было всего семнадцать лет, и я не спрашивала, как что называется. А теперь мне интересно.

– Наверное, потому, что ты приедешь сюда жить.

– Но я не буду жить здесь.

– А когда выйдешь замуж за Энтони?

– Энтони живет в Эдинбурге.

– Но ведь ты будешь приезжать сюда, к Таппи?

– Да, – пришлось согласиться Флоре. – Да, наверное.

Воцарившееся после этого напряженное молчание было, к счастью, нарушено Пламмером, которому вздумалось погонять кролика. Он бросился за добычей, размахивая ушами, Джейсон пустился вдогонку.

– Пламмер! Пламмер, непослушный пес. Назад! – Джейсон бежал, смешно перебирая ногами. Ветер относил в сторону его пронзительный голосок. – Назад, Пламмер!

– Может, ему помочь? – спросила Флора.

– Нет, он сам справится. Мы чуть было все не испортили. Джейсон смысленный мальчишка. Я и не заметил, что он нас слушает.

– Я тоже.

– Ты готова к сегодняшнему вечеру? Сможешь поддержать разговор?

– Если ты будешь рядом, то да.

– Знаешь, я просто дразнил Изабель за обедом. Все приглашенные – очень милые люди.

– Не сомневаюсь.

Энтони с некоторым смущением признался:

– Знаешь, я никак не могу привыкнуть к тому, что ты выглядишь совершенно как Роза, но при этом ты – не она.

– А ты хотел бы, чтобы я была такой же, как она?

– Нет. Просто вы с ней чем-то отличается.

– То есть ты не влюблен в меня так, как был влюблен в Розу.

– Верно, но не понимаю почему.

– Потому что я – Флора.

– Ты лучше. Роза никогда не нашла бы времени для Джейсона. Она не стала бы разговаривать с людьми вроде миссис Уотти или сестры Маклеод.

– Зато она знала, что сказать *тебе*, и, может быть, это более важно.

– Она сказала мне «прощай», – с горечью заметил Энтони, – и уехала на остров Спецес с каким-то чертовым греком. – Он грустно усмехнулся. – Знаешь, я действительно хочу жениться. Мне уже тридцать лет. Я не собираюсь всю жизнь оставаться холостяком. Но мне почему-то никак не удается встретить подходящую девушку.

– В Эдинбурге полно симпатичных молодых девушек.

Энтони рассмеялся:

– Откуда у тебя такое мнение об Эдинбурге?

– Вообще-то, все мои впечатления об этом городе ограничиваются ужином с Энтони Армстронгом. – Она посмотрела на часы. – Нам пора возвращаться. Если Изабель собирается надеть фамильные бриллианты, то мне надо как минимум вымыть голову.

– Да, конечно. А мы с Джейсоном обещали помочь Уотти с курами. – Он коротко рассмеялся. – Прелести семейной жизни.

Потом наклонился и крепко поцеловал Флору в губы. Отстранившись, она спросила:

– Это поцелуй для Розы или для Флоры?

– Для тебя.

Солнце садилось в море среди всплесков жидкого золота и багрянца. Флора вымыла голову и теперь пыталась высушить волосы с помощью древнего фена, позаимствованного у Изабель. Раздвинув оконные шторы, она смотрела на закат с недоверчивым восхищением. Цвета постепенно менялись, и острова из розовых превратились в сумеречно-синие. Море казалось зеркальным отражением неба; с исчезновением последних лучей солнца оно потемнело, окрасившись в цвет индиго, и на нем зажглись звездочки огней рыбацких судов, вышедших из Тарбола на ночной лов.

Тем временем дом оживился, повсюду раздавались приятные звуки – шла подготовка к вечернему празднику. Обитатели дома сновали туда-сюда по лестницам и коридорам, окликали друг друга, разжигали камин. Из кухни доносился аппетитный запах.

У Флоры не было проблем с выбором, что надеть, поскольку из того, что она взяла с собой, только один наряд подходил для такого торжественного случая: длинная юбка из шерсти бирюзового цвета, шелковая блузка и широкий белый ремень. Вообще-то, учитывая, как мало времени оставалось у нее на сборы в Лондоне, удивительно, что она захватила хотя бы это. Одевшись, она подкрасила глаза, надела сережки и надушилась духами, которые Марсия подарила ей на день рождения. Их запах мгновенно вызвал образы Марсии, отца и дома в Корнуолле, образы такие живые и яркие, что Флора вдруг растерялась.

Что она делает здесь? Нереальность происходящего приводила ее в ужас. Девушка села перед зеркалом, посмотрела на свое отражение и поняла, что предстоящий вечер будет кошмаром, сплетенным из лжи. Она не выдержит напряжения, выдаст себя, подведет Энтони. И все узнают, что она обманщица.

Разум требовал выйти из игры. Прямо сейчас. Пока никто не узнал. Пока никто не пострадал от лжи. Но как она сможет уехать отсюда? Куда? И потом, она ведь дала своего рода обещание. Она подведет Энтони, который затеял эту авантюру из благих намерений, ради Таппи.

Флора попыталась взять себя в руки. В конце концов, ничего страшного не случится. Ничего смертельного. Правда, не исключено, что до конца жизни ее и Энтони будут терзать угрызения совести. Но другие не пострадают.

А если пострадают? Флора вспомнила о мужчине, с которым встретилась на берегу, о его туманном «предостережении». Что он имел в виду? Флора надеялась, что этот мужчина не

имеет отношения к Армстронгам. Но в конце концов, все это делается ради Таппи. Возможно, цель оправдывает средства. Главное – поднять настроение пожилой больной леди, которая сейчас наверняка ждет, чтобы Флора зашла к ней поговорить и пожелать спокойной ночи.

Флора? Нет, не Флора. Роза.

Она сделала глубокий вдох, отвернулась от зеркала, задернула шторы, выключила свет, вышла из комнаты и пошла по коридору к дверям спальни Таппи. В ответ на стук раздался голос:

– Входите.

Флора ожидала увидеть здесь Энтони, но Таппи была одна. В комнате горела только единственная лампа, у изголовья кровати. Она отбрасывала круг теплого света на постель, где, окруженная подушками, сидела Таппи в батистовой ночной сорочке с кружевами у ворота и голубой кофте из шотландской шерсти с атласными лентами.

– Роза! Я жду тебя. Подойди ближе, дай посмотреть на тебя.

Флора послушно шагнула в круг света.

– Это самое нарядное из того, что я взяла с собой, – пояснила она, наклоняясь к Таппи с поцелуем.

– Мне очень нравится. Ты такая юная и хорошенькая. И этот широкий ремень очень тебя стройнит. Какая тонкая талия!

– Вы замечательно выглядите, – сказала Флора, присаживаясь на край кровати.

– Сестра Маклеод одела меня.

– Мне нравится ваша кофточка.

– Подарок Изабель на прошлое Рождество. Сегодня я в первый раз ее надела.

– А Энтони уже заходил к вам?

– Да, с полчаса назад.

– Вам удалось поспать после обеда?

– Немного. А ты чем занималась?

Флора начала рассказывать. Таппи откинулась на подушки. Свет упал на ее лицо, и Флора вдруг испугалась, увидев, какой болезненной и изможденной выглядит старушка. Глаза были окружены темными кругами, а руки, узловатые, как корни старого дерева, беспрерывно теркали край простыни.

Однако, несмотря на болезнь, ее лицо было удивительным. Вряд ли в молодости она слыла красавицей, но старость придала ее чертам потрясающее благородство. Обветрившаяся от постоянного пребывания на улице кожа напоминала подсохший лист. Короткие седые волосы трогательно вились на висках. Старые, как и она сама, серыги оттянули мочки ушей, форма губ и улыбка – точь-в-точь как у Энтони – теплая и обезоруживающая. Но главное – глаза Таппи: глубоко посаженные, живые, голубые, как цветы барвинка.

– ...А затем мы вернулись домой, и мальчики пошли кормить кур и собирать яйца, а я в это время вымыла голову.

– У тебя очень красивые волосы. Они блестят, как полированное дерево. Ко мне только что заходил Хью, я рассказала ему о тебе. Он сейчас внизу, разговаривает с Энтони. Просто замечательно, что он смог приехать. Бедняга так загружен работой! Впрочем, он сам виноват. Я давно говорю, что ему нужен помощник. Пациентов стало слишком много для одного врача. Но этот упрямец твердит, что справится сам. По-моему, он специально перегружает себя работой, чтобы оставалось меньше времени для грустных мыслей.

Флора вспомнила, что говорил Энтони о Хью Кайле: «Он живет здесь почти всю свою жизнь. Но я не думаю, что он счастлив».

– Он женат? – вырвалось у нее.

Таппи бросила на нее острый взгляд.

– Разве ты не помнишь, Роза? Хью – вдовец. Он был женат, но его жена погибла в автокатастрофе.

– О да. Да, конечно.

– Ужасная история. Хью вырос на наших глазах. Он всегда был таким умным мальчиком. Его отец, тоже врач, много лет практиковал в Тарболе, а Хью работал хирургом в Лондоне, но после трагедии с женой бросил все и приехал в Тарбол, чтобы заменить отца. Ему не было еще и тридцати. Он словно поставил на себе крест.

– Быть может, ему надо жениться снова.

– Конечно надо, но он не хочет. У него есть эконожка, Джесси Маккензи, но она совершенно никудышная, а он закрывает на это глаза. – Таппи вздохнула. – Что тут поделать? Мы не можем управлять жизнью других людей. – Она улыбнулась, и ее глаза ярко вспыхнули. – Даже я не могу повлиять на Хью, как ни пытаюсь. Понимаешь, я всегда любила командовать и вмешиваться в чужие дела. Но моя семья и друзья привыкли к такой манере и относятся к этому снисходительно.

– Думаю, они вам просто завидуют.

– Пожалуй. – Таппи задумалась. – Знаешь, Роза, мне сегодня пришла в голову замечательная идея... – Ее голос слегка дрогнул. Она взяла Флору за руку, словно хотела зарядиться ее энергией. – Тебе обязательно ехать вместе с Энтони? Я хочу сказать, что Энтони возвращается в Эдинбург из-за своей работы, но ты... У тебя есть работа в Лондоне?

– Нет, в данный момент нет, но...

– Тебе обязательно надо вернуться?

– Да, вообще-то, надо. То есть... – Теперь дрогнул голос у Флоры. Она с ужасом пыталась найти подходящие слова.

– Так вот, если тебе не надо срочно возвращаться, – продолжила Таппи, на этот раз более настойчиво, – ты могла бы задержаться здесь. Мы все так тебя любим, а два дня – это очень мало. И потом, нужно очень многое обсудить. Насчет свадьбы...

– Но мы еще не решили, когда будет свадьба!

– Ну и что? Список гостей надо составить заранее. Кроме того, здесь есть вещи, принадлежащие Энтони, которые понадобятся ему, когда он обзаведется собственным хозяйством. Столовое серебро и картины его отца. И мебель, например письменный стол его деда. Обо всем надо подумать.

– Но, Таппи, вам не надо беспокоиться о нас с Энтони. Мы приехали не для того, чтобы волновать вас. Вам надо поправиться, окрепнуть после болезни.

– Но я могу и не поправиться. Все может случиться. И не делай такое лицо, правде надо смотреть в глаза. И если я не выздоровею, то лучше продумать все детали сейчас, чтобы потом было проще.

Наступила долгая пауза. Наконец Флора, ненавидя себя, сказала:

– Вряд ли я смогу остаться. Пожалуйста, простите меня. Я должна уехать с Энтони завтра.

Лицо Таппи затуманилось разочарованием, но только на мгновение.

– В таком случае, – сказала она, с улыбкой сжимая руку Флоры, – в ближайшее время тебе придется приехать в Фернриг еще раз, тогда мы обо всем и поговорим.

– Я постараюсь... Извините, мне действительно очень жаль.

– Дитя мое, не переживай так. Это не конец света. Просто глупая идея, которая пришла мне в голову. А теперь тебе, пожалуй, пора спуститься вниз. Гости сейчас придут, тебе надо их встретить.

– Я зайду к вам завтра.

– Конечно. Спокойной ночи, дорогая.

Флора наклонилась, чтобы поцеловать ее. В этот момент дверь открылась, и вошел Джейсон – в пижаме, с книгой под мышкой.

– Ты хорошо выглядишь, Роза. Здравствуй, Таппи. Как отдохнула после обеда?

– Замечательно.

– Я принес «Остров Сокровищ» вместо «Братца Кролика», потому что Энтони сказал, что я уже достаточно храбрый для этой книги.

– Ладно. Если там будет что-нибудь совсем страшное, мы всегда можем отложить ее и взять другую, – успокоила его Таппи.

– Ты уже поужинал? – спросила Флора.

– Да. И еще напился кока-колы. – Чтобы Таппи поскорее начала читать, он поспешил выпроводить Флору из комнаты: – Там уже есть один гость, Хью. Он ждет внизу.

– Тогда я пойду поздороваюсь, – сказала Флора.

Она вышла из комнаты, закрыла за собой дверь и остановилась, прижав ладони к щекам, пытаясь взять себя в руки. Она чувствовала себя так, как будто должна пройти через суровое испытание, и ненавидела себя за это чувство. Разочарование в глазах Таппи будет преследовать ее всю жизнь. Но что еще она могла сказать? Что еще она могла сделать, кроме как ответить отказом на предложение остаться?

Почему жизнь не может быть простой? Почему все так осложняется эмоциями и человеческими взаимоотношениями? То, что было задумано как невинная ложь с благой целью, начало перерастать в нечто безобразное. Разве могла Флора знать, во что это все выльется? Она и не предполагала, что Таппи окажется такой чудесной.

Флора сделала глубокий вдох и спустилась вниз; ковер заглушал шаги ее мягких туфель. Холл был убран к приходу гостей. На столике стоял букет из хризантем и березовых листьев. Шторы на окнах были задернуты, в камине горел огонь. Из приоткрытой двери гостиной раздавались голоса.

– Хью, ты считаешь, что Таппи идет на поправку? – спросил Энтони.

– Безусловно. Я говорил об этом еще несколько дней назад.

Голос был глубоким, а его интонации пугающе знакомыми.

Флора остановилась как вкопанная, но не для того, чтобы подслушивать, а потому, что была не в состоянии сделать следующий шаг.

– Но Изабель думала...

– О чем?

В разговор вступила Изабель, ее голос звучал нервно и слегка растерянно:

– Я думала... Я думала, что ты пытаешься скрыть от меня правду... Успокоить меня...

– Изабель! – В голосе Хью звучал упрек. – Ты знаешь меня всю жизнь. Я никогда ничего не скрывал от тебя. Ты должна это понимать. Особенно если дело касается Таппи.

– Но у тебя было такое лицо...

– К сожалению, я ничего не могу поделать со своим лицом. – Он попытался смягчить тон: – Наверное, я с ним родился.

– Нет, я хорошо помню, – не отступала Изабель. – Я вышла из гостиной, а ты стоял на лестнице. Просто стоял. И выражение твоего лица испугало меня. Я решила, что это из-за Таппи...

– Это не имело отношения к Таппи. Меня беспокоила другая проблема. И я сказал тебе, что Таппи поправляется, что она крепка, как старый здоровый корень, и, возможно, переживет всех нас.

Наступила пауза, потом Изабель признала:

– Да, ты сказал мне это, но я тебе не поверила...

И ее голос дрогнул, как будто она готова расплакаться.

Флора вошла в приоткрытую дверь.

В этот вечер ярко освещенная гостиная в Фернриге напоминала декорацию к какой-нибудь викторианской пьесе. Иллюзия усиливалась театральным расположением трех действу-

ющих лиц. При появлении Флоры они замолчали и повернулись к ней. Энтони наполнял бокал у столика с напитками; Изабель в длинном шерстяном платье цвета вереска замерла у камина. Но взгляд Флоры приковал третий персонаж. Доктор. Хью Кайл. Он стоял лицом к Изабель по другую сторону камина, такой рослый, что его голова и плечи отражались в венецианском зеркале, висящем над высокой каминной полкой.

– Роза! – воскликнула Изабель. – Иди к нам, поближе к огню. Ты ведь помнишь Хью?

– Да, – сказала Флора. Едва услышав голос, она поняла, что это он. Тот человек, который подошел к ней утром на пляже. – Да, я помню.

7. Таппи

– Разумеется, – сказал он. – Разумеется, мы помним друг друга. Как дела, Роза?

Она нахмурилась:

– Я нечаянно подслушала ваш разговор. Вы говорили о Таппи.

Энтони, не спрашивая, что налить, протянул ей бокал.

– Похоже, произошло некоторое недоразумение, – сказал он.

Флора взяла бокал, он был очень холодным.

– Таппи выздоравливает?

– Да. Хью убежден в этом.

Флора была готова разрыдаться.

– Это я во всем виновата, – торопливо объяснила Изабель. – Моя глупая ошибка. Но я была так расстроена. Я решила, что Хью намекает, что Таппи... – Она не смогла произнести слово «умирает». – Что ей становится хуже. И я сказала об этом Энтони.

– Но это не так?

– Нет.

Флора посмотрела на Энтони. Два заговорщика, подумала она. Попали в свою собственную ловушку. Им вообще не надо было приезжать в Фернриг. Не надо было затевать эту безумную авантюру. Весь тщательно разработанный план оказался ненужным.

По лицу Энтони было ясно, что он понимает, о чем думает Флора. Извиняющееся выражение смешалось с явным облегчением. Все-таки он очень любит свою бабушку. Флора взяла его за руку и ободряюще сжала.

– Она поправляется, – произнес Энтони с глубочайшим удовлетворением. – Но дело в том, что, если бы мы с Розой не думали, что ситуация критическая, мы, вероятно, не приехали бы на эти выходные.

– В таком случае, – сказала Изабель, оправившись от смущения, – я рада, что неправильно поняла Хью. Мне жаль, что я перепугала вас, но, по крайней мере, вы оба здесь.

– Да, я не мог бы прописать более эффективного лекарства, – сказал Хью. – Ваш приезд подействовал на Таппи очень благотворно. – Он повернулся спиной к огню и прислонился широкими плечами к каминной полке. – Ну и как возвращение в Шотландию, Роза?

Его тон был любезным, но голубые глаза оставались холодными.

– Мне здесь нравится, – осторожно ответила Флора.

– А почему ты не приехала летом?

– Она все лето провела в Штатах, – пришел на выручку Энтони.

Хью слегка вскинул брови:

– Правда? И где же?

Флора попыталась вспомнить, где была Роза.

– Э-э... В Нью-Йорке. В Большом каньоне. И в других местах.

Хью понимающе кивнул:

– А как твоя матушка?

– Спасибо, хорошо.

– Она тоже собирается приехать в Фернриг?

– Нет, я... Я думаю, она пока останется в Нью-Йорке.

– Но ведь она, несомненно, придет на свадьбу. Или вы собираетесь пожениться в Нью-Йорке?

– Ну нет, это исключено, – заявила Изабель. – Разве мы сможем все поехать в Нью-Йорк?

– Ничего еще не решено, – поспешно сказал Энтони. – Не назначена даже дата, не говоря уже о месте.

– В таком случае мы, видимо, торопим события, – заметил Хью.

– Да, именно так.

Наступила небольшая пауза, все сделали по глотку. Флора пыталась придумать какую-нибудь нейтральную тему для разговора, но в это время послышались звуки подъезжающих машин, захлопали дверцы, и Изабель сказала:

– А вот и остальные.

– Похоже, все приехали сразу.

Энтони поставил свой бокал и пошел встречать гостей. Через секунду Изабель, извинившись, тоже поставила бокал и, к ужасу Флоры, вышла, видимо, для того, чтобы провести дам наверх, где они могли бы раздеться и поправить прически.

Флора и Хью Кайл остались вдвоем. Казалось, даже воздух потрескивает от напряжения. Флора хотела начать атаку первой, сказав что-нибудь вроде: «Сегодня вы гораздо более любезны, чем утром», но потом решила, что сейчас не время и не место выяснять отношения. Кроме того, было невозможно защищаться, не зная, в чем тебя обвиняют.

Предположения на этот счет выглядели обескураживающими. Флора уже поняла, что Роза не отличалась большой щепетильностью в отношениях с людьми. Она ведь без малейших угрызений совести бросила Энтони и сбежала в Грецию с новым поклонником, умышленно оставив сестру собирать осколки разбитой помолвки.

Наверняка и в семнадцать лет Роза отличалась таким же легкомыслием. Возможно, в Фернриге ей было скучно до зевоты и ради развлечения она начала флиртовать с первым встречным.

Но Хью Кайл не был похож на человека, склонного к развлечениям такого рода. Флора украдкой взглянула на него. Он все так же стоял спиной к камину, держа в руке стакан виски, и смотрел на нее пристальным, немигающим взглядом пронизательных голубых глаз. На нем был темный костюм, шелковая рубашка и галстук с эмблемой какого-то клуба. Выражение его лица лишало Флору последних остатков храбрости. Она была смущена и не знала, что сказать.

По-видимому, Хью Кайл почувствовал ее замешательство и, как ни странно, пришел на помощь, первым нарушив молчание:

– Таппи сказала, что вы с Энтони завтра уезжаете.

– Да.

– Вам повезло – сегодня был чудесный день.

– Да, замечательный.

– И как вы его провели?

– Мы ходили гулять.

По счастью, в этот момент в гостиную вошел Энтони в сопровождении двоих мужчин.

– Все прибыли одновременно, – сказал он. – Роза, думаю, ты не знакома с мистером Кроутером. Он приехал в Тарбол позднее.

Мистер Кроутер, как и подобает священнику, был одет в черное, но его румяное лицо, густые седые волосы и крепкая фигура делали его похожим скорее на удачливого букмекера, чем на служителя церкви. Он взял руку Флоры в свою массивную ладонь и начал энергично трясти ее.

– Приятно с вами познакомиться. Я давно хотел посмотреть на невесту Энтони. Здравствуйте, здравствуйте.

Голосом он тоже напоминал букмекера: от густых раскатов хрустальные подвески люстры задрожали, со звоном стукаясь друг о друга. Флора представила, как он громогласно читает проповеди со своей кафедры. Прихожане наверняка его обожают.

– Здравствуйте.

– Миссис Армстронг так ждала вашего приезда, и мы все тоже. – Он увидел Хью Кайла и наконец выпустил руку Флоры. – Вы уже здесь, доктор! Как жизнь?

– Роза! – окликнул ее Энтони.

Флора уже заметила краем глаза второго гостя, который ждал своей очереди проявить любезность. Она повернулась к нему.

– Ты ведь помнишь Брайана Стоддарта, Роза? – сказал Энтони.

Она увидела смуглое лицо, темные брови, улыбчивый рот. Волосы были темными, а глаза светлыми, чистого серого цвета. Не такой высокий, как Энтони, и чуть старше, он излучал энергию, которая делала его чрезвычайно привлекательным. В отличие от других присутствующих мужчин он был одет менее официально: черные брюки, синий бархатный пиджак, а вместо рубашки и галстука – белая водолазка.

– Роза, сто лет тебя не видел.

Он раскрыл объятия, и Флора не раздумывая шагнула ему навстречу. Он поцеловал ее в щеку, она ответила тем же. По-видимому, Брайан был достаточно близко знаком с Розой.

– Дай-ка посмотреть, какая ты стала.

– Все говорят, что она похорошела, – заметил Энтони.

– Она не могла стать более красивой, чем была, но выглядит довольной и счастливой. Тебе повезло, Энтони.

– Да, – не слишком уверенно ответил Энтони. – Ладно, лучше скажи, что тебе налить. – И он увлек Брайана к столику с напитками.

В гостиную вошла Изабель, ведя с собой двух дам, и сцена повторилась, только на этот раз представлением гостей занималась Изабель. Одну из дам звали миссис Кроутер, она Розу не видела. У нее были большие зубы, как и предупреждал Джейсон, но приятное лицо, и одета она была как для шотландской вечеринки с танцами: в клетчатое платье с брошью из дымчатого топаза. Миссис Кроутер оказалась такой же жизнерадостной, как и ее супруг.

– Как замечательно, что вы смогли приехать и снова увидеться с миссис Армстронг. Жалко, что сегодня она не с нами. – Она улыбнулась поверх головы Флоры. – Добрый вечер, доктор Кайл. Добрый вечер, мистер Стоддарт.

– Роза, а вот и Анна, – мягким голосом сказала Изабель. – Анна Стоддарт из Ардмора.

Женщина улыбнулась. Даже из вежливости ее трудно было назвать привлекательной. К тому же она была болезненно застенчива. Было трудно угадать ее возраст и еще труднее понять, как ей удалось подцепить такого обаятельного мужа. Флора обратила внимание на дорогое, но довольно унылое вечернее платье и изумительные украшения. Бриллианты сверкали в ушах и на пальцах Анны, подрагивали у выреза платья.

Анна протянула руку и тут же смущенно отдернула ее обратно, словно испугавшись. Флора едва успела крепко пожать ее.

– Мы ведь знакомы, – сказала Флора, пытаясь найти верный тон. – Я припоминаю...

У Анны вырвался короткий смешок.

– Я тоже помню вас, – сказала она. – Я хорошо вас помню.

– Вы из...

– Из Ардмора. Это в другую сторону от Тарбола.

– Очень красивое место, – сказала Изабель. – Прямо на конце мыса Ардмор.

– Вам там не одиноко? – спросила Флора.

– Да, немного, но я прожила в Ардморе всю жизнь, так что привыкла. – Возникла пауза, а затем, подбодренная интересом Флоры, Анна начала рассказывать дальше, захлебываясь словами: – В ясный день можно увидеть Ардмор из Фернрига. Это на другой стороне залива.

– Сегодня был очень ясный день, но я не догадалась посмотреть.

– А вы видели закат?

– Он был изумительным.

Совершенно довольные друг другом, уже почти сдружившись, они могли бы говорить и говорить, но вмешался Брайан:

– Анна, Энтони спрашивает, что ты будешь пить.

Она смутилась:

– Я... я ничего не хочу.

– Ну перестань, – сказал ее муж. – Надо что-нибудь выпить.

– Тогда апельсиновый сок...

Брайан отправился за соком.

– Может быть, немного шерри? – спросила Флора.

– Нет-нет, – замотала головой Анна. – Лучше сок.

В этот момент раздался зычный голос мистера Кроутера, который надвигался на них, как корабль под всеми парусами:

– Ну нет, мы не можем допустить, чтобы хорошенькие девушки скучали в одиночестве.

Вечер продолжался. От постоянной улыбки у Флоры заныла челюсть. Она старалась держаться поближе к Энтони (пусть все видят, что у них все хорошо) и подальше от Хью Кайла. Анна Стоддарт отыскала кресло и села, миссис Кроутер придвинула табурет и устроилась рядом с ней. Брайан Стоддарт и Энтони обсуждали общих знакомых в Эдинбурге, а мистер Кроутер и Хью Кайл, устроившись поближе к камину, были увлечены беседой, предметом которой, судя по их жестам, была рыбалка. Изабель, убедившись, что гости не скучают, ускользнула на кухню, чтобы помочь миссис Уотти.

Вскоре прозвучал гонг, и все присутствующие, осушив бокалы, двинулись через холл в столовую.

Даже в своем нынешнем нервном состоянии Флора не могла не заметить торжественности окружающей обстановки: темные стены, старинные портреты, ярко пылающий огонь. Белая скатерть, блеск серебра, букет свежесрезанных роз в центре стола и бледно-розовые свечи в серебряных канделябрах.

Не обошлось без заминки. Изабель потеряла бумажку, где было написано, кто где должен сидеть за столом. Но в конце концов расселись, как и было задумано: Хью – на одном конце стола, мистер Кроутер – на другом, а Брайан и Энтони посредине, друг против друга. Дамы расположились ближе к углам, так что Флора оказалась между Хью и Брайаном, лицом к лицу с миссис Кроутер.

Когда наконец все развернули огромные льняные салфетки и положили их на колени, Изабель предложила:

– Мистер Кроутер, может быть, вы прочтете молитву?

Священник с трудом встал. Все склонили головы. Голосом, достойным большого собора, он поблагодарил Всевышнего за пищу, посланную Им, и попросил благословить гостей и хозяев дома, и более всего миссис Армстронг, которая не может быть с ними, но занимает особое место в их сердцах. «Аминь».

Флора мучительно боялась, что ей придется вести беседу с Хью Кайлом, и чрезвычайно обрадовалась, когда миссис Кроутер решительно взяла его на себя. После двух бокалов шерри она покраснела и говорила громко:

– Позавчера я навещала старого мистера Синклера, доктор, и он просит, чтобы вы зашли к нему. Он чувствует себя неважно...

Брайан Стоддарт, сидящий с другой стороны от Флоры, сказал ей:

– Тебе придется беседовать со мной.

Она с улыбкой повернулась к нему:

– С удовольствием.

– Не могу передать, как я рад снова видеть тебя. Это как глоток свежего воздуха. Жизнь в глуши, на краю света, плоха тем, что мы стареем и скучнеем, даже не осознавая этого и не понимая, что можно сделать. Ты приехала как раз вовремя, чтобы встряхнуть и расшевелить нас.

– Трудно поверить, что вы чувствуете себя старым или скучным, – сказала Флора, отчасти потому, что ее собеседник ожидал именно такого ответа, а отчасти потому, что его глаза заодно блестели и ей было трудно устоять перед искушением немного пофлиртовать.

– Я надеюсь, это комплимент.

– Это не комплимент, это факт. Вас никак нельзя назвать ни старым, ни скучным.

– А это уже точно комплимент!

Флора начала есть суп.

– Вы объяснили, чем плоха здешняя жизнь. А теперь расскажите, чем она хороша.

– Это гораздо труднее.

– Неужели? Наверняка здесь есть тысячи преимуществ.

– Ну хорошо. Комфортабельный дом, хорошая охота, хорошая рыбалка. Двухмачтовая яхта у причала в Ардморе и возможность ходить под парусами почти все лето. Вот, пожалуй, и все.

Флора отметила, что он не включил в свой список жену.

– А как насчет обязанностей?

– Ты считаешь, что у меня должны быть обязанности?

– А разве их нет?

– Конечно есть.

– Например?

Похоже, Брайана забавляла ее настойчивость.

– Хозяйственные дела отнимают гораздо больше времени, чем ты можешь представить. И, кроме того, я вхожу в местный совет. Приходится участвовать в разных заседаниях, обсуждать, надо ли расширять дорогу для грузовиков, которые перевозят рыбу, и требуются ли начальной школе в Тарболе дополнительные туалеты. Ну, ты понимаешь... Всякая ерунда.

– А чем еще вы занимаетесь?

– Да что с тобой, Роза? Ты разговариваешь так, будто хочешь нанять меня на работу.

Флора видела, что Брайан находит удовольствие в этом разговоре.

– Если это все, чем вы занимаетесь, то вам и в самом деле грозит опасность стать скучным, – заметила она.

Брайан громко рассмеялся:

– Ну хорошо, руководство яхт-клубом сойдет за работу?

– Каким яхт-клубом?

– О, только не делай вид, что ты все забыла. Ардморский яхт-клуб, – произнес он громко и четко, как если бы Флора была глухой. – Ты была там со мной один раз.

– Да?

– Роза, я слишком хорошо тебя знаю, чтобы поверить, что ты забыла. Или эти пять лет тянулись дольше, чем я предполагал?

– Наверное.

– Ты должна возобновить знакомство с яхт-клубом. Правда, сейчас он закрылся на зиму. Но я приглашаю тебя в Ардмор-хаус. Сколько времени ты здесь пробудешь?

– Мы уезжаем завтра.

– Завтра? Но это все равно что приехать на пять минут!

– Энтони надо на работу.

– А тебе? Тебе тоже надо на работу?

– Нет. Но я должна вернуться в Лондон.

– А почему бы тебе не задержаться на неделю? Судьба дает нам еще один шанс, глупо им не воспользоваться.

Флоре не понравились интонации Брайана, и она бросила на него быстрый взгляд. Но его светлые глаза смотрели совершенно невинно.

– Я не могу остаться.

– Не хочешь?

– Конечно хочу. Я бы с удовольствием приехала в гости к вам с Анной, но...

Брайан взял булочку и начал крошить ее в руках. Его темный профиль резко выделялся на фоне сияния свечей.

– В начале недели Анна уезжает в Глазго за покупками.

Похоже, он вкладывал в эти слова какой-то особый смысл.

– Она всегда ездит за покупками в Глазго?

Это был невинный вопрос, но Брайан отложил в сторону ложку, повернулся к Флоре и улыбнулся. Его глаза блестели, как будто он вспомнил какую-то шутку, понятную только ему и Розе.

– Да, почти всегда, – сказал он.

Изабель встала из-за стола и начала собирать пустые тарелки. Энтони, извинившись, тоже встал и подошел к столу с бутылками, чтобы налить гостям вина. Дверь кухни открылась, и снова вошла миссис Уотти, неся поднос с дымящимися блюдами и стопкой чистых тарелок. Миссис Кроутер воспользовалась паузой и, наклонившись через стол к Флоре, начала рассказывать о рождественской благотворительной ярмарке и спектакле, который готовят ученики воскресной школы.

– А Джейсон тоже будет участвовать? – спросила Флора.

– Да, конечно.

– Надеюсь, не в роли ангелочка, – заметил Хью.

– А почему это Джейсон не может быть ангелочком? – притворно возмутилась миссис Кроутер.

– Мне кажется, у него неподходящие манеры, – сказал Хью.

– Вы не представляете, доктор, как преобразается самый непослушный ребенок, когда на него надевают белую сорочку и нимб из позолоченной бумаги. Вы обязательно должны прийти на спектакль, Роза.

– Что? – удивленно переспросила Флора, захваченная врасплох таким предложением.

– Разве вы не приедете в Фернриг на Рождество?

– Э-э... вообще-то, я об этом пока не думала.

В поисках поддержки она бросила взгляд через стол, но место Энтони было пусто. Она стала искать его взглядом и натолкнулась на внимательное лицо Хью.

– Быть может, вы поедете в Нью-Йорк? – подсказал он.

– Да, возможно.

– Или в Лондон, или в Париж?

«Как хорошо он знает Розу!» – подумала Флора.

– Это будет зависеть от обстоятельств, – сказала она.

Брайан наклонился вперед, вступая в разговор:

– Я уже предлагал Розе не возвращаться завтра в Лондон и остаться здесь на неделю. Но моя идея была отвергнута. Я получил отказ.

– Как же так! – В голосе миссис Кроутер звучало искреннее возмущение. – Мне кажется, Брайан подал замечательную идею. Устройте себе небольшие каникулы, Роза. Отдохните. Мы позаботимся о том, чтобы вам не было скучно. Что вы на это скажете, доктор Кайл?

– Я думаю, что Розе нигде не приходится скучать, – сухо сказал Хью. – Вряд ли ей нужна наша помощь.

– Но подумайте, как это было бы приятно миссис Армстронг...

Но если миссис Кроутер не услышала в словах Хью ничего особенного, то Флора сразу распознала оскорбительный намек. Она почувствовала, что краснеет от смущения и злости. Ее бокал был полон, она взяла его и выпила залпом, словно мучимая нестерпимой жаждой. Опуская пустой бокал на стол, она заметила, что ее рука дрожит.

Подали следующее блюдо, похожее на запеканку с тушеным шпинатом и картофельным пюре. Флора ужаснулась: неужели это все можно съесть? У бокового столика Изабель, которая помогала миссис Уотти обслуживать гостей, поставила несколько тарелок на небольшой поднос и направилась к двери. Миссис Кроутер выследила ее своим орлиным взглядом и окликнула:

– Куда это вы, мисс Армстронг?

Изабель остановилась и улыбнулась:

– Я собираюсь отнести поднос Таппи. Я обещала подняться к ней и рассказать, как проходит ужин.

Хью встал, чтобы открыть для Изабель дверь.

– Передайте привет от нас, – сказала миссис Кроутер, и ее слова были поддержаны общим гулом голосов.

– Конечно, – пообещала Изабель и вышла.

Хью закрыл за ней дверь и снова занял свое место. Энтони, который тоже вернулся за стол, поинтересовался, поставил ли Хью на зимнюю стоянку свою яхту.

– Да, – ответил Хью. – На прошлой неделе я поставил ее к Джорджи Кэмпбеллу. Кстати, я виделся с ним позавчера, и он спрашивал о тебе, Энтони, и о твоей невесте.

– Пожалуй, надо познакомить с ним Розу.

Под влиянием вина Флора преодолела смущение, но оскорбительные слова Хью Кайла все еще мучили ее. Тем не менее она решила вступить в разговор и холодно спросила:

– А какая у вас яхта?

Он ответил, всем тоном давая понять, что она вряд ли разбирается в том, о чем спрашивает:

– Водоизмещением в семь тонн, оснащенная гафелем.

– И вы держите ее в Ардморском яхт-клубе?

– Нет, на стоянке в Тарболе.

– Наверное, она стала совсем старушкой, – вставил Брайан.

Хью послал ему ледяной взгляд:

– Ее построили в тысяча девятьсот двадцать восьмом году.

– Старушка.

– Здесь что, у всех есть яхты? – спросила Флора. – Я имею в виду, все ходят под парусами?

Хью отложил в сторону нож и вилку и с таким видом, как будто объясняет что-то туповатому ребенку, сказал:

– На западном побережье Шотландии едва ли не лучшие в мире условия для парусного спорта. Было бы глупо жить здесь и не пользоваться этим преимуществом. Но надо понимать, что делаешь. Иметь опыт и некоторые знания, чтобы справиться, скажем, со штормом в две-

надцать баллов за мысом Арднамерхан. Это не то же самое, что сидеть в гавани Монте-Карло, в одной руке держа стакан джина с тоником, а в другой – блондинку в бикини.

Миссис Кроутер рассмеялась.

– Вы ходили на яхте этим летом? – холодно спросила Флора.

Хью снова взялся за нож и вилку.

– Почти нет, – угрюмо признался он.

– А почему?

– К сожалению, нет времени.

– Видимо, вы очень заняты?

– Занят! – Миссис Кроутер не могла слушать молча. – Это не то слово. Во всем Тарболе нет человека, который работал бы больше доктора Кайла.

– Таппи считает, что вам следует взять ассистента, – сказала Флора.

На Хью это не произвело никакого впечатления.

– Таппи пытается руководить мной с тех пор, как мне исполнилось шесть лет.

– Извините, – вкрадчиво сказал Брайан, – но мне кажется, ее постигла в этом печальная неудача.

Воцарилось ледяное молчание. Казалось, даже миссис Кроутер потеряла дар речи. Флора посмотрела на Энтони, ища помощи у него, но он разговаривал с Анной. Тогда она положила нож и вилку, очень тихо, как будто шуметь было запрещено, и снова взяла свой бокал вина.

Взгляды Брайана и Хью схлестнулись и застыли. Затем Хью сделал глоток вина, поставил бокал и негромко произнес:

– Все неудачи – это мои неудачи.

– Но, разумеется, Таппи совершенно права, – беззаботно продолжил Брайан. – Возьмите себе ассистента. Молодого, энергичного, честостюбивого выпускника университета. Если все время работать, можно стать скучным.

– Лучше быть скучным, чем никчемным, – бросил ему Хью.

Флора поняла, что надо срочно вмешаться в разговор, пока мужчины снова не сцепились.

– Неужели... неужели вам никто не помогает? – спросила она у Хью.

– У меня есть медсестра, – резко сказал он. – Она делает уколы и перевязки. Очень хорошая помощница.

Флора представила себе сестру в накрахмаленном переднике, крепкую, полногрудую, молодую и по-деревенски хорошенькую. Наверное, она влюблена в доктора. Почему бы нет? Хью Кайл хорошо сложен, пожалуй, даже красив. Быть может, он понравился и Розе. Она начала флиртовать с ним, он воспринял это серьезно, а потом испытал горькое разочарование.

Дверь в столовую открылась, и вошла Изабель, извинившись за долгое отсутствие. Она заняла свое место за столом, рядом с мистером Кроутером, который любезно встал и отодвинул для нее стул.

– Как Таппи? – вразнобой справлялись гости.

– Отлично. Всем шлет привет. И еще она просила передать кое-что Розе.

Все повернулись к Флоре, радостно улыбаясь, затем снова обратили взгляды к Изабель, ожидая услышать, что же именно просила передать Таппи.

– Она считает, – четко произнесла Изабель, – что мы должны уговорить Розу задержаться здесь. Энтони может вернуться в Эдинбург один, а Роза пока останется в Фернриге. – С сияющим лицом Изабель повернулась к Флоре. – Я считаю, что это замечательная идея, и надеюсь, Роза, ты останешься.

О, коварная Таппи!

Флора почувствовала себя так, как будто она стоит на сцене, ослепленная огнями рампы, и тысячи глаз смотрят на нее. Она не знала, что делать. Посмотрев на Энтони, она увидела в

его лице отражение собственного смятения. Молча умоляя его о помощи, она попыталась что-то сказать, с трудом узнавая свой голос:

– Я... вряд ли я...

Энтони отважно бросился на ее защиту:

– Изабель, ведь мы говорили тебе, что Роза должна вернуться.

Но со всех сторон посыпались возражения:

– Ерунда.

– Зачем ей возвращаться?

– Все будут рады, если она останется.

– Таппи будет просто счастлива!

– Для возвращения нет причин...

Они все улыбались, упрашивая ее остаться. Брайан откинулся на спинку стула и громко произнес, перекрывая все голоса:

– Я уже предложил это. И считаю, что это блестящая идея.

Даже Анна не осталась в стороне:

– И правда, не уезжайте так скоро.

Говорили все, кроме Хью. Мистер Кроутер, сидящий на противоположном конце стола, заметил это.

– А вы, доктор? Вы согласны, что Розе следует провести с нами еще несколько дней?

Все замолчали, глядя на Хью, ожидая его поддержки.

– Нет, я не думаю, что ей стоит оставаться, – проговорил он. А затем добавил, слишком поздно, чтобы смягчить колкость своих слов: – Если, конечно, она сама этого не хочет.

Он посмотрел на Флору, и в его холодных голубых глазах был вызов.

Что-то случилось с Флорой: то ли из-за вина, которое она выпила, то ли из-за утренней встречи на берегу. В ней вспыхнуло упрямство.

Через годы, издалека, она услышала предостерегающий голос отца: «Ты готова отрезать нос назло лицу».

– Если Таппи хочет, чтобы я осталась, – объявила Флора, – конечно же, я останусь.

После того как суровое испытание этого вечера завершилось – гости разъехались, собак выгуляли, кофейные чашки отнесли на кухню, и Изабель, поцеловав их обоих, отправилась спать, – Энтони и Флора остались вдвоем у угасающего камина.

– Зачем ты согласилась?

– Не знаю.

– Ты сошла с ума.

– Возможно. Но теперь уже поздно.

– О, Флора!

– Я не могу отказаться от своего слова. Ты не против?

– Нет. Как я могу быть против, если Таппи этого хочет? Если ты сможешь выдержать, сможешь справиться. Но...

– Но что?

– Я беспокоюсь о тебе. Ведь я обещал, что это продлится только два дня.

– Я знаю. Но все оказалось не так.

– Ты хочешь сказать, что мы думали, Таппи умирает, а теперь мы знаем, что она идет на поправку?

– Да. Это и другое.

Энтони тяжело вздохнул и пнул носком ботинка прогоревшее полено.

– Черт, что теперь будет?

– Это зависит от тебя. Ты можешь сказать Таппи правду.

- Сказать ей, что ты не Роза?
- Неужели это так трудно сделать?
- Это невозможно. Я никогда в жизни не обманывал Таппи.
- Но сейчас обманул.
- Да, сейчас обманул.
- Думаю, ты ее недооцениваешь. Она все поймет.
- Я не хочу говорить ей, – заупрямился он.
- Честно говоря, и я тоже, – призналась Флора.

Они в отчаянии смотрели друг на друга. Затем Энтони невесело улыбнулся:

- Мы с тобой – два труса.
- Пара неудачливых притворщиков.
- Ну нет, я начинаю думать, что, напротив, очень удачливых.
- Не знаю. – Флора попыталась превратить все в шутку. – Для новичков мы действительно

справляемся неплохо.

- Какого черта я не могу влюбиться в тебя! – огорченно сказал Энтони.
- Это решило бы все проблемы, правда? Особенно если бы я тоже в тебя влюбилась.

В холле стало прохладно. Флора придвинулась ближе к остывающему камину.

– У тебя усталый вид, – сказал Энтони. – И неудивительно. Вечер был тяжелым, но ты справилась блестяще.

- Не думаю. Скажи, Хью и Брайан – они явно не любят друг друга?

– Не знаю, не замечал. Но они такие разные. Бедняга Хью. Не уверен, что ему хоть раз удалось спокойно поесть, не отвлекаясь на телефонный звонок.

Хью уехал еще до того, как подали десерт. Энтони позвал его к телефону, и через пару минут, уже в плаще, он просунул голову в дверь гостиной и, извинившись, сообщил, что должен ехать по вызову. Во главе стола, рядом с Флорой, осталось пустое место.

- Энтони... тебе нравится Хью?

– Очень. В юности я хотел быть похожим на него. Он играл в регби за команду Эдинбургского университета и был для меня почти богом.

- Мне кажется, я ему не нравлюсь. То есть ему по каким-то причинам не нравится Роза.

- Тебе это показалось. Он бывает не слишком любезен, но...

- А не могло быть между ним и Розой какого-то... романа?

Энтони от изумления на время потерял дар речи.

- Хью и Роза? Откуда у тебя такие предположения?

- Да ходят слухи.

– Нет, это невозможно. Это совершенно невозможно. – Он взял ее за плечи. – Знаешь, ты просто устала. От переутомления тебе начинает что-то мерещиться. И я тоже устал. Я ведь не спал тридцать шесть часов и уже еле держусь на ногах. Пора спать. – Он крепко поцеловал ее. – Спокойной ночи.

- Спокойной ночи, – сказала Флора. – Спокойной ночи, Энтони.

Они задвинули каминную решетку, выключили свет и в обнимку, просто для того, чтобы поддержать друг друга, медленно поднялись по полутемной лестнице.

Таппи проснулась рано от чириканья птички на березе, растущей за окном, и от теплого ощущения счастья.

Она давно не испытывала такого. В последние годы пробуждения омрачались тяжелыми предчувствиями – беспокойством о семье, о стране и о катастрофическом положении всей планеты. Таппи приучила себя ежедневно читать газеты и смотреть вечерние новости по телевизору, но, просыпаясь по утрам, она нередко думала, что лучше бы не знать обо всех этих несчастиях и потрясениях. Иногда холодный рассвет, казалось, не предвещал ничего хорошего,

и Таппи приходилось чуть ли не силком вытаскивать себя из кровати, чтобы встать, одеться и, придав лицу обычное жизнерадостное выражение, спуститься вниз, к завтраку.

Но это утро было другим. Таппи медленно просыпалась, словно выплывая из состояния приятного сна. На секунду она замерла, боясь шевельнуться, даже открыть глаза, из страха, что сон растворится в холодной реальности.

Но постепенно до нее дошло, что это не сон, а правда. Это действительно произошло. В конце ужина Изабель поднялась к ней в комнату и сказала, что Роза согласилась остаться в Фернриге еще на несколько дней.

Она не уезжает.

Таппи открыла глаза. Она увидела, что металлическая перекладина на спинке блестит в первых лучах утреннего света. Сегодня воскресенье. Таппи любила воскресенья. Она любила ходить в церковь, принимать гостей. Так было всегда. По воскресеньям за обеденным столом в Фернриге редко собиралось меньше двенадцати человек. После обеда все шли играть в теннис или гулять вдоль берега залива. А потом возвращались в дом, чтобы выпить чаю на террасе или у камина в гостиной. К чаю подавали горячие булочки с маслом и голубичным вареньем, шоколадные и фруктовые пирожные и имбирное печенье особого сорта, которое выписывали специально из Лондона. После чая играли в карты, просматривали воскресные газеты или, если в доме были дети, читали вслух детские книжки.

Сколько раз она начинала читать сказку со слов: «Жили-были...» Теперь по вечерам она читает Джейсону. Он устраивается рядом с ней, прижавшись к ее плечу; от его мягких, влажных после купания волос приятно пахнет детским мылом. Сколько мальчишек побывало на его месте! Иногда воспоминания начинают путаться, и она забывает, когда они родились и когда умерли.

Джеймс и Робби, ее маленькие братья, играющие в оловянных солдатиков на ковре перед камином. И Брюс, ее собственный сын, своевольный, как цыганенок, вечно бегающий босиком. Окружающие качали головами и говорили, что все это оттого, что он растет без отца. А затем Торквил и Энтони, и вот теперь – Джейсон.

Такие разные, они все приносили радость и наполняли ее жизнь тревогами: переломы рук и разбитые коленки, корь и коклюш. Скажи: «Спасибо», скажи: «Пожалуйста». «Таппи, ты не волнуйся, но Энтони только что свалился с дерева».

Они учились плавать, кататься на велосипеде, стрелять из духового ружья. Последнее было хуже всего. «Никогда не целйся из ружья в человека». Она заставляла их повторять это каждый вечер вслух, перед молитвой.

А потом они уезжали учиться, и начинался тоскливый отсчет дней, и ненавистные прощания со слезами на вокзале в Тарболе; тщательно собранный чемодан, продукты на дорогу, лица, уже испачканные дорожной пылью.

Мальчишки стали частью длинной золотой нити, которая тянулась в прошлое. Но чудо было в том, что та же самая нить неуклонно шла в будущее. Торквил – надежный, уверенный в себе Торквил жил с женой Терезой в Бахрейне. Торквил никогда не доставлял Таппи беспокойства. Но Энтони был другим. Неугомонный, легкий в общении, в свое время он привозил в Фернриг с десяток разных девушек, но ни одна, по-видимому, не смогла увлечь его надолго. Таппи начала терять надежду, что он когда-нибудь женится. И вот теперь он встретил Розу Шустер, и вера в чудо снова возродилась в душе Таппи.

Роза. Как она прелестна! Таппи чувствовала себя так, как будто Энтони сделал ей бесценный подарок, и ее естественным желанием было поделиться своей радостью со всем миром.

По словам Изабель, вчерашний званый ужин прошел замечательно. Но Таппи не принимала в нем участия и была вынуждена довольствоваться пересказом разговоров за столом. А бесчувственный Хью запретил ей принимать посетителей, лишив даже возможности увидеть свежие лица и насладиться местными сплетнями.

Но к концу недели... Она начала подсчитывать. Сегодня воскресенье. Энтони оставит Розу здесь и вернется за ней в следующие выходные. У них есть неделя. Куча времени.

Они устроят вечеринку. Настоящую вечеринку. Танцевальный вечер. В ее голове зазвучала музыка, мелодии джиги и шотландского рила.

Дидл-дидл-там-там, там-там-там.

Ноги под одеялом начали непроизвольно отбивать ритм. Таппи охватило такое возбуждение, что она забыла, что больна. Мысль о смерти, которую она никогда не воспринимала всерьез, отступила на задний план. И сразу возникла сотня более важных дел, которые надо было обдумать.

Уже почти совсем рассвело. Таппи протянула руку, включила лампу у изголовья и посмотрела на золотые часы, которые стояли на тумбочке у кровати. Семь тридцать. Она тихонько села в кровати. Потом взяла очки и стала натягивать кофту. Это потребовало довольно много времени. Наконец, неуклюже шевеля пальцами, Таппи завязала ленты у шеи. Открыв ящик, достала блокнот и карандаш. И написала на чистой странице:

Миссис Кланцильям

Ее почерк, когда-то красивый, превратился в каракули, напоминающие паучьи лапки, но какое это имело значение? Она немного подумала, перебирая в памяти соседей, и продолжила:

Чарльз и Кристина Драммонд

Гарри и Фрэнсис Макнейл

Вечеринка будет в пятницу. Вечер пятницы лучше подходит для танцев, чем суббота. В субботу, если вечеринка затянется за полночь, захватится день отдохновения, а это может оскорбить религиозные чувства некоторых гостей. Конечно, Энтони придется выехать из Эдинбурга сразу после обеда, чтобы успеть приехать вовремя, но Таппи не сомневалась: он сможет договориться с начальством.

Она написала:

Хью Кайл

Элизабет Маклеод

Джонни и Кирстен Грант

В старые времена закуска состояла из холодного лосося, большой зажаренной индейки и тающих во рту пудингов; все это готовили непосредственно здесь, в Фернриге, но сейчас вряд ли стоит рассчитывать, что миссис Уотти справится в одиночку. Пожалуй, Изабель надо будет поговорить с мистером Андерсоном, хозяином гостиницы в Тарболе. У него вместительные кладовые и хороший повар. Мистер Андерсон займется организацией стола.

Список пополнялся именами. Кроутеры, и, разумеется, Стоддарты, и еще семейная пара, недавно приехавшая в Тарбол (муж имел какое-то отношение к холодильному оборудованию).

Томми и Анджела Кокберн

Роберт и Сьюзен Гамильтон

Дидл-дидл-там-там, там-там-там.

У почтмейстерши, миссис Купер, муж играет на аккордеоне. Если его попросить, он соберет небольшой оркестр. Достаточно скрипки и парочки барабанов. Это должна организовать

Изабель. Джейсон тоже будет участвовать в вечеринке. Таппи представила его, одетого в килт и бархатный камзол, которые принадлежали его деду.

Страница была почти заполнена, но Таппи продолжала писать:

Шимус Локлан

Кричтоны

Макдональды

Она перевернула страницу. Давно она не была так счастлива.

Именно Изабель сообщила новость остальным обитателям Фернрига. Изабель, которая поднялась наверх, чтобы сказать матери «доброе утро» и забрать поднос с остатками завтрака, вернулась в кухню в состоянии явного шока.

Она поставила поднос на стол со звуком, сильно похожим на стук. Это было настолько несвойственно Изабель, что остальные оторвались от своих дел и посмотрели на нее. Даже Джейсон с набитым беконом ртом перестал жевать. Что-то было не в порядке. Непослушные волосы Изабель выглядели так, как будто она только что взъерошила их, а в выражении ее лица смешались раздражение и уязвленное самолюбие.

С минуту она просто стояла, высокая и худощавая, в твидовой юбке и лучшем свитере, надетом по случаю воскресного дня, расстроенная, потерявшая дар речи. Само ее молчание было необычным и требовало внимания. Миссис Уотти, которая чистила картошку к обеду, села, держа нож в руке. Сестра Маклеод, которая вынимала из посудомоечной машины вчерашние бокалы и зачем-то вытирала их полотенцем, тоже застыла в ожидании. Флора со звоном поставила кофейную чашку на блюдце.

Молчание нарушила миссис Уотти:

– Что случилось?

Изабель подвинула табуретку и плюхнулась на нее, вытянув перед собой длинные ноги.

– Она хочет устроить вечеринку.

Обитатели дома, еще не успевшие прийти в себя после вчерашнего вечера, застыли, не веря своим ушам. Тишину нарушало только монотонное тиканье старинных часов.

Изабель обвела всех присутствующих долгим взглядом.

– Я не шучу, – сказала она. – В пятницу. Танцевальный вечер.

– Танцевальный вечер? – Сестра Маклеод, видимо представив, как ее пациентка отплясывает рил, веско изрекла: – Только через мой труп.

– Она уже решила, – продолжила Изабель, как будто не слыша, – что организацией ужина займется мистер Андерсон из тарболской гостиницы, а муж миссис Купер соберет оркестр...

– Господи, – пробормотала миссис Уотти.

– ...и составила длинный список людей, которых следует пригласить.

Джейсон, который никак не мог взять в толк, почему все так разволновались, прожевал бекон и спросил:

– А меня пригласят?

Но его вопрос остался без ответа.

– Вы сказали ей «нет»? – спросила сиделка, вперившись в Изабель стальным взглядом.

– Конечно сказала.

– И что она ответила?

– Сделала вид, что не слышала.

– Это невозможно, – заявила сиделка. – Нечего даже обсуждать. Миссис Армстронг нездорова. Ей нельзя волноваться. Неужели она собирается участвовать в этой вечеринке?

– Надеюсь, вы настаите на том, чтобы она не выходила из комнаты.

– Но зачем?! – воскликнула миссис Уотти. – Зачем устраивать еще одну вечеринку? Мы еще не навели порядок после вчерашнего ужина.

Изабель вздохнула:

– Из-за Розы. Она хочет, чтобы все познакомились с Розой.

Все повернулись к Флоре. Флора, которую это сообщение ужаснуло больше других, покраснела.

– Но я не хочу никакой вечеринки. Когда я сказала, что останусь, потому что так хочет Таппи, я понятия не имела, что она задумала.

Изабель похлопала ее по руке:

– Вчера вечером Таппи сама не имела об этом понятия. Идея пришла ей в голову сегодня, рано утром. Так что это не твоя вина. Это всего лишь страсть Таппи принимать гостей.

Флора попыталась найти какие-нибудь возражения практического толка:

– Но на подготовку просто нет времени. Если надо рассылать приглашения, одной недели недостаточно...

Однако оказалось, что все уже продумано.

– Приглашения можно сделать по телефону, – сказала Изабель и покорно добавила: – Звонить придется мне.

Сестра Маклеод решила, что безумие продолжается слишком долго. Она подвинула стул и села. Накрахмаленный перед ее фартука вздулся на груди, так что она стала напоминать зобастого голубя.

– Надо твердо сказать «нет», – громко объявила она.

Миссис Уотти и Изабель разом вздохнули.

– Это не так легко, сестра, – сказала миссис Уотти. – Мы с мисс Изабель слишком хорошо знаем миссис Армстронг. Если уж она приняла решение, ее не переубедить.

Джейсон взял кусок поджаренного хлеба и намазал его маслом.

– Я еще ни разу не был на танцевальном вечере, – заметил он, но на его слова опять никто не обратил внимания.

– Может быть, с миссис Армстронг поговорит Энтони? – с надеждой предложила сиделка.

Но миссис Уотти и Изабель покачали головами. От Энтони не будет никакого толка. Кроме того, он все еще спит, наверстывая упущенное, и никто не собирается беспокоить его.

– Ну что ж, если никто из членов семьи не способен разубедить миссис Армстронг, – сказала сиделка тоном, ясно демонстрирующим, какого она низкого мнения о присутствующих, – тогда это сделает доктор Кайл.

Услышав имя доктора, миссис Уотти и Изабель заметно повеселели. Почему-то никто из них не подумал о Хью.

– Доктор Кайл, – задумчиво повторила миссис Уотти. – Да, это хорошая идея. Доктора она должна послушаться. Он придет осмотреть ее сегодня?

– Да, – сказала сиделка. – Он собирался зайти после обеда.

Миссис Уотти оперлась локтями о стол и понизила голос, как заговорщица:

– Тогда давайте не будем пока ее расстраивать. Я думаю, вы согласитесь с этим, сестра. Пусть это сделает доктор Кайл.

Таким образом, решение проблемы было успешно отложено на неопределенное время, и Флора в душе невольно посочувствовала Хью Кайлу.

Утро шло своим чередом. Флора помогла миссис Уотти убрать посуду после завтрака, пропылесосила ковер в столовой и накрыла стол к обеду. Изабель надела шляпку и повезла Джейсона в церковь. Миссис Уотти начала готовить обед, а Флора, проинструктированная сиделкой, собралась пойти наверх к Таппи.

– Ни в коем случае не следует говорить с ней о танцевальном вечере. Если она начнет разговор, смените тему.

Флора уже почти вышла из кухни, когда ее окликнула миссис Уотти. Вытерев руки, она открыла ящик и вынула большой бумажный пакет с мотками серой шерсти, из которой собиралась связать свитер для Джейсона.

– Вам как раз будет чем заняться. Вы с миссис Армстронг перематаете мне шерсть. Не понимаю, почему они продают ее в мотках, а не в клубках.

Флора послушно взяла пряжу и поднялась вверх, в комнату Таппи. Войдя, она сразу увидела, что Таппи выглядит гораздо лучше. Темные круги под глазами исчезли, лицо посвежело. Таппи приподнялась и протянула руки навстречу Флоре:

– Как хорошо, что ты зашла. Дай я тебя поцелую. Какая ты хорошенькая! – По случаю воскресенья Флора надела юбку и шерстяной свитер. – Знаешь, я в первый раз увидела твои ноги. Не понимаю, почему с такими ногами ты все время ходишь в брюках. – Они поцеловались. Флора хотела было отстраниться, но Таппи удержала ее. – Ты сердисься на меня?

– Сержусь?

– Из-за того, что я уговорила тебя остаться. Я знаю, с моей стороны это было не совсем честно, но мне так хотелось, чтобы ты не уезжала, и я не смогла придумать другого способа переубедить тебя.

Флора была обезоружена. Она улыбнулась:

– Нет, я не сержусь.

– Я ведь знаю, что у тебя нет никаких срочных дел в Лондоне, а мне будет приятно, если ты побудешь здесь еще немного.

Она выпустила Флору из объятий, и та села на край кровати.

– Кстати, теперь вы совсем влипли, – сказала Флора, решив пренебречь инструкциями сиделки. – Вы это понимаете?

– Я даже не понимаю, что значит «влипла».

– Это значит, что вам сильно попадет за еще одну вечеринку.

– Ах это, – хмыкнула Таппи, довольная собой. – Бедная Изабель чуть было не лишилась чувств, когда я объявила ей о своих планах.

– Напрасно вы это затеяли.

– Почему? Почему бы не устроить еще одну вечеринку? Раз я прикована к постели, должна же я чем-то занять себя.

– Вам нужно выздоравливать, а не выдумывать безумные идеи.

– Ничего безумного тут нет. В этом доме столько раз устраивались вечеринки, что все пойдет как по рельсам. Кроме того, никому ничего не придется делать. Я все организовала.

– Изабель придется провести целый день на телефоне, обзванивая приглашенных.

– Да, но она не возражает против этого. Заодно посидит, отдохнет, а то все время на ногах.

– Но ведь надо подготовить дом, поставить цветы, передвинуть мебель.

– Мебель будет двигать Уотти. Это не отнимет много времени. А что касается цветов... – Таппи на минутку задумалась. – Цветами можешь заняться ты.

– Боюсь, я не справлюсь.

– Тогда мы поставим цветы в горшках. Или попросим Анну помочь нам. Роза, не пытайся ставить мне палки в колеса. Я уже все продумала.

– Сестра Маклеод говорит: все зависит от того, что скажет доктор.

– Она все утро ходит, поджав губы. Но я уверена, Хью одобрит эту идею.

– На вашем месте я бы на это не рассчитывала.

– А я и не рассчитываю. Я знаю Хью всю жизнь. Он действительно бывает упрям как осел.

– Я это заметила. Я сидела с ним рядом вчера за ужином. – Флора открыла бумажный пакет и вынула первый моток серой пряжи. – У вас хватит сил, чтобы перематывать шерсть для миссис Уотти?

– Конечно. Я буду держать пряжу, а ты будешь мотать.

Они занялись этой несложной работой, и Таппи продолжила разговор, как будто никакой паузы не было:

– Я хочу услышать о вчерашнем вечере. Все подробности.

Флора начала говорить с нарочитым энтузиазмом, стараясь, чтобы рассказ получился забавным от начала и до конца.

– Правда, Кроутеры очень милые? – спросила Таппи, когда Флора закончила свое повествование. – Мне нравится мистер Кроутер. Он немного подавляет при первой встрече, но, вообще-то, он хороший человек. А Хью был доволен?

– Да. По крайней мере, мне так кажется. Но, разумеется, посередине вечера раздался телефонный звонок, и ему пришлось уехать.

– Бедный мальчик. Хорошо бы он нашел себе ассистента. С другой стороны... – Таппи опустила руки, и Флора перестала мотать пряжу, – для Хью перегруженность делами – это своего рода терапия.

– Из-за смерти его жены?

– Да. Именно это я и имела в виду. Понимаешь, он был таким симпатичным парнем. Часто приходил сюда играть с Торквиллом. Его отец был нашим врачом, я говорила тебе. Скромный, простой человек с острова Льюис, но отличный доктор. А Хью рос очень умным. Он получил стипендию для обучения в Феттис-колледже, а потом продолжил изучать медицину в Эдинбургском университете.

– Он играл в регби за университет?

– Наверное, тебе Энтони об этом рассказал. Он всегда восхищался Хью. Да, Хью действительно играл в регби, но, что еще важнее, он с отличием сдал выпускные экзамены и получил медаль Каннингема по анатомии. Профессор Макклинток пригласил Хью приехать в Лондон и работать над диссертацией. Мы все очень гордились. Я гордилась Хью так же, как если бы он был моим собственным сыном.

Флоре было трудно связать все эти блестящие успехи с суровым соседом по столу.

– И что случилось? – спросила она.

– Да ничего особенного.

Таппи снова подняла руки с мотком шерсти, и Флора продолжила мотать.

– Он, кажется, женился?

– Да, на Диане. Он познакомился с ней в Лондоне, они обручились, и он привез ее в Тарбол.

– Вы были с ней знакомы?

– Да.

– Она вам нравилась?

– Она была очень красива, очень обаятельна, хорошо одета. Думаю, отец снабжал ее деньгами. Но ей было трудно – она ведь здесь никого не знала. Тарбол отличался от того мира, в котором она привыкла жить. Думаю, она считала всех нас ужасно скучными. Бедный Хью. Для него это было тяжелое время. Конечно, я ничего ему не говорила, но его старик-отец оказался более откровенен. Чересчур откровенен. А Хью так увлекся Дианой, что ни на что не обращал внимания. А мы просто хотели, чтобы он был счастлив.

– А он был счастлив?

– Я не знаю, Роза. Мы не видели его два года. Он приехал сюда уже после смерти Дианы – она погибла в автокатастрофе. Хью бросил все и вернулся в Тарбол, чтобы занять место отца. И с тех пор он здесь.

- Как давно это случилось?
- Почти восемь лет назад.
- Это большой срок. Он мог бы жениться снова...
- Нет. Только не Хью.

Они замолчали, перематывая пряжу. Клубок в руках Флоры стал довольно большим. Она решила сменить тему.

- Мне понравилась Анна, – сказала она.

Таппи просияла:

- Я этому рада. Я люблю ее, но она трудно сходится с людьми. Она очень застенчива.
- Она сказала мне, что живет здесь всю жизнь.

– Да. Ее отец был моим хорошим другом. Его звали Арчи Карстерз, он был родом из Глазго. Ему удалось заработать много денег. Многие считали его грубоватым и неотесанным, а мне он всегда нравился. Он любил море – ходил в круизы на своей роскошной океанской яхте. На яхте он впервые и приплыл в Ардмор. Он влюбился в наши красоты, и кто мог бы укорить его за это? Во всем мире нет ничего подобного. В общем, сразу после Первой мировой войны он построил Ардмор-хаус, с каждым годом проводил здесь все больше времени и в конце концов совсем сюда перебрался. Анна родилась уже здесь. Арчи женился поздно – наверное, был слишком занят зарабатыванием денег. Мать Анны прожила всего несколько месяцев после ее рождения, так что девочка росла с отцом, уже пожилым человеком. Я часто думаю о том, что она была бы совсем другой, если бы ее мать осталась жива. Но что случилось, то случилось.

- А Брайан?
- А что – Брайан?
- Как она познакомилась с Брайаном?

Таппи слегка улыбнулась:

– Как-то летом Брайан приплыл в Ардморский залив на потрепанном суденышке, которое в одиночку привел с южного берега Франции. К тому времени Арчи организовал Ардморский яхт-клуб. Это была его игрушка, его хобби, развлечение на старости лет. Брайан пришвартовался и сошел на берег. Арчи разговорился с ним и был так впечатлен успехами Брайана в мореплавании, что пригласил его в Ардмор-хаус на ужин. Для Анны он стал рыцарем на белом коне. Стоило ей увидеть Брайана, как она влюбилась.

- И вышла за него замуж.
- Конечно.
- А как отнесся к этому ее отец?
- Довольно настороженно. Ему нравился Брайан, но не в качестве зятя.
- Он пытался отговорить Анну?

– Думаю, да. Но иногда в самых робких людях неожиданно просыпается упрямство. К тому времени Анна была уже взрослой. Она знала, чего хочет, и была полна решимости получить это.

- А Брайан, он был влюблен в нее?

Наступила пауза. Затем Таппи сказала:

- Нет, не думаю. Но я уверена, она ему нравилась. И конечно, ему нравились те материальные блага, которые он приобретал, женись на ней.
- Вы намекаете, хотя и очень мягко, что Брайан женился на Анне из-за денег?
- Я не хочу говорить так, поскольку очень люблю Анну.
- Имеет ли это значение, если они счастливы?
- Именно об этом я все время спрашиваю себя.
- Анна очень богата?
- Да. После смерти Арчи она унаследовала все его состояние.
- А Брайан?

– У Брайана нет ничего, кроме некоторой суммы, которую он получает по брачному контракту. Я знаю, это достаточно крупная сумма, но весь капитал и имущество принадлежат Анне.

– А если брак будет расторгнут?

– Тогда контракт будет аннулирован. Брайан останется ни с чем.

Флора подумала об Анне: такая неуверенная в себе, с такими прекрасными бриллиантами. Ей стало жаль Анну. Что может быть безрадостнее, чем иметь мужа, который привязан к тебе только из-за денег?

– У них нет детей?

– Анна потеряла ребенка в то лето, когда ты и твоя мать приезжали сюда. Но вряд ли ты это помнишь. Вероятно, к тому времени вы уже уехали.

Почти вся шерсть была смотана в клубок. На запястьях у Таппи висели несколько последних нитей.

– Она снова беременна, – сказала Таппи.

Флора перестала мотать.

– Анна? Правда? Я рада за нее.

На лице Таппи появилось озабоченное выражение.

– Я не должна была ничего говорить. Не знаю, как у меня вырвалось. Хью сказал мне об этом, чтобы поднять настроение, когда я болела. А я дала слово, что буду хранить все в секрете.

– Я никому не расскажу, – пообещала Флора. – Я уже забыла...

Доктор появился около полудня, когда Флора и Таппи заканчивали перематывать последний моток шерсти. Они слышали его шаги по лестнице и по коридору. Затем раздался короткий стук в дверь, и в следующее мгновение Хью был уже в комнате, одетый в повседневный костюм, с саквояжем в руке и торчащим из кармана стетоскопом.

– Доброе утро, – сказал он.

– Хью, тебе что, никогда не говорили, что воскресенье – это день отдыха? – спросила Таппи.

– А я забыл, что сегодня воскресенье. – Он подошел к кровати и сразу приступил к главному вопросу. – Что это мне тут такое рассказали?

Таппи сделала сердитое лицо.

– Я так и знала, что они начнут жаловаться, не дав мне возможности объяснить все самой. Доктор поставил саквояж на пол и облокотился на спинку кровати.

– Ну, так рассказывайте.

Конец шерстяной нити соскользнул с запястий Таппи и был намотан на последний клубок.

– Мы собираемся устроить в пятницу небольшую вечеринку для Розы и Энтони, – небрежно сказала Таппи, как будто в этом не было ничего особенного.

– И сколько людей будет на этой маленькой вечеринке?

– Приблизительно... шестьдесят человек. Или семьдесят.

– Семьдесят человек с семи вечера до полуночи будут прыгать в холле, пить шампанское и громко разговаривать. И как все это скажется на вашем здоровье?

– Оно улучшится.

– И кто будет организовывать все это?

– Все уже организовано. Мне понадобилось на это полчаса перед завтраком. А теперь я умываю руки.

– Таппи, вы меня поражаете. – Хью скептически посмотрел на старушку.

– Я не понимаю, чего все испугались? Как будто мы устраиваем грандиозный бал.

Хью посмотрел на Флору, которая собирала клубки шерсти и складывала их обратно в бумажный пакет.

– А что скажет Роза?

– Я? – Она удивленно подняла голову. – Я... я думаю, это интересно, но слишком утомительно для Таппи...

– Перестань, Роза, – перебила ее Таппи. – Ты такая же, как и все. – Она снова повернулась к Хью. – Я же объяснила, что все спланировано. Мистер Андерсон займется едой, Роза – цветами, Уотти отодвинет мебель, а Изабель обзвонит всех приглашенных. А если ты не перестанешь смотреть на меня с таким видом, Хью, мы тебя не пригласим!

– А вы что собираетесь делать?

– Я? – Она посмотрела на него невинным взглядом голубых глаз. – Ничего. Буду сидеть здесь и радоваться за вас.

– Никаких посетителей, – сказал он.

– Что значит – никаких посетителей?

– Никто не должен подниматься сюда.

У Таппи вытянулось лицо от огорчения.

– Никто-никто?

– Стоит разрешить зайти одному, и к концу вечера в вашей спальне будет так же тесно, как на Пикадилли в час пик. Я поставлю у дверей сестру, чтобы она никого не впускала к вам. Вот мои условия, миссис Армстронг. – Он выпрямился и повернулся к Флоре. – Роза, будь любезна, разыщи сиделку и скажи ей, что я уже здесь.

– Да, конечно.

Флора быстро поцеловала Таппи и вышла из комнаты. Сестра Маклеод как раз поднималась по лестнице. Ее лицо было мрачным.

– Доктор Кайл у миссис Армстронг?

– Да, он ждет вас.

– Я надеюсь, он положил конец этой легкомысленной идее?

– Не уверена. Думаю, вечеринка состоится.

– Господи, спаси нас!

Миссис Уотти была настроена более философски.

– Ну что ж, если она хочет вечеринку – пусть так оно и будет. В этом доме было столько вечеринок, что устроить еще одну не так уж трудно.

– Мне поручено заняться цветами.

– Значит, и тебе нашлась работа. Миссис Армстронг умеет распоряжаться.

– Да, но я ничего в этом не понимаю. Я не умею составлять букеты.

– Ты отлично справишься. – Миссис Уотти открыла буфет и вынула стопку тарелок. – Ей легко удалось убедить доктора?

– Не очень легко, но все же удалось. Он согласился при условии, что у Таппи не будет никаких посетителей. Сестра будет стоять у дверей на страже.

Миссис Уотти покачала головой:

– Бедный доктор Кайл. У него и без нас проблем хватает. Я слышала, что его экономка Джесси Маккензи два дня назад уехала в Портри навестить мать. Говорят, старушка плоха.

– О боже!

– Сейчас в Тарболе нелегко найти экономку. Большинство женщин фасуют селедку или коптят ее.

Миссис Уотти посмотрела на часы и вспомнила про жаркое. Она наклонилась и приоткрыла дверцу духовки. Оттуда послышалось шкворчание и пахло ароматом жареного мяса.

– Энтони еще не встал? – спросила миссис Уотти. – Я думаю, пора его будить. А то он проспит весь день, а ведь ему скоро уезжать.

Флора отправилась будить Энтони. Проходя через холл, она увидела спускающегося по лестнице доктора. Повинуясь какому-то внутреннему чувству, она остановилась.

Хью вопросительно посмотрел на нее.

– Ну?... – произнес он.

– Хью, вчера вечером... Вы ведь не хотели, чтобы я сказала, что остаюсь?

По-видимому, он не был готов к такой прямоте.

– Не хотел. Но у меня такое чувство, что именно поэтому вы изменили решение.

– Почему вы не хотели, чтобы я осталась?

– Назовем это предчувствием.

– Нехорошим предчувствием?

– Если хотите.

– Этот вечер, который затеяла Таппи, может принести беду?

– Лучше было бы обойтись без него.

– Но все же он состоится?

– Да, по-видимому.

– Но все будет в порядке? Я имею в виду с Таппи? – продолжала настойчивые расспросы Флора.

– Да, если она будет выполнять предписания. Сестра Маклеод относится к этой затее крайне неодобрительно. Мой авторитет сильно упал в ее глазах. Но я надеюсь, что положительные эмоции могут стимулировать выздоровление. А если нет...

Он замолчал, оставив фразу недосказанной. У доктора был такой усталый вид, что Флоре стало его жаль.

– По крайней мере, она занимается тем, что ей нравится, – сказала Флора, стараясь, чтобы ее голос звучал весело. – Как тот девяностолетний старик, который на вопрос, какой смертью он предпочел бы умереть, ответил, что хочет быть застреленным ревнивым мужем.

Хью неожиданно улыбнулся. Флора еще ни разу не видела его настоящей улыбки и была изумлена, насколько преобразилось его лицо. На мгновение она увидела жизнерадостного молодого человека, которым он когда-то был.

– Именно так, – сказал Хью.

Утро было пасмурным и теплым, очень тихим, но сейчас поднялся легкий бриз и начал разгонять тучи. Солнце пробилось сквозь облака и залило все вокруг золотистым светом, проникая в холл через два высоких окна по обе стороны от входной двери. Пылинки заплясали в солнечных лучах, и мелочи, прежде незаметные, сразу бросились в глаза. Костюм доктора был местами потерт, карманы оттопыривались, на свитере красовалась неаккуратная заплатка.

У Хью был усталый вид. Он все еще улыбался, но выглядел смертельно усталым. Она представила, как вчера, собираясь на званый ужин, он искал чистую рубашку в неприбранном, оставшемся без экономки доме.

– Вчера вас вызвали по телефону... Надеюсь, ничего серьезного?

– Достаточно серьезный случай. Старик встал ночью с постели, чтобы пойти в туалет, и упал с лестницы.

– Он не пострадал?

– По счастью, все кости целы, но он получил ушибы. Его надо бы положить в больницу, а он отказывается. Говорит, всю жизнь прожил в этом доме и хочет здесь умереть.

– А где его дом?

– В Ботурихе.

– Я не знаю, где это.

– В дальнем конце озера Лох-Фада.

– Это далеко отсюда?

– Миль пятнадцать.

– И когда же вы вернулись домой?

– В два часа ночи.

– А во сколько встали?

В глазах Хью вспыхнуло изумление.

– Это что, допрос?

– Вы, наверное, устали.

– У меня нет времени уставать. А сейчас, – он бросил взгляд на часы и наклонился, чтобы взять саквояж, – мне пора.

Флора подошла вместе с ним к двери и распахнула ее. Мокрая трава и гравий ослепительно сверкали на солнце, листья деревьев сияли огненными красками.

– До свидания, – сказал Хью, возвращаясь к своей обычной манере.

Она проследила взглядом, как он спустился по ступенькам крыльца, сел в машину, проехал между кустами рододендронов и выехал в открытые ворота. Солнце пригревало, но Флора поежилась, как от холода. Она вошла в дом, закрыла дверь и стала подниматься наверх, чтобы разбудить Энтони.

Тот уже проснулся и брился перед зеркалом, в красных кожаных тапочках на босу ногу, с полотенцем, обмотанным вокруг бедер. Второе полотенце висело на шее. Когда Флора просунула голову в дверь, Энтони повернулся к ней. Половину его лица покрывала мыльная пена.

– Меня отправили будить тебя. Уже половина первого.

– Знаю. Входи.

Он повернулся к зеркалу и продолжил бритье.

Флора закрыла за собой дверь и присела на край кровати.

– Как спал? – спросила она, глядя на его отражение в зеркале.

– Как убитый.

– Ты крепко стоишь на ногах?

Наступила пауза, потом Энтони проговорил:

– Почему-то этот вопрос пробуждает у меня нехорошие предчувствия.

– И правильно. Будет еще один прием гостей. В следующую пятницу. Танцевальный вечер.

Энтони немного помолчал.

– Теперь я понимаю, почему ты спросила, крепко ли я стою на ногах, – сказал он.

– Эта идея пришла в голову Таппи сегодня утром, перед завтраком. И похоже, ей удалось настоять на своем. Даже Хью сдался. Единственный человек, кто выступает против, – сиделка, поэтому она ходит страшно надутая.

– Хочешь сказать, что все уже решено?

– Да.

– Как я догадываюсь, вечер будет в честь Энтони и Розы.

Флора кивнула.

– Чтобы отпраздновать помолвку.

– Совершенно верно.

Энтони закончил бритье и склонился к раковине, чтобы промыть бритву.

– О боже, – пробормотал он.

– Это моя вина, – с раскаянием сказала Флора. – Мне не следовало говорить, что я останусь.

– Разве ты могла знать? Разве мы могли предположить, что она придумает такое?

– Я не знаю, что теперь делать.

Энтони повернулся к ней. Его медно-рыжие волосы стояли торчком, а на обычно жизнерадостном лице появилось угрюмое выражение. Он сорвал полотенце с шеи и швырнул его на спинку стула.

– Черт, это все равно что попасть в трясины. Нас засосет туда, и к концу недели от нас останутся только пузыри. Причем довольно грязные.

– Мы еще можем выйти отсюда чистыми. Давай скажем Таппи правду.

Эта мысль смутно пробивалась все утро, но лишь сейчас Флора осознала ее настолько, что решилась высказать вслух.

– Нет, – сказал Энтони.

– Но...

Он повернулся к Флоре:

– Я сказал – нет. Да, Таппи чувствует себя лучше. Да, Изабель поняла все неправильно, и Таппи чудесным образом выздоравливает. Но она старая, она была очень больна, и если что-то случится только потому, что ты и я настояли на такой роскоши, как чистая совесть, я никогда не прошу себя. Ты понимаешь это?

Флора вздохнула.

– Да, – с несчастным видом сказала она. – Да, я понимаю.

– Ты самая замечательная девушка. Просто супер!

Он наклонился и поцеловал ее. Его гладковыбритая щека пахла лимонной свежестью.

– А теперь извини, но мне надо одеться.

После обеда Флора и Энтони отправились на прогулку к заливу Фада, тихонько улизнув от Джейсона, собиравшегося составить им компанию. Зато взяли собак – даже Сасси, которую Энтони решительно вытащил из постели Таппи. Они шагали по чистому белому песку, обнажившемуся после отлива. Вдали виднелась полоса прибоя; порывы ветра разрывали облака, бросая на землю полосы солнечного света.

Прогулка получилась невеселой. Предстоящий отъезд Энтони в Эдинбург угнетал их обоих, и они почти не разговаривали. Однако это молчание объединяло их, потому что Флора знала, что Энтони думает о том же, о чем и она.

Дойдя до кромки воды, они остановились. Энтони нашел длинную плетень водорослей и закинул в волны. Пламмер бросился в воду и поплыл, разбрасывая фонтаны брызг. Вскоре он выбрался на берег, неся в зубах волочащуюся по песку плетень. Сасси, которая явно не горела желанием купаться, отошла подальше. Пламмер положил добычу, шумно отряхнулся и сел, ожидая продолжения игры. Энтони снова закинул водоросли в воду, на этот раз еще дальше, и пес помчался вперед.

– Рано или поздно мы должны будем рассказать им обо всем, – сказала Флора, наблюдая за плещущейся среди волн собакой. – Рано или поздно они должны узнать, что я Флора, а не Роза. Возможно, чистая совесть – это роскошь, но я не могу жить с обманом всю оставшуюся жизнь. – Она повернулась к Энтони. – Прости, но я просто не могу.

Он стоял к ней в профиль с суровым, покрасневшим от ветра лицом.

– Да, я понимаю. – Энтони сунул руки в карманы куртки и вздохнул. – Я тоже об этом думал. – Он вдруг резко повернулся к Флоре. – Но рассказать обо всем должен я. Не ты.

Флора почувствовала легкую обиду.

– Я и не думала ни о чем таком.

– Знаю. Но предстоящие несколько дней будут для тебя еще тяжелее, а меня рядом не будет, и никто не сможет поддержать тебя. Давай дождемся следующих выходных. Пусть пройдет эта вечеринка. И если Таппи будет чувствовать себя хорошо, мы все ей объясним. Чисто-сердечно покаемся, если хочешь. – Его подобная перспектива явно не вдохновляла. – А пока обещаю, что ничего никому не скажешь.

– Энтони, я не могу.

– Обещаю.

Она пообещала. Облако закрыло солнце, и сразу похолодало. Ежась от ветра, они повернулись и побрели к дому.

Пламмера оставили сохнуть на кухне, а Сасси сразу ринулась по лестнице наверх, прямо в спальню Таппи. Энтони и Флора сняли куртки и резиновые сапоги и прошли в гостиную, где Изабель с Джейсоном пили чай и увлеченно смотрели по телевизору какой-то приключенческий сериал. Разговор явно был бы не к месту. Оставалось молча жевать бутерброды, бесцельно уставившись на экран, где актеры в старинных костюмах размахивали мечами и бегали вверх и вниз по винтовой лестнице. Наконец главный герой попал в темницу, и фильм закончился. Изабель выключила телевизор, а Джейсон обиженно проговорил:

– Я хотел гулять с вами, а вы ушли без меня!

– Извини, – сказал Энтони без малейшего сожаления в голосе.

– Ты поиграешь со мной в карты?

– Нет. – Он отставил в сторону пустую чашку. – Мне надо собирать вещи, я еду в Эдинбург.

– Я помогу тебе.

– Спасибо, не надо. Роза мне поможет.

– А почему не я... – захныкал Джейсон.

Изабель, зная, что в воскресенье вечером у Джейсона часто бывает плохое настроение перед новой учебной неделей, поспешила тактично вмешаться:

– Энтони и Розе надо поговорить, чтобы им никто не мешал. Если хочешь, я с тобой поиграю.

– Это нечестно...

– Во что будем играть?

Пока Энтони собирал бритвенные принадлежности, Флора сложила в сумку чистые рубашки и халат. Вот и все, она огляделась. Комната будто осиротела.

– Ты справишься? – спросил Энтони.

У него был такой встревоженный вид, что Флора заставила себя улыбнуться:

– Конечно.

Он сунул руку в карман и вытащил листок бумаги.

– Я записал здесь номера своих телефонов, рабочий и домашний, на всякий случай. Вдруг тебе понадобится связаться со мной. Если не захочешь говорить отсюда, возьми машину и поезжай в Тарбол. Телефон-автомат недалеко от гавани.

– Когда ты вернешься?

– В пятницу, как только смогу вырваться.

– Я буду здесь, – зачем-то сказала девушка.

– Надеюсь.

Энтони пошел попрощаться с Таппи. Джейсона тут же отправили к миссис Уотти, сказать, что Энтони уезжает, и та появилась из дверей кухни с коробкой булочек и пакетом яблок: «Нельзя уезжать из дома с пустыми руками». Все перецеловались, домочадцы пожелали Энтони счастливого пути и разбежались по своим делам, лишь Флора вышла проводить его на улицу.

Сгущались сумерки. Закинув сумку на заднее сиденье, Энтони обнял Флору.

– Как жаль, что ты не можешь остаться, – пробормотала она.

– Мне тоже жаль. Береги себя. И старайся не слишком запутаться.

– Я уже запуталась.

– Да, – уныло признал он. – Да, я знаю.

Флора смотрела ему вслед, пока задние огни машины не скрылись из вида. Вернувшись в дом, закрыла дверь и остановилась в холле, почувствовав себя брошенной. Из-за дверей гости-

ной доносились приглушенные голоса. Без четверти шесть. Пожалуй, лучше всего подняться наверх, принять ванну и пораньше лечь спать.

Ее спальня, которая так понравилась ей вначале, в холодных сумерках выглядела чужой. Флора задернула шторы и зажгла настольную лампу. Стало уютнее, но не намного. Она включила электрический камин и опустилась на ковер перед покрасневшими железными прутьями.

Флора не сразу осознала, что страдает от ощущения потери личности. До сих пор она не понимала, насколько важным было для нее присутствие Энтони – ведь он единственный знал, кто она. Теперь он уехал и, казалось, увез Флору с собой, а здесь оставил Розу. Ее сестру, которая была так похожа и в то же время так не похожа на нее. Флора напонила себе, что Роза в Греции, и попыталась представить, чем она там занимается: загорает, пьет вино, танцует под звуки гитары – или на чем там играют на острове Спецес. Но все эти образы получались плоскими, ненастоящими, как аляповатые почтовые открытки. Роза была не в Греции. Роза была здесь, в Фернриге.

Она протянула озябшие руки к теплу камина.

«Я Флора. Я Флора Уоринг».

Обещание, которое она дала Энтони, висело тяжелым бременем. Может быть, как раз из-за этого обещания она так жаждала сейчас рассказать правду. Кому-нибудь. Тому, кто выслушает и поймет.

Но кому?

Ответ оказался таким очевидным, что Флора не могла понять, почему он сразу не пришел ей в голову. «Обещай, что ничего не скажешь никому из них», – настоял Энтони. И она дала ему слово. Но «никому из них» относилось к тем людям, которые жили здесь.

В углу спальни стояло небольшое бюро, на которое Флора до сих пор не обращала внимания. Сейчас она встала, подошла ближе и откинула крышку. Внутри лежала аккуратная стопка писчей бумаги, конверты и ручка на серебряной подставке. Флора подвинула стул, взяла ручку, положила перед собой лист бумаги и поставила дату.

Это было началом длинного письма отцу.

8. Брайан

На следующее утро, когда Флора спускалась по лестнице к завтраку, зазвонил телефон. Она подошла ближе и остановилась в нерешительности. Никто не спешил брать трубку, и Флора сделала это сама, присев на край комода.

– Аллю.

– Это Фернриг? – спросил женский голос.

– Да.

– Это Изабель?

– Нет. Позвать ее?

– Это... это Роза?

– Да, – после небольшой заминки сказала Флора.

– Роза, это Анна Стоддарт.

– Доброе утро, Анна. Позвать Изабель?

– Нет, это не важно, я могу поговорить и с вами. Я хотела поблагодарить за субботний ужин. Мне... мне все очень понравилось.

– Я рада. Я передам это Изабель.

– Извините, что звоню так рано, но я забыла позвонить вчера, а сейчас еду в Глазго. И не хочу уезжать, не сказав спасибо.

– Надеюсь, поездка будет удачной.

– Да, я тоже. Я еду только на пару дней. Может быть, когда я вернусь, вы найдете время навестить меня в Ардморе? Мы могли бы пообедать, или выпить чаю, или... – Она смущенно умолкла, словно испугавшись, что наговорила слишком много.

– С удовольствием, – поспешила сказать Флора. – Спасибо за приглашение. Я обязательно заеду.

– Правда? Это будет чудесно. Я позвоню вам, когда вернусь.

– Хорошо. Вы уже знаете про пятницу? – спросила Флора.

– Нет.

– Я думала, здесь новости разносятся быстрее. Таппи приглашает всех на вечеринку.

– В эту пятницу? – Голос Анны звучал недоверчиво.

– Да, в эту пятницу. Бедной Изабель еще предстоит полдня провисеть на телефоне. Я скажу, что вы уже в курсе.

– Как интересно! Хорошо, что вы мне сказали. Я успею купить новое платье в Глазго. – Ее голос снова неуверенно затих. Очевидно, Анна относилась к тем людям, которые не умеют первыми прощаться. Флора уже открыла рот, чтобы сказать «до свидания», когда Анна вдруг произнесла: – Одну минуту. Не кладите трубку...

На другом конце линии слышались приглушенные голоса, потом Анна сказала:

– Брайан хочет поговорить с вами. А я прощаюсь.

Брайан?

– До свидания, Анна. Всего хорошего.

В трубке раздался жизнерадостный голос Брайана:

– Роза!

– Доброе утро, – настороженно ответила Флора.

– Какой неподходящий час для телефонного разговора. Ты уже позавтракала?

– Как раз собиралась.

– Энтони уехал?

– Да, вчера после чая.

– Значит, он тебя покинул. А Анна собирается покинуть меня. Почему бы нам не составить друг другу компанию сегодня вечером? Приглашаю тебя на ужин.

В голове Флоры замелькали тревожные мысли. Но ведь Анна слышит этот разговор, значит в предложении Брайана нет ничего предосудительного? Но что скажет Таппи? А Изабель? Стоит ли принимать приглашение этого красавчика?

– Роза?

– Да, я слушаю.

– Мне показалось, что ты куда-то пропала. Когда за тобой заехать?

– Я разве уже согласилась?

– Не прикидывайся; разумеется, ты согласна. Мы поедем в «Рыбацкий якорь» в Лохгарри, и я накормлю тебя креветками. Слушай, мне пора. Анна уезжает, надо ее проводить. Я заеду за тобой между половиной восьмого и восьмью. Это нормально? Если Изабель будет в хорошем настроении, пусть нальет мне выпить. Привет Таппи и спасибо всем за позавчерашний вечер. Нам с Анной очень понравилось. Пока.

Флора стояла, слушая гудки отбоя. Возмутительный тип. Она медленно положила трубку. Впрочем... На ее лице появилась невольная улыбка. Пожалуй, все это довольно забавно. Да, Брайан флиртует, излучая по телефонным проводам поток своего обаяния, но этот флирт слишком явный, чтобы воспринимать его всерьез. Не стоит терзать себя поисками скрытого смысла в такой банальной ситуации. И, кроме того, она любит креветки.

Тут Флора поняла, что проголодалась, и отправилась на кухню.

Мистер Уотти уже отвез Джейсона в школу. Изабель и сестра Маклеод на кухне пили кофе. Миссис Уотти резала мясо для пирога.

– Кто звонил? – любопытствовала миссис Уотти.

Флора насыпала в миску кукурузных хлопьев.

– Это была Анна Стоддарт. Благодарит за позавчерашний вечер.

Изабель оторвалась от письма, которое читала.

– Как мило с ее стороны, – пробормотала она и снова углубилась в чтение.

– Она уезжает в Глазго на пару дней.

– Да, она говорила, что хочет поехать туда.

– А Брайан пригласил меня сегодня поужинать.

Флора внимательно вглядывалась в лицо Изабель, пытаясь увидеть неодобрение. Но та лишь улыбнулась.

– Чудесная идея.

– Он сказал, что, поскольку я осталась без Энтони, а он без Анны, мы можем составить компанию друг другу. Он заедет в половине восьмого и надеется, что вы будете в хорошем настроении и нальете ему выпить.

Изабель рассмеялась, а миссис Уотти пробормотала:

– Наглый черт.

– Он вам не нравится, миссис Уотти?

– Ну почему же, нравится, но он слишком выпендривается.

– Миссис Уотти хочет сказать, что он не такой, как суровые шотландцы.

– И я сказала про пятницу, так что вычеркните их из списка звонков. Анна купит себе новое платье.

– О боже, – пробормотала Изабель.

– А в чем дело?

– Она тратит на тряпки кучу денег, а они все выглядят одинаково. – Она вздохнула. – Кстати, нам тоже пора подумать о своих туалетах. Конечно, я могу снова достать свое синее платье с кружевами, но оно уже всем надоело.

– Оно вам очень идет, – заверила ее миссис Уотти. – Вы в нем такая стройная.

– Но ведь все его уже видели.

– Роза, а ты что наденешь?

Вопрос застал Флору врасплох. Поскольку ее мысли были заняты другими, более важными проблемами, о наряде для новой вечеринки она даже не задумывалась. Она обвела взглядом лица женщин, которые с любопытством ждали ответа.

– Да у меня и нет ничего.

Сестра Маклеод, невольно вовлеченная в общие приготовления, хотя выступала против проведения вечеринки, лишь удивленно покачала головой. Ей не верилось, что богатая молодая леди не захватила с собой по крайней мере одно бальное платье и диадему с бриллиантами.

– Неужели в твоём чемодане не найдется ничего подходящего? – спросила она у Флоры.

– Нет. Я ведь ехала сюда только на выходные. Я не думала, что мне понадобится платье для танцев.

Повисла тишина. Все молча переваривали эту информацию.

– А если ты наденешь то же, что вчера? – предложила Изабель.

– Шерстяную юбку и блузку?

– Ну нет, – вмешалась миссис Уотти. – Вечер устраивается в твою честь. Надо что-то более нарядное.

Флора почувствовала себя виноватой.

– Может, я смогу что-то купить?

– Не в Тарболе, – сказала Изабель. – И нигде на сто миль вокруг.

– Наверное, мне надо было поехать в Глазго вместе с Анной.

– Неужели в доме не найдется ничего, что можно переделать? – спросила сестра Маклеод.

Флора тут же представила себя в платье из старых чехлов для мебели.

Изабель покачала головой:

– Даже если что-то и найдется, портнихи из нас те еще.

Сестра Маклеод откашлялась:

– В молодости я сама шила себе одежду. К тому же у меня немного больше свободного времени, чем у всех вас.

– Вы хотите сказать, что сошьете платье для Розы?

– Если нет других вариантов...

Услышав эти слова, миссис Уотти перестала резать мясо и повернулась к ним. Добродушное выражение ее круглого лица и устрашающего вида нож, который она держала в руке, представляли комичную картинку.

– А если поискать на чердаке? Там стоят сундуки с одеждой, которую когда-то носила миссис Армстронг. Ткани очень симпатичные...

– Все это пропахло нафталином, – возразила Изабель.

– Выстирать и повесить сушиться на улице. Весь запах выветрится.

Идея настолько захватила миссис Уотти, что она решительно отложила нож, вымыла руки и сказала, что надо срочно обследовать чердак. Никто не возражал, и через минуту все четверо дружно шагали по лестнице вверх.

Огромный чердак тянулся с одного конца дома до другого. Там было сумрачно, по углам висела паутина. Флоре в глаза сразу бросились старинные весы с медными гирьками, мерный шест, кукольная коляска, сохранившаяся с викторианских времен, портновский манекен, латунные кувшины, в которых когда-то носили горячую воду.

Миссис Уотти включила свет и направилась к сундукам, стоящим в ряд у стены. Они были огромного размера и веса, с выпуклыми крышками и оплетенными кожей ручками по бокам. Изабель и миссис Уотти вдвоем подняли крышку первого сундука. Он был набит одеждой. Запах нафталина и в самом деле раздражал, но предметы одежды, поочередно извлекавшиеся из недр сундука, были один удивительнее другого. Платье из черного шелка с вышивкой, еще одно из атласа цвета чайной розы, с бахромой по подолу, буклированный жакет на подкладке из шифона.

– Неужели Таппи носила все это?

– Да, в свое время она любила нарядно одеваться. И, как всякая практичная шотландка, никогда ничего не выбрасывала.

– А это что?

– Вечерняя накидка. – Изабель встряхнула смятый бархат и подула на меховой воротник. Вылетела моль. – Я помню, как Таппи надевала ее... – Она задумчиво умолкла, погрузившись в воспоминания.

Затеея начала казаться безнадежной. Флора уже хотела сказать, что поедет в Тарбол, сядет на ближайший поезд, идущий в Глазго, и купит себе что-нибудь там, но тут миссис Уотти выудила нечто некогда белое из кружевного батиста. Похоже на старый носовой платок, подумала Флора, но это оказалось платьем с длинным рукавом и высоким воротником.

– Это же теннисное платье Таппи, – радостно воскликнула Изабель.

– Теннисное платье? – недоверчиво переспросила Флора. – Неужели она играла в нем в теннис?

– Да, в юности. – Изабель придирчиво осмотрела ткань. – Ну, что вы скажете, сестра Маклеод? Можем мы что-то сделать из этого?

Сиделка поджала губы и пощупала тонкий батист опытными пальцами.

– Неплохо... красивые кружева.

– Но оно такое короткое, – пролепетала Флора.

Сестра Маклеод приложила платье к Флоре. Оно действительно оказалось коротким, однако у подола был хороший запас.

– Его можно выпустить.

Флора ужаснулась. Но это все-таки лучше, чем чехол для мебели, и нет необходимости ехать в Глазго.

– Оно почти прозрачное.

– Я сделаю подкладку. Какого-нибудь нежного тона. Например, розового.

Розового. У Флоры упало сердце, но она промолчала. Женщины задумчиво переглядывались. Затем миссис Уотти вспомнила, что, когда меняли портьеры в спальне Изабель, осталось много излишков. Где-то должен лежать целый отрез хорошей новой ткани. После некоторых размышлений и поисков миссис Уотти с победным возгласом извлекла его из ящика старого туалетного столика.

– Я же знала, что положила его где-то здесь, только не могла вспомнить где.

Ткань была светло-голубого цвета. Миссис Уотти развернула ее и подложила под пожелтевший батист будущего бального платья Флоры.

– Что скажешь? – спросила она.

По крайней мере, голубой лучше розового. Может, если платье выстирать, оно будет выглядеть не так плохо. Флора подняла глаза и увидела, что вся троица с нетерпением ожидает одобрения. Как три добрые феи из сказки, решившие превратить свою крестницу в красавицу и отправить на бал. Флора устыдилась своего унылого вида и, улыбнувшись, сказала, что и за неделю не нашла бы более замечательного наряда.

Прошло уже полдня, а пухлый конверт, адресованный Рональду Уорингу, еще не был отправлен. Во-первых, не было марки, а во-вторых, Флора не знала, где находится ближайший почтовый ящик. После обеда девушка спохватилась:

– Вы не возражаете, если я съезжу в Тарбол? Мне надо отправить письмо.

– Совершенно не возражаю. Кстати, у меня кончился крем для рук, а ты могла бы его купить. И если не трудно, забери Джейсона из школы, чтобы Уотти не мотался лишний раз. Надеюсь, ты умеешь водить машину?

– Да. Если мне ее дадут...

– Можешь взять фургон, – безмятежно сказала Изабель. – Его не жалко, если во что-нибудь врежешься.

Слух о том, что Флора собирается в Тарбол, мигом облетел дом, и все начали давать поручения. Сестре Маклеод нужны были новые иголки и голубые нитки. Таппи попросила купить бумажные носовые платки и четыре унции мятных леденцов. Держа в руках список, Флора заглянула на кухню.

– Я собираюсь в Тарбол. На почту, в магазин и заодно заберу Джейсона. Вам что-нибудь нужно?

– А Уотти знает, что ему не надо ехать за Джейсоном?

– Нет, я хотела предупредить его по дороге. Изабель сказала, что я могу взять фургон.

– Хорошо, раз Уотти не едет, – сказала миссис Уотти, направляясь к холодильнику, – тебе придется отвезти вот это.

Она открыла дверцу и вынула большой мясной пирог на эмалированном блюде.

– Куда и кому?

– Это для доктора Кайла. – Она достала из ящика рулон пергаментной бумаги, оторвала большой лист и завернула пирог. – Я приготовила один сегодня к ужину, а второй для бедняги-доктора, раз он остался без экономки. Пусть хоть раз в день поест нормально.

– Но я не знаю, где он живет.

– В Тарболе, на вершине холма. Не заблудишься, – добавила миссис Уотти, – к дому пристроена новая приемная, а на калитке висит медная табличка с его именем.

Она протянула Флоре довольно тяжелый сверток. Пожалуй, его хватит дня на четыре.

– И что мне с ним делать? Оставить у двери?

– Нет. – Миссис Уотти явно заподозрила Флору в тупости. – Зайдешь на кухню и поставишь в холодильник.

– А если дверь закрыта?

– Тогда ключ будет лежать на притолоке справа.

– Хорошо, – сказала Флора, направляясь к двери. – Надеюсь, я не оставлю пирог в другом доме.

Вслед девушке раздался смех. Похоже, ее слова сочли шуткой.

Флора отыскиала Уотти в огороде, чтобы он показал, где стоит фургон.

Управление фургоном оказалось действительно несложным, но все-таки это был весьма примечательный автомобиль, служивший в Тарболе поводом для шуток – к досаде миссис Уотти. Несколько лет назад Таппи продала старый «даймлер», который требовал слишком много бензина, и купила для повседневных поездок небольшой фургон у мистера Рики, копильщика. И хотя Уотти, поддавшись уговорам жены, перекрасил его, на боку четко проступали слова:

Арчибальд Рики

Самая лучшая рыба

Ежедневная доставка копченой сельди

Флора села за руль, завела мотор и, лязгнув переключателем передач, поехала в сторону Тарбола. В городке царило оживление. В гавани стояло множество судов, а пристань была забита грузовиками. В воздухе смешались гул моторов, скрежет лебедек, громкие разговоры грузчиков, шум насосов и крики вечно голодных чаек. Повсюду сновали люди: рыбаки в желтой клеенчатой одежде, водители грузовиков в комбинезонах, сотрудники порта в униформе. Женщины в резиновых сапогах и полосатых фартуках тоже были при деле – потрошили рыбу и фасовали ее для отправки дальше.

Флора вспомнила слова Энтони о том, что Тарбол, еще недавно небольшая рыбацкая деревушка, в последнее время стал крупным рыболовным центром. Признаки процветания были налицо. Новая школа, новые жилые дома на склоне холма, множество легковых автомобилей, заполонивших узкие припортовые улочки. Поездив кругами минут пять, Флора в конце концов втиснулась возле банка, рядом со знаком «остановка запрещена». Большинство покупок удалось сделать в одном магазине, и она отправилась на почту. Наклеив марку, девушка секунду помедлила и решительно бросила письмо в ящик. Она представила, как отец получает письмо, читает его сначала сам, а затем вслух, Марсии. Хорошо, что рядом с ним Марсия. Будь он один, то наверняка очень расстроился бы, а то еще и терзаться бы начал, что вырастил такую испорченную дочь.

Вернувшись к банку, Флора с ужасом обнаружила, что рядом с фургоном стоит молодой констебль. Она уже приготовилась извиняться за парковку в неподобающем месте, но констебль спросил:

– Вы – гостя миссис Армстронг из Фернрига?

– Да, – растерянно кивнула девушка.

– Я узнал машину.

– Извините, я...

– У вас есть еще дела здесь?

– Да, мне надо отвезти пирог доктору Кайлу. А затем забрать Джейсона из школы.

– Если вы собираетесь к доктору Кайлу, вам лучше пойти пешком. Там слишком крутая дорога. Не волнуйтесь, я присмотрю за фургоном.

– Спасибо.

Приветливо улыбаясь, констебль придержал дверцу машины, чтобы Флора смогла положить покупки и взять пирог.

– А вы... вы не скажете мне, где он живет?

– Вон там, на холме. Последний дом по левой стороне, не доходя до гостиницы. Перед домом сад, а на калитке – медная табличка.

– Большое спасибо.

– Пожалуйста.

Холм действительно оказался очень крутым, таким крутым, что к нему вела лестница в виде асфальтовых широких ступеней. Поднимаясь, Флора миновала несколько маленьких коттеджей, затем паб, затем опять коттеджи. Чем выше, тем внушительнее становились дома, каждый из которых был окружен небольшим садом. Почти на самой вершине, чуть в стороне от дороги, стоял дом, который был больше всех остальных – массивный, без архитектурных украшений. От калитки к крыльцу вела вымощенная плиткой дорожка. Сбоку находилась белая одноэтажная пристройка, похожая на огромную коробку из-под ботинок. На кованой чугунной калитке зеленела медная табличка с именем доктора Хью Кайла. Флора открыла калитку и пошла по дорожке к двери.

Она позвонила, но никто не открыл. Тяжелый сверток с пирогом оттягивал руку. Из вежливости Флора позвонила еще раз, затем, следуя указаниям миссис Уотти, пошарила правой рукой над дверью. Ключ действительно лежал там. Флора вставила его в замок, повернула и открыла дверь.

Пол в прихожей был выложен плиткой. Чувствовался легкий запах затхлости, как в старой антикварной лавке. Флора вошла, оставив дверь открытой. Сбоку стояла старомодная вешалка для шляп с отделением для зонтов, а рядом – маленький инкрустированный столик. В глубине, в полумраке, маячила лестница с выкрашенными белой краской балясинами. Все было покрыто слоем пыли. Часы стояли – то ли сломались, то ли их забыли завести.

Дверь направо вела в гостиную, имевшую совершенно нежилой вид. Жалюзи наполовину опущены, все вещи лежат на своих местах, и нет ни одного цветка. Флора закрыла дверь в гостиную и заглянула в комнату напротив. Там была сумрачная столовая, обставленная громоздкой викторианской мебелью. Массивный стол красного дерева, буфет соответствующих размеров, заполненный графинами и бокалами, стулья, уныло стоящие вдоль стен. Как в похоронном бюро, подумала Флора. Тихонько она закрыла и эту дверь и пошла по коридору в заднюю часть дома на поиски кухни.

И тут мертвенно-правильный порядок внезапно закончился. Кухня, учитывая размеры дома, была даже маловата, все доступные горизонтальные поверхности заставлены грязной посудой. Кастрюли, сковородки, миски. В раковине громоздились грязные тарелки, а на столе посередине комнаты красовалась тарелка с недоеденной яичницей, валялись рассыпанные кукурузные хлопья и кусок фруктового пирога. Неаппетитный натюрморт довершала полупустая бутылка виски в центре стола, которая придавала и без того печальной картине трагический оттенок.

Холодильник стоял в углу, рядом с плитой. Шагнув к нему, Флора запнулась о рваный коврик и едва не упала. Опустив глаза, она поняла, что пол не подметали по крайней мере неделю, а когда мыли в последний раз – вообще неизвестно.

Она открыла холодильник, торопливо сунула туда пирог, потом повернулась и огляделась. Того, что она увидела, было достаточно, чтобы сделать однозначный вывод: Джесси Маккензи страшная неряха, и чем скорее Хью избавится от нее, тем будет лучше. Ни один мужчина не способен за считанные дни довести кухню до такого кошмарного состояния.

Ее сердце сжалось от сочувствия. И в то же время Флора поняла, что Хью будет несказанно унижен, если узнает, что она видела весь этот беспорядок. Первой мыслью было тихонечко удалиться: пусть Хью считает, что пирог привез Уотти. И, кроме того, ей надо успеть за Джейсоном в школу. Флора посмотрела на часы и увидела, что еще только без четверти три. До конца школьных занятий оставался целый час. И что она будет делать все это время? Слоняться вдоль пристани? Пить кофе в баре у Сэнди? Конечно нет. Она стянула перчатки, расстегнула плащ, повесила его на крючок за дверью и закатала рукава. «Дура», – обругала она себя, ища глазами фартук.

Он нашелся у раковины, синий, скроенный на мужскую фигуру, слишком большой для нее. Дважды обмотав завязки вокруг талии, она открыла кран. Вода оказалась горячей – первая приятная неожиданность с того момента, как Флора переступила порог этого хмурого дома. В шкафчике под раковиной нашлись щетки для посуды, сода и пакет мочалок из металлической проволоки. Видимо, у Джесси Маккензи были благие намерения, хотя она и не воплощала их в жизнь. Перемыв столовую посуду, Флора убрала стопку чистых тарелок в буфет, а чашки и кувшины повесила на крючки. Дошла очередь до кастрюль. Она их не только вымыла изнутри, но и отдраила снаружи. Дальнейшее заняло совсем немного времени. Флора смела со стола крошки, выбросила зачерствевший кусок фруктового пирога и убрала бутылку виски подальше. Потом вытерла стол и шкафчики мокрой тряпкой. Все засияло. Ничего не приносит такого удовлетворения, как превращение грязной комнаты в чистую, подумала Флора. Она была довольна собой. Оставался только пол. Взглянув на часы и увидев, что еще только двадцать минут четвертого, она взяла грязный коврик, отнесла к черному ходу и начала искать веник. Его удалось обнаружить в сыром шкафчике, где пахло одновременно мастикой и мышами. Флора подмела пол, собрав крошки и мусор, которые копились, по-видимому, не один месяц, потом налила в ведро горячей воды с мылом и принялась за работу.

Изведя три ведра воды и полпачки мыльного порошка, она добилась изумительного результата. Чистый линолеум влажно блестел, демонстрируя рисунок из коричневых и синих квадратов, до тех пор скрытый под слоем грязи. Осталось только темное пятно под сушилкой рядом с раковиной. В приливе энтузиазма Флора сунула туда голову, не дрогнув даже при мысли о мышином помете, паутине и разбегающихся пауках.

Наконец работа была закончена. Пятясь, Флора выбралась из-под сушилки и хотела было встать, но тут, сквозь пространство между ножками кухонного стола, увидела чьи-то ноги: коричневые кожаные ботинки на каучуковой подошве и штанины твидовых брюк. Она медленно подняла глаза и наткнулась взглядом на изумленное лицо Хью Кайла.

Трудно было сказать, кто из них был ошарашен больше.

– Проклятье! – пробормотала Флора. – Я надеялась, что вы не придете.

Хью смотрел на нее как на привидение.

– Что, черт возьми, ты здесь делаешь?

Флора растерялась. Не потому, что ее застали за таким прозаическим занятием, как мытье полов, а из-за того, что Хью могло возмутить ее самоуправство.

– Вы что, не видите? Мою пол.

– Но тебе не следовало этим заниматься.

– Почему? Пол был грязным.

Хью обвел взглядом кухню, обратив внимание на сияющие чистотой полки, шкафчики и раковину, на аккуратно расставленную посуду. Его глаза вновь остановились на лице Флоры. В полном недоумении он поднял руку и потер затылок.

– Должен сказать, что это очень любезно с твоей стороны, Роза. Огромное спасибо.

– Пожалуйста, – небрежно бросила Флора.

– Но я так ничего и не понял. Как ты здесь оказалась?

– Миссис Уотти приготовила для вас пирог и попросила меня привезти его. Он в холодильнике. Я не слышала, как вы вошли, – добавила она.

– Входная дверь была открыта.

– О боже, я забыла закрыть ее!

Прядь волос упала ей на лицо. Флора откинула ее запястьем и встала. Огромный фартук топорищился вокруг ног. Она подняла ведро, вылила воду в сливное отверстие, выжала тряпку и поставила все это в шкафчик под раковиной. Потом развернула рукава рубашки.

– У вас никудышная экономка, – прямо заявила Флора. – Вам надо найти другую.

– Джесси старается. Просто сейчас ее нет. Она уехала в Портри, к своей матери.

– И когда она вернется?

– Не знаю. Завтра или, может, послезавтра.

– Вам нужно уволить ее и нанять другую. – Флора понимала, что ее слова звучат грубо, но она была сердита на Хью, потому что видела, как он измучен и до чего себя довел. – Это смешно. Вы единственный врач в городе. Вам должен кто-то помогать. Неужели этим не может заняться сестра, которая работает у вас в приемной?

– Она замужем, и у нее трое детей. Ей своих забот хватает.

– Разве она не может найти хорошую экономку для вас?

Хью покачал головой:

– Не знаю.

Флора поняла, что он не просто измотан. Он измотан до такой степени, что ему все равно, будет ли у него новая экономка. Она пожалела о том, что стала нападать на него, ворча, как сварливая жена.

– Трудный день? – спросила она более мягким тоном. – Пришлось далеко ездить?

Он огляделся в поисках стульев, которые Флора сдвинула в угол, взял один и сел у стола.

– В Лохгарри. Я был в больнице. Навещал Энгуса Маккея.

– Того старика, о котором вы мне рассказывали? Который упал с лестницы?

Хью кивнул.

– Значит, он все же согласился лечь в больницу?

– Да. Согласился. Точнее, его заставили.

– Вы заставили?

– Да. Я. Сегодня утром в Ботурих приехала машина «скорой помощи», и его увезли. А после обеда я навестил его. Он в палате с пятью другими стариками. Все они лежат, уставившись в стену, и ждут смерти. Я попытался его подбодрить, но он только тоскливо смотрел на меня, как умирающий пес.

– Но ведь вы не виноваты. Если бы он остался дома, то мог бы опять упасть. А в больнице ему обеспечен хороший уход.

Хью молча выслушал эту тираду, исподлобья глядя на Флору. Потом медленно проговорил:

– Он стар, Роза. Он слаб и растерян, а мы лишили его привычной почвы. Оторвали от корней. Это бесчеловечно. Он родился в Ботурихе, там жили его отец и дед. Энгус привез туда свою жену, там родились его дети. А сейчас, в конце жизни, мы увезли его оттуда и оставили на попечение чужих людей.

Флору удивило то, что Хью, врач, позволяет себе такие эмоции по отношению к пациентам.

– Но так устроен мир. Люди стареют, и с этим ничего нельзя поделать.

– Энгус для меня не просто пациент. Он часть моего детства. Отец много работал, ему не хватало времени возиться со мной, поэтому по субботам я часто садился на велосипед и ездил за пятнадцать миль в Ботурих, к Энгусу Маккею. Он был высоким, поджарым, здоровым как бык, и я думал, что он знает все. Он действительно знал все о птицах, лисах, зайцах, знал, где

ловится самая жирная форель и как привязать наживку, чтобы ни один лосось не устоял. Я считал его самым мудрым человеком в мире. И сильным. Мы вместе рыбачили, взбирались на гору, чтобы посмотреть на окрестности через подзорную трубу. Он показывал мне, где гнездятся золотые орлы.

Флора улыбнулась, представив мальчика и немолодого мужчину, шагающих рядом по лесу.

– Сколько лет вам тогда было?

– Примерно десять. Чуть больше, чем Джейсону.

Джейсон. Флора забыла о Джейсоне. Она посмотрела на часы и начала в панике развязывать фартук.

– Мне надо бежать. Я должна забрать Джейсона из школы. Он решит, что о нем забыли.

– А я надеялся, что ты напоишь меня чаем.

– Я опаздываю. Я должна быть там без четверти четыре, а сейчас уже без двадцати.

– А если я позвоню директору школы и попрошу его немного задержать Джейсона?

Предложение было неожиданным. «Он хочет, чтобы я осталась, – подумала Флора, – но почему?»

– А Джейсон не будет возражать? – спросила она вслух.

– Нисколько. – Хью поднялся на ноги. – В школе есть игрушечная железная дорога, и если мальчики ведут себя хорошо, им позволяют поиграть в нее. Джейсон обрадуется такой возможности.

Он вышел в прихожую, оставив дверь открытой. Флора осталась стоять на месте. Она была сбита с толку поведением доктора. Почему он, такой суровый при первой встрече на берегу, вдруг изменил свое отношение к ней?

Она наполнила чайник водой и поставила на плиту. Из прихожей доносился голос Хью:

– Мистер Фрейзер? Говорит доктор Хью Кайл. Джейсон Армстронг еще в школе? Вы не могли бы оставить его минут на пятнадцать? Невеста Энтони Армстронга должна заехать за ним, но она немного задерживается. Ну, если честно, она сейчас у меня дома, собирается напоить меня чаем. Да, это было бы очень любезно с вашей стороны. Спасибо. Мы будем здесь, когда он придет. Скажите ему, что не нужно звонить, дверь открыта. Пусть сразу идет на кухню. Хорошо. Я вам очень признателен. До свидания, мистер Фрейзер.

Флора услышала, как Хью положил трубку, и в следующую секунду он уже снова вошел в кухню.

– Все в порядке. Один из преподавателей подвезет Джейсона на машине и высадит у калитки.

– Значит, ему не дадут поиграть в железную дорогу?

Хью подвинул к столу второй стул.

– Не знаю.

Флора нашла заварной чайник с отбитым носиком, достала из холодильника молоко и поставила на стол две красивые старинные чашки из веджвудского фарфора.

– Где у вас сахар и чай?

Он порылся в буфете и извлек и то и другое. Чай хранился в старой жестяной банке с портретом Георга Пятого на боку. Банка погнулась, а часть краски стерлась.

– Похоже, этой чайнице много лет, – сказала Флора.

– Да, как и всему в этом доме, включая меня.

– Вы прожили здесь всю жизнь?

– Почти. Мой отец прожил здесь сорок лет, и когда я занял его место, я словно шагнул в прошлое. Поначалу я думал, что легко смогу довести состояние медицины в Тарболе до современного уровня, но мне понадобилась масса усилий только для того, чтобы добиться пристройки приемной. А когда это было сделано, я забыл о доме, то есть перестал замечать его.

Чайник закипел. Флора заварила чай и вежливо сказала:

– У вас хороший крепкий дом.

Это была единственная фраза, которую она смогла придумать, чтобы не обидеть хозяина.

– А Таппи не нравится, – без всякой обиды сказал Хью. – Она называет его мавзолеем, и я готов согласиться с ней.

– Сам по себе это хороший дом, – возразила Флора и налила чай. Атмосфера стала домашнему приятной. – Любой дом можно сделать более уютным. Все, что требуется сделать... – она ненадолго задумалась, – это заново покрасить стены.

Хью посмотрел на нее в изумлении.

– И все? – спросил он.

– Ну, для начала. Свежая краска творит чудеса.

– Я подумаю. – Он добавил в чай молока, положил несколько ложек сахара, перемешал, выпил залпом и тут же налил вторую чашку. – Заново покрасить стены, – пробормотал он. – И еще, пожалуй, надо поднять жалюзи, чтобы впустить в дом солнце. И натереть паркет. Нужны цветы, книги, музыка. И чтобы в камине горел огонь, когда возвращаешься домой в холодный зимний вечер.

– Вам нужна не новая экономка, а жена, – не подумав, сказала Флора и осеклась под его взглядом. – Простите, – поспешно добавила она.

Но Хью, по-видимому, не обиделся.

– Я был женат. – Его слова прозвучали как утверждение, а не как обвинение.

– Да, Таппи мне рассказала.

– А о чем еще она тебе рассказала?

– О том, что ваша жена погибла в автомобильной аварии.

– И ничего больше?

– Нет. – Флора чувствовала себя обязанной защитить Таппи. – Она рассказала мне об этом, потому что беспокоится о вас. Ей не нравится, что вы живете один.

– После того как я обручился с Дианой, я привез ее сюда, в Тарбол. Визит был неудачным. Таппи об этом что-нибудь говорила?

– Вообще-то, нет. – Флора почувствовала себя немного неловко.

– По твоему лицу вижу, что говорила. Диана не понравилась Таппи. Как и все остальные, Таппи считала, что я совершаю ужасную ошибку.

– А это была ошибка?

– Да. С самого начала. Но я был так ослеплен, что не мог признаться в этом даже себе самому. Я познакомился с Дианой в Лондоне, когда работал в больнице Святого Томаса над диссертацией по хирургии. У меня был приятель, Джон Рашмур. Я знал его еще по Эдинбургскому университету, мы вместе играли в регби. Именно он познакомил меня с Дианой. И она, и Джон принадлежали к миру, которого я никогда не знал. И, как любой провинциал, я был очарован этим миром. И Дианой. Когда я решил жениться, все говорили, что я сошел с ума. Ее отец меня ни в грош не ставил. Он считал меня хитрым шотландцем, который охотится за приданым его дочери. Мой профессор тоже не испытывал восторга. Мне оставалось еще два года до защиты диссертации, и он полагал, что карьера должна быть для меня важнее, чем семейная жизнь. И разумеется, с ним был согласен мой отец. Возможно, вам это покажется странным, но мнение отца значило для меня больше всего. Я чувствовал, что если получу его благословение, то всех остальных смогу послать к черту. Поэтому я привез Диану домой, чтобы познакомить с отцом. Она не очень-то хотела сюда ехать. До этого она была в Шотландии лишь однажды, кажется, принимала участие в охоте на куропаток, и идея поездки в Тарбол ее не вдохновила. Но я все-таки уговорил ее, наивно полагая, что мой отец и друзья примут ее с распростертыми объятиями. – Хью тяжело вздохнул. – Ничего из этого не вышло. Вся затея обернулась катастрофой. Постоянно шел дождь, Диана возненавидела Тарбол, этот дом и

Шотландию. Конечно, она была избалована и, как многие избалованные женщины, умела быть очень обаятельной, но только с людьми, которые ей нравились. А здесь не оказалось никого, кого она сочла бы достойным своего внимания. Мой отец, человек не очень-то разговорчивый, был чрезвычайно любезен с Дианой, но она его просто не замечала, и к концу третьего дня он не выдержал. Накачался виски, отвел меня в приемную и сказал, что я спятил. Он еще много чего мне наговорил, что по большей части невозможно повторить. Я не остался в долгу, мы поссорились. После этого мне ничего не оставалось, как посадить Диану в машину и уехать обратно в Лондон. Через неделю мы поженились. Можно сказать, не вопреки родительским возражениям, а благодаря им.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.